

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ

А. И. Папкин, И. А. Папкин

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 07-06-00079а.

Аннотация: данная статья включает в себя подробное описание видов девиантного поведения сотрудников ПОО и причин их возникновения. Раскрывает негативные тенденции девиантных проявлений среди персонала, структуру преступлений, совершенных сотрудниками ПОО, влияние кризисных жизненных ситуаций на девиации поведения, этапы порождения психологической готовности сотрудника ПОО к совершению преступного деяния.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, суицидальное поведение, правовое сознание, социальная идентичность, профессиональная деформация сотрудников ПОО.

The summary: given article includes the detailed description of kind's deviation behaviour of employees PОО and the reasons of their occurrence. Opens negative tendencies deviation displays among the personnel, structure of the crimes made by employees ПОО, influence of crisis reality situations on behaviour deviations, stages of generation of psychological readiness of employee PОО to criminal action fulfilment.

Keywords: deviation, illegal the behavior deviating behaviour, suicide behaviour, legal consciousness, social identity, professional deformation of employees PОО.

Значительную тревогу у руководства правоохранительных органов (МВД Рос-

сии, ФСИН России, прокуратуры России, Следственного комитета при прокуратуре России, ФСКН и др.) вызывают проблемы профилактики и пресечения учащающихся случаев девиантного поведения сотрудников. Изучение деятельности правоохранительных органов (ПОО) указывает на возрастающую роль практических психологов и психологической службы ПОО в исследовании причин и проведении мероприятий по индивидуальной профилактике девиантного поведения работников. Полученные данные позволяют утверждать, что одним из негативных последствий недооценки психологической службы и сокращения числа психологов правоохранительных органов в ряде регионов страны является снижение эффективности указанного направления работы. Выявлена устойчивая связь между сокращением числа психологов в некоторых регионах страны с ростом числа сотрудников, привлеченных к ответственности за нарушения законности и совершение преступлений.

При сравнении показателей текучести кадров, состояния служебной дисциплины, количества жалоб граждан на нарушения законности и противоправные действия сотрудников, установлено, что в тех подразделениях правоохранительных органов, где создана система

психологического обеспечения личного состава и практические психологи работают стабильно (по времени не менее 2-х лет), ситуация значительно лучше, чем там, где такие специалисты отсутствуют.

В юридической психологии проблемы психологического изучения причин и разработки мер по профилактике девиантного поведения работников правоохранительных органов представлены недостаточно, мало специальных исследовательских работ. Ряд исследований в рамках рассматриваемой темы выполнены А.В. Будановым, С.Г. Беспалой, М.И. Марьиным, А.Н. Пастушеней, А.И. Папкиным, И.А. Папкиным, В.М. Поздняковым, А.Р. Ратиновым, Е.Г. Самовичевым, А.М. Столяренко, Д.М. Сочивко, А.Д. Сафроновым, Н.В. Стряпиной, А.Н. Суховым, Н.С. Фоминым, А.В. Устюжаниным, А.И. Ушатиковым, Г.С. Човдыровой и др.

Ведущая гипотеза при проведении исследований девиантности заключается в предположении, что четкое понимание причин, тенденций и психологического механизма девиантного поведения сотрудников ПОО создает необходимые предпосылки для разработки комплекса методических рекомендаций, позволяющих повысить эффективность его профилактики психологическими методами.

Необходимым элементом исследования особенностей девиантного поведения работников правоохранительных органов является уточнение некоторых категорий и понятий, их соотношения между собой. Прежде всего - это понятие «девиации». Под девиацией (лат. deviation - отклонение, de от + via дорога) понимается отклонение от некоторых

норм, стандартов, предписанных правил поведения. Таким образом, *девиантное поведение представляет собой отклонение действий и поступков сотрудников правоохранительного органа (ПОО) от нормативного поведения, ведущее к нарушениям нравственных, правовых, этических, профессиональных, экономических и иных норм, изменение способов решения профессиональных и личностных задач, деформации отношений и образа жизни.*

По силе социальных отклонений девиантное поведение работников ПОО может приобретать форму: *нравственного или иного проступка, находящегося вне сферы правового регулирования; некриминального деликта (лат. delictum - всякое правонарушение, юр.), то есть административного, гражданского, дисциплинарного и иного правонарушения; криминального деликта или преступления.*

С теоретической точки зрения важно выделить *основные виды девиантного поведения личности работника ПОО*, которые позволяют раскрыть его основное содержание. К ним можно отнести: *1) отклоняющееся поведение в форме нравственных, этических, профессиональных и иных проступков, находящихся вне сферы правового регулирования; 2) делинквентное или противоправное поведение, в том числе преступное; 3) кондуктивное поведение; 4) аддиктивное поведение; 5) виктимное поведение; 6) суицидальное поведение; 7) поведение лица, причиной которого служат имеющиеся у него сексуальные перверсии; 8) дезадаптивное и неадекватное жизненным ситуациям поведение лиц в состоянии острых психических переживаний и психически больных людей и др.*

Анализ существующего положения дел в работе с кадрами правоохранительных органов по предупреждению нарушений дисциплины, законности и преступлений позволяет констатировать ряд негативных тенденций и фиксировать рост девиантных проявлений среди персонала.

Во-первых, наблюдается значительный рост сотрудников, привлеченных к ответственности за преступления в 2007 году по сравнению с предыдущим годом (+8,6%). В целом, статистические данные за три года демонстрируют тенденцию криминализации и высокого удельного веса числа сотрудников МВД России, привлеченных к уголовной ответственности (2006 г. - 4020,

2007 г. - 4367, 2008 г. - 3785). Количество осужденных из их числа составляет ежегодно более 2000 человек.

Во-вторых, индекс преступности в расчете на одну тысячу личного состава показывает тенденцию к росту противоправных деяний. За 12 лет он вырос на 1/3 (в 1997 г. упомянутый индекс был равен 2,63, в 2008 г. - 3,6). К числу наиболее «криминализованных» подразделений следует отнести уголовный розыск, службу участковых уполномоченных милиции, ГИБДД, подразделения БЭП.

В-третьих, в структуре преступности сотрудников органов внутренних дел преобладают должностные преступления и взятки (табл. 1).

Таблица 1
Структура преступлений, совершенных сотрудниками ОВД

Виды преступлений	Процентное соотношение сотрудников, совершивших преступления от общего числа
Должностные преступления	59,6
Взяточничество	10,2
Убийство	1,9
Умышленное причинение вреда здоровью	4,1
Грабежи	2,6
Разбои	1,9
Незаконное обращение наркотиков	1,9
Кражи	4,2
Изнасилования	0,7
Вымогательство	2,0

В-четвертых, наблюдается определенная связь между ростом нарушений законности и ростом числа сотрудников, совершивших преступления (см. табл. 2),

что подтверждает зависимость криминального поведения от состояния служебной дисциплины и законности в подразделениях ОВД.

Таблица 2
Динамика нарушений законности и преступлений,
совершенных сотрудниками ОВД (2006-2008 гг.)

Годы	За нарушения законности	+, - в %	За преступления	+, - в %
2006	26639	9,0	4020	- 5,8
2007	40039	50,3	4367	8,6
2008	47358	18,3	3785	-13,3

Психологические причины девиантного поведения отражают личностные изменения у индивида, повышающие уровень социальной отчужденности, криминогенности, ведущие к появлению асоциальной мотивации и приемлемости противоправного поведения. *Социально-психологические причины* проявляют себя в негативных характеристиках социального окружения и его влияния на личность, составляющих предпосылки и особенности формирования преступных групп из числа сотрудников ПОО.

Прежде всего, среди кардинальных психологических причин девиантного поведения следует назвать изменение нормосознания работника, включая правосознание. Развитие личности непосредственно связано с усвоением социальных норм, существующих в обществе, построением своей жизни в согласии с этими нормами или, наоборот, их игнорированием, ведущим к социально отклоняющемуся, девиантному поведению. В социально одобряемом поведении в соответствии с принятыми нормами (морали, этики, права и др.), имеющем всегда высокую значимость для личности, проявляется ее психология. Мораль, нравственность и право неразрывно связаны, и личность, разбирающаяся в вопросах морали, интуитивно

угадывает, что справедливо в обществе, а что нет, и не допускает нарушений социальных норм. Основные требования нормативного поведения к личности и ее психологии заключаются в том, что человек должен знать социальные нормы и их требования, быть убежденным в необходимости их выполнения.

Правовое сознание как элемент общего нормосознания работника ПОО включает в себя знание правовых норм, отношение к ним (то есть оценку их как справедливых или несправедливых) и следование им в конкретном поведении личности или отказ от соблюдения и их нарушение в случае противоправных действий. Следует также иметь в виду, что отношение к норме зависит от *значимости для человека конкретных нормоохраняемых ценностей* (собственности другого человека, достоинства человека, чести, здоровья, жизни и т.п.). Правосознание и правовая психология правонарушителей имеют в этом случае значительное отличие от правового сознания законопослушных граждан, так как у лиц с девиантным поведением существенно снижена ценность многих правоохраняемых объектов.

Одной из важных психологических причин девиантного поведения является деформация социальной и личностной идентичности работника, частич-

ная потеря эгоидентичности, неверное понимание выполняемых социальных ролей, путанность в понимании социальных ролей. Современная концепция социальной идентичности утверждает: с одной стороны, потребность в обретении той или иной идентичности с социальной группой испытывает каждый индивид, а с другой - представление о себе как идентичного какой-либо социальной группе неизбежно требует обособления и противопоставления другой группе людей, занятия определенной жизненной позиции и выполнения различных социальных ролей. Степень социальной идентичности варьируется в зависимости от социального контекста и чаще всего является результатом множественной системы социальных идентификаций (от лат. identificare - отождествлять), поскольку в реальности человек одновременно является членом разных социальных общностей (например, национальной, религиозной, половой, профессиональной и др.) Социальная идентичность конкурирует с личностной идентичностью (эгоидентичностью) - представлениями о себе как самоценном и уникальном человеке в терминах индивидуальных отличий от других людей. Более того, высокий уровень социальной идентичности может привести к деперсонализации. Однако в ситуациях психологического дискомфорта (например, в условиях личных или социальных потрясений) человек, как правило, двигается не в сторону поиска аутентичности, личностного роста и развития, а пытается обрести уверенность, ощущая себя принадлежащим к какой-либо социальной группе. При этом индивид расценивает это одновременно и как обретение личностной идентичности.

Сам процесс, который ведет к социальной идентичности и отражает ее динамику и степень, называется *социальной идентификацией*. Это - важный психологический механизм социализации, проявляющийся в принятии работником ПОО (субъектом идентичности) определенной социальной роли при вхождении в профессиональную группу, в осознании им групповой принадлежности, формировании установок и мотивов поведения, усвоение определенных норм и ценностей, образцов и правил. *Социальная идентификация - это процесс мысленного объединения себя с какой-либо группой людей, отдельными лицами, на основании установившихся эмоциональных связей и предпочтений, и усвоение разделяемых членами группы социальных представлений и образцов определенного поведения.* В качестве *идентификационных фигур* могут выступать большие социальные общности (нация, этническая группа, профессиональная общность, возрастная группа и т.д.), малые социальные группы (семья, учебный класс, студенческая группа, профессиональный коллектив, воинское подразделение, дружеская компания и т.д), а также отдельные лица (мать, отец, учитель, политик, известный спортсмен, артист и т.д).

Процесс нахождения социальной идентичности органично связан с *социализацией человека и приобретением им опыта жизни* в том или ином сообществе, группе. Множественность и неизбежная рассогласованность различных социальных воздействий на каждой стадии социализации могут привести к тому, что результатом этого *процесса будет не правомерное, а асоциальное, девиантное поведение.* Кроме того,

в качестве референтных групп для человека могут выступать общности, имеющие асоциальную, а то и противоправную мотивацию, побуждающие индивидов к девиантному поведению или преступлению.

В юридической психологии установлена необходимость изучения влияния жизненных ситуаций, в том числе трудных жизненных ситуаций и жизненных кризисов на формирование готовности к реализации девиантного поведения. В упомянутой ранее психосоциальной концепции развития личности Э. Эриксона отмечается, что процесс развития личности от младенчества до старости состоит из восьми этапов, каждый из которых представляет собой особую альтернативную фазу решения возрастных и жизненно-ситуативных задач. К таким *кризисным фазам* Э. Эриксон относит: 1) базисное доверие/недоверие к миру; 2) автономия/чувство зависимости; 3) инициативность/чувство вины; 4) производительная деятельность/чувство неполноценности; 5) идентичность/диффузия идентичности; 6) интимность и социальность/изоляция; 7) творчество/застой; 8) эго-интеграция/разочарование в жизни. Представляется, что каждый из восьми этапов состоит из ряда конкретных кризисных ситуаций, в которых люди выбирают разные *альтернативные варианты поведения*. В одном случае они приводят к социальной адаптации личности, эго-идентичности и интеграции с обществом, социальными нормами и социальными группами, а в другом случае - к социальной отчужденности, дезадаптации, деиндивидуализации, отхода от принятых в обществе нормативных способов решения жизненных

проблем. В связи с этим у человека начинают формироваться личностные качества, свойственные нарушителям социальных норм, в том числе правовых норм: повышенная тревожность, агрессивность, подозрительность, импульсивность, склонность к решению проблем силовым путем и др.

В *кризисных жизненных ситуациях*, требующих от лиц значительного напряжения, активизации всех жизненных ресурсов, выбора способа разрешения ситуации, как показывают исследования, довольно часто возникают *девиации поведения*, то есть отход от социальных норм в целях разрешения возникшего кризиса неадекватными, асоциальными, противоречащими нормам нравственности и права способами. Разрешение жизненных кризисов у преобладающего числа людей происходит в рамках нормативного поведения, но у ряда лиц наблюдается *склонность к девиантным действиям*.

Важно выделить основные пути и механизм влияния кризисных жизненных ситуаций на формирование девиантного поведения человека. Рассматриваемые научные проблемы образуют, на наш взгляд, психологическую теорию влияния кризисных жизненных ситуаций на развитие девиантного поведения личности.

Исследования и наблюдения показывают, что к числу *основных кризисных жизненных ситуаций* следует отнести:

- **возрастные кризисы или кризисы возраста** (кризисы подросткового и юношеского возраста, пенсионного возраста, старческого возраста);
- **кризисы выполнения социальных ролей** (незнание, непонимание и уклонение от исполнения социальных ролей);

• **кризисы социальных отношений** (ссоры, конфликты, моббинг, месть, провокации, шантаж, обман и др.);

• **кризисы социальных состояний личности** (алкоголизм, наркомания, хроническая болезнь, инвалидность, сексуальные перверсии, суицидальные намерения, старость, одиночество, отсутствие семьи, отсутствие гражданства, работы, постоянного дохода, места жительства и др.);

• **семейные кризисы** (проблемы отношений родителей и детей, уход из семьи совершеннолетних детей, сексуальные проблемы супругов, выход супругов на пенсию, тяжелая болезнь члена семьи, инвалидность члена семьи, супружеская измена и др.)

• **кризисы учебной деятельности** (неуспеваемость, второгодничество, отчисление из учебного заведения; неудачная сдача экзаменов при поступлении после окончания школы в профессиональное образовательное учреждение; разочарование в будущей профессии и др.)

• **профессиональные кризисы** (кризисы учебно-профессиональной ориентации, профессиональных экспектаций, профессиональной адаптации, профессионального роста, профессиональной карьеры, утраты профессии и др.)

• **кризисы социальных препятствий** (невозможность трудоустроиться; хроническая безработица; отказ банков в кредитовании своего дела; невозможность расплатиться по взятому кредиту в банковском учреждении или займу у физических лиц; выселение из занимаемой квартиры; низкий уровень доходов или нищета; отказ в предоставлении социальных льгот и др.)

• **кризисы потерь** (потери в результате внезапной смерти в результате преступного насилия, терактов, стихийных бедствий, техногенных катастроф близких лиц, семьи, опекунов, друзей, супруга (и), детей и др.; потери работы, дохода, жилья, имущества, места жительства, гражданства, свободы и т.п.);

• **кризисы изменения социального окружения** (вхождение в новый учебный или профессиональный коллектив; приобретение новых знакомых и друзей; отбывание уголовного наказания в исправительном учреждении; выезд за границу на временное или постоянное место жительства и др.);

• **кризисы изменения образа жизни** (брак; развод; переезд из села в город и наоборот; эмиграция; вынужденное переселение; миграция; переход от законопослушного поведения к асоциальному; маргинальный образ жизни; бродяжничество; попрошайничество; потеря мотивации общественно полезного труда; беспризорничество и др.);

• **кризисы отношений государства и личности** (неверные решения государственной власти и суда в отношении личности; злоупотребления государственных служащих и работников правоохранительных органов; вымогательство; коррупция и др.)

В качестве условия склонности к девиантному поведению в этих трудных жизненных ситуациях являются испытываемые людьми *кризисные эмоциональные состояния, фрустрационные и агрессивные психические состояния* (А.И. Папкин, Д.Ю. Кузнецов, 2006 г.).

Определенной предпосылкой, а порой причиной девиантного поведения, является недисциплинированность сотрудника ПОО, его склонность к часто-

му нарушению служебной дисциплины. (А.И. Папкин, 2000 г.) Например, в год фиксируется более 150 тысяч нарушений дисциплины рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел. Больше половины всех дисциплинарных проступков составляют нарушения исполнительской дисциплины. Из общего числа нарушений дисциплины 9% составляют проступки, связанные с невыходом сотрудников на службу без уважительной причины. Более 2,5 тыс. дисциплинарных проступков связано со злоупотреблением служебным положением, превышением власти, грубостью и бестактностью в отношении граждан.

Имеют место нарушения дисциплины, связанные со злоупотреблением спиртными напитками. В год регистрируется более 12 тыс. случаев злоупотребления сотрудниками органов внутренних дел спиртными напитками (10,7 на 1 тыс. л.с.). В состоянии алкогольного опьянения сотрудниками совершается ежегодно около 1 тыс. ДТП, в том числе более 700 - на служебном автотранспорте. По вине сотрудников органов внутренних дел ежегодно происходит около 3 тыс. ДТП. За нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств в год привлекается к ответственности более 400 работников органов внутренних дел. В целом по МВД России за год регистрируется более 300 случаев самоубийств сотрудников ОВД.

По мнению А.Н. Пастушени (1998 г.), специфической качественной особенностью психического склада личности, определяющей наличие склонности совершить при определенных условиях противоправные деяния, является *криминогенность*. О ней можно вести речь

не только в отношении лиц, совершающих или совершивших преступления; она может быть присуща и лицам, не совершившим антиобщественных деяний в силу отсутствия условий для реализации указанной готовности.

Основу криминогенности личности составляет *личностная приемлемость совершения противоправных поведенческих актов* при определенных социальных условиях. Отличительная особенность личности работника ПОО, обладающей криминогенной потенциальностью, выражается в приемлемости совершения преступного деяния как способа удовлетворения некоторой потребности или разрешения определенного типа проблемной ситуации. Преобладающая представленность преступного способа действий в сознании личности может проявляться: во-первых, в смыслообразующих представлениях и убеждениях о положительном значении преступного способа; во-вторых, в преобладающем положительном или индифферентном отношении к способу противоправного поведения; в-третьих, в криминальной личностной ценностной ориентации, которая определяет решимость или допустимость использования данного способа в определенных жизненных ситуациях; в-четвертых, в криминальной установке на девиантное поведение, которая дополняет личностную норму операциональной освоенностью противоправных действий. Одним из проявлений криминогенности личности является отсутствие достаточной антикриминальной устойчивости, т.е. способности противостоять криминогенному воздействию обстоятельств ситуации и окружающих лиц.

Одним из серьезнейших изменений в ценностно-мотивационной сфе-

ре личности правонарушителя является *отклонение в сфере правовых ценностей и норм*. Негативное отношение правонарушителя к правоохраняемым ценностям тесно связано с *нравственными отклонениями*, выражающимися в аморальных поступках и безнравственном поведении. Система отклонений от нормативно-правовых предписаний у правонарушителя может характеризоваться различной глубиной и устойчивостью, действовать не только в сфере нарушений уголовного законодательства, но и иных правовых норм (гражданского, семейного, административного, трудового права).

Важны понимание и учет в профилактической работе *механизмов преодоления кризиса, адаптации* работника ПОО к возникшей жизненно трудной ситуации. В связи с этим обстоятельством целесообразно обратиться к одному из теоретических положений, сформулированных Э. Сатерлендом в рамках теории дифференцированной связи. Он отмечал: «Лицо становится преступником в результате преобладания у него взглядов, благоприятствующих нарушению закона, над взглядами, не благоприятствующими этому». В отечественной юридической психологии А.Н. Пастушеня выдвинул понятие «*личностная приемлемость преступного поведения*». Эти положения указанных авторов направлены на обоснование приоритетности ценностно-нормативной сферы лица в объяснении его криминальных действий. (2001 г.).

Различные способы разрешения трудной или кризисной жизненной ситуации не обязательно ведут к совершению противоправных действий (правонарушению, преступлению), но часто

представляют собой *другие виды девиантного поведения*: безнравственные поступки, обман других лиц, сокрытие важной информации, пренебрежение интересами родственников, членов семьи и близких друзей, супружеская измена, утаивание от членов семьи доходов и т.п. Такие действия часто выступают в качестве ближайших причин, условий и предпосылок совершаемых впоследствии противоправных деяний.

При проведении индивидуальной предупредительной работы важно выявить *тенденции индивидуальных стратегий* разрешения жизненных трудностей работников ПОО на основе применения существующих диагностических средств и повысить уровень личностно-средовых адаптационных ресурсов. Исследования показали, что к личностно-средовым адаптивным ресурсам следует отнести: 1) уровень когнитивного развития индивида; «Я-концепцию»; locus контроля; эмпатию; аффилиацию; стрессоустойчивость лица (*личностные ресурсы*); 2) способность оказывать и воспринимать социальную поддержку; наличие социально-поддерживающей сети и поддержание ее эффективности (*средовые ресурсы*) (Лебедев И.Б., 1998 г.).

Психологические обследования, проводимые в школе, при приеме на учебу в вузы и на работу, а затем в процессе обучения и профессиональной деятельности с психопрофилактической целью часто позволяют выявить лиц, имеющих нервно-психическую патологию, склонность к девиантному, в том числе противоправному поведению, и *включить их в «группу риска»*. Например, в среднем по России среди кандидатов на службу в органы внутренних дел выявляются факторы «группы риска» у каждого тре-

тьего, среди кандидатов на учебу - у каждого пятого, среди сотрудников при перемещении - у каждого четвертого. Принадлежность к «группе риска» снижает степень профессиональной пригодности до уровня «минимально соответствует требованиям профессии, рекомендуется условно» или «не соответствует требованиям профессии, не рекомендуется». Лица, отнесенные по результатам психологической экспертизы к «группе риска», должны ставиться психологом (школьным, вузовским, психологом, работающим с работниками предприятия, организации или учреждения и др.) на особый контроль для проведения коррекционной и профилактической работы. Практические психологи должны обращать особое внимание на адекватность поведения этих лиц, на умение разрешать конкретные ситуации, контролировать и корректировать свои недостатки, на ориентацию личностных установок и жизненных ценностей.

С целью активизации индивидуальной воспитательной и профилактической работы с каждым лицом, имеющим девиантные намерения, целесообразно нормативно закрепить порядок составления, внесения изменений и методически обосновать структуру и содержание его динамического, психологического портрета, начиная с профессионально-психологического обследования при приеме на учебу или работу и внося практическими психологами ПОО периодически дополнительные данные.

Наблюдения и проведенные обследования показывают, что предпосылкой девиантного поведения является профессиональная деформация сотрудников ПОО. К числу ее основных проявлений относят: наличие установки на

«обвинительный уклон» по отношению к другим людям; чрезмерную подозрительность; правовой нигилизм; правовой ригоризм; усвоение сотрудниками элементов криминальной субкультуры; «упрощения» речевого общения, выражающегося в снижении культуры и этики общения с гражданами; уверенность в собственной непогрешимости и т.д.

Г.С. Човдырова (2000 г.) отмечает, что проблемы, связанные с профессиональной деформацией личного состава МВД России, многоплановые и включают в себя комплекс вопросов, связанных с кадровой политикой, социально-психологическими и индивидуально-психологическими свойствами личности сотрудников. Они также связаны с особенностями профессиональной адаптации в экстремальных условиях, координацией, управлением и контролем практической деятельности сотрудников ОВД, уровнем организации служб психологического и медико-психологического обеспечения и т.д.

К задачам профилактики профессиональной деформации следует отнести: выработку у сотрудников профессионального иммунитета и высокой культуры в работе; развитие нравственно-психологической устойчивости и деловой направленности; формирование у сотрудников установки на следование в работе Кодексу профессиональной чести; совершенствование социально-психологического климата в службах и подразделениях.

Предварительное изучение Г.С. Човдыровой направлений, связанных непосредственно с психологическим обеспечением деятельности личного состава, выявило ряд проблем, связанных с девиантным поведением сотрудников

ОВД. Во-первых, это *развитие нервно-психических нарушений* в результате повышения ежедневной напряженности и экстремальности профессиональной деятельности личного состава МВД. Об этом свидетельствуют стрессовые реакции, расстройства и то, что 7% сотрудников, из числа уходящих в отставку по болезни, увольняются по психическим заболеваниям. Во-вторых, *суицидальное поведение*, в результате которого ежегодно уходит из жизни от 200 до 400 сотрудников ОВД. В-третьих, *профессиональный травматизм*, в результате которого ежегодно погибает до 300 сотрудников, и вдвое больше подвергаются ранениям. В-четвертых, *тенденция к снижению морально-нравственного уровня личного состава* (рост преступности среди личного состава, алкоголизация и употребление наркотиков).

К числу факторов, вызывающих нередко девиантное поведение, следует отнести *негативное влияние на сотрудников ПОО некоторых лиц из числа ближайшего социального окружения, а также конкретной жизненной ситуации.*

К отрицательным факторам конкретных условий напряженной оперативно-служебной деятельности относятся: несение службы в режиме «усиления», отсутствие условий для соблюдения режима питания, сна и отдыха, частые ситуации с привлечением сотрудников к экстремальным видам оперативно-служебной деятельности, вынужденный отрыв от семьи и воспитания детей и т.д. Поэтому влияние конкретной социальной (деловой, семейной и т.д.) ситуации может проявляться в неадекватных поведенческих и коммуникативных реакциях, приводящих к нарушению законности и правопорядка, а в субъективном

плане - в широком диапазоне мотивационных, интеллектуальных и психоэмоциональных нарушениях.

Процесс порождения психологической готовности сотрудника ПОО к совершению преступного деяния и ее реализации в общественно опасном поведенческом акте может рассматриваться как *генезис девиантного поведения.* А.Н. Пастушеня (1998 г.) выделяет различные этапы формирования готовности и типы данного процесса, существенно зависящие от особенностей личности субъекта преступного деяния, обстоятельств социальной ситуации (в том числе от ее остроты, напряженности), криминального содержания деяний (корыстные, корыстно-насильственные, насильственные, сексуально-насильственные и др.). Процесс порождения готовности может быть преимущественно импульсивным или относительно длительным и противоречивым процессом формирования и созревания решимости субъекта к совершению преступления, к ее реализации, включая приискание благоприятной ситуации и объекта преступного посягательства.

Основными составляющими формирования готовности к осуществлению общественно опасного деяния выступают: а) формирование смыслообразующего образа криминогенной ситуации; б) мотивообразование - возникновение мотивации как побуждения к активности с определенной структурой образующих его мотивов, усиление (или ослабление) интенсивности побуждения, изменение содержания или реструктурирование доминирующих мотивов; в) целеполагание - возникновение, содержательное созревание или изменение цели и неразрывно связанного с ней способа со-

вершения противоправного акта); г) исполнительная регуляция - психическая регуляция реализации цели-способа поведенческого акта, включающая обратную связь с образом ситуации, мотивацией, целью-способом.

Причины совершения преступления группой сотрудников следует искать в искажениях внутригрупповых социально-психологических явлений в подразделениях и службах: групповых норм и направленности, группового мнения, появления элементов криминальной субкультуры и т.д. По существу, говоря о группе «оборотней», мы подразумеваем наличие организованной преступной группы.

Организованная преступная группа отличается рядом признаков: а) устойчивостью и стабилизацией личного состава; б) выраженной организационной структурой (лидер - активные участники - рядовые исполнители); в) четкой функциональной структурой, основанной на дифференциации ролей членов группы (разведка, подыскании объектов преступного посягательства, совершение преступления, хранение, транспортировка и сбыт похищенного и т.д.); г) корпоративной сплоченностью и дисциплиной; д) более высоким уровнем общественной опасности.

Проведенные исследования (М.А. Дაცук, А.И. Папкин, 1985) показали, что *мотивы участия в групповой преступной деятельности* различные: «одному совершить преступление невозможно»; «возможно, но опасно»; «группой безопаснее, больше уверенности»; «группой как-то смелее»; «группой безопаснее, чувствуешь друг друга»; «совершать преступление в группе и безопаснее, и интереснее», «чувствуешь поддержку

друг друга» и т.д. Приведенные ответы участников организованных преступных групп показывают, что одним из основных мотивов вхождения в группу является *мотив обеспечения защищенности и безопасности* членов такой группы.

В организованной преступной группе сотрудников ПОО существует система своих норм поведения, которой должны придерживаться все участники совместной преступной деятельности. Условно все подобные нормы можно разделить на: а) *нормы-ценности*, отражающие систему должного, необходимого и поощряемого в поведении членов преступной группы; б) *нормы общения и коммуникаций*; в) *нормы проведения свободного времени*; г) *нормы, регулирующие разрешение внутригрупповых конфликтов и наказания* за отступления кого-либо из членов группы от принятых норм и правил поведения.

Значительную роль в *профилактике девиантного поведения сотрудников правоохранительных органов* выполняет *профессиональный психологический отбор*, который проводится работниками психологических подразделений всех уровней (например, в МВД России - Главным центром психологической диагностики МВД России, Центрами психологической диагностики МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ, психологами горрайорганов и других подразделений органов внутренних дел).

Одной из основных задач профессионального психологического отбора является установление лиц с асоциальными установками, корыстно-утилитарной мотивацией, а также употребляющих психоактивные вещества (алкоголь, наркотические вещества, лекарственные средства и т.д.). Причем эта зада-

ча реализуется на всех этапах профессионального психологического отбора: предварительном - силами практических психологов ПОО; основном - работниками ЦПД; заключительном - практическими психологами ПОО совместно с руководством и сотрудниками аппарата по работе с личным составом. Обследование в ЦПД МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации позволяет компенсировать низкий отсев по нервно-психической патологии путем выявления лиц «группы риска».

В последние годы отмечается рост психопрофилактических обследований, осуществляемых ЦПД МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации и практическими психологами органов

внутренних дел. При этом ставится задача своевременного выявления состояний психической дезадаптации у сотрудников органов внутренних дел и проведения последующих психокоррекционных мероприятий. Для профилактики девиантного поведения целевые обследования проводятся среди сотрудников с признаками отклоняющегося поведения, а также применивших огнестрельное оружие на поражение или пребывавших в экстремальной ситуации. Плановые обследования осуществляются среди сотрудников оперативно-силовых и оперативных подразделений и сотрудников, отнесенных по результатам предшествующих обследований к «группе риска».

Проблема мотивации терроризма в мировой исследовательской практике

В. А. Соснин

Аннотация: в работе осуществлен анализ мировой исследовательской практики изучения проблемы мотивации террористической активности. Рассмотрены трудности изучения проблемы, исходя из специфики объекта и предмета исследования. Представлен обзор эмпирических исследований мотивации терроризма на личностном уровне. Рассмотрены базовые положения социокультурного подхода к анализу проблемы мотивации современного терроризма.

Ключевые слова: мотивация, терроризм, личность террориста, исследовательская практика, эмпирические исследования, социокультурный подход.

The summary: in this paper a brief analysis of world research practice of the problem motivation of terrorism is carried out. The main difficulties in the examination of the problem are considered, according to the specification of the object and subject of investigation. A survey of the empirical explorations the motivation of terrorism is represented and the main positions of socialcultural approach to the study of motivation terroristic activity is examined.

Keywords: motivation of terrorism, personality of terrorist, problems of investigations, socialcultural approach.

ча реализуется на всех этапах профессионального психологического отбора: предварительном - силами практических психологов ПОО; основном - работниками ЦПД; заключительном - практическими психологами ПОО совместно с руководством и сотрудниками аппарата по работе с личным составом. Обследование в ЦПД МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации позволяет компенсировать низкий отсев по нервно-психической патологии путем выявления лиц «группы риска».

В последние годы отмечается рост психопрофилактических обследований, осуществляемых ЦПД МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации и практическими психологами органов

внутренних дел. При этом ставится задача своевременного выявления состояний психической дезадаптации у сотрудников органов внутренних дел и проведения последующих психокоррекционных мероприятий. Для профилактики девиантного поведения целевые обследования проводятся среди сотрудников с признаками отклоняющегося поведения, а также применивших огнестрельное оружие на поражение или пребывавших в экстремальной ситуации. Плановые обследования осуществляются среди сотрудников оперативно-силовых и оперативных подразделений и сотрудников, отнесенных по результатам предшествующих обследований к «группе риска».

Проблема мотивации терроризма в мировой исследовательской практике

В. А. Соснин

Аннотация: в работе осуществлен анализ мировой исследовательской практики изучения проблемы мотивации террористической активности. Рассмотрены трудности изучения проблемы, исходя из специфики объекта и предмета исследования. Представлен обзор эмпирических исследований мотивации терроризма на личностном уровне. Рассмотрены базовые положения социокультурного подхода к анализу проблемы мотивации современного терроризма.

Ключевые слова: мотивация, терроризм, личность террориста, исследовательская практика, эмпирические исследования, социокультурный подход.

The summary: in this paper a brief analysis of world research practice of the problem motivation of terrorism is carried out. The main difficulties in the examination of the problem are considered, according to the specification of the object and subject of investigation. A survey of the empirical explorations the motivation of terrorism is represented and the main positions of socialcultural approach to the study of motivation terroristic activity is examined.

Keywords: motivation of terrorism, personality of terrorist, problems of investigations, socialcultural approach.

Актуальность проблемы

На пороге третьего тысячелетия перед мировым социумом встала грозная проблема международного терроризма. Трагические события 11 сентября 2001 г., а также другие многочисленные атаки террористов в последние годы продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма. Основания терроризма имеют комплексный характер, и ему, как системному феномену, присущи исторические, политические, экономические, социальные и психологические факторы и детерминанты. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

Термин «психологический» относится к тесному, близкому и интерактивному взаимоотношению между человеческой психикой и различными социальными контекстами. В этой связи необходимо подчеркнуть важность понимания культурных различий в мировоззрении и ориентациях людей, что не влечет за собой ни апологии, ни осуждения какой-либо нации или этнической группы в свете последних событий нарастания террористической активности в мире. Это означает, что понимание причин и сдерживание терроризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп. «До тех пор, пока мы не поймем перспективы на будущее различных культур на земном шаре, мы как человеческие существа и как сообщества будем ограничены в своих способностях жить успешно. Мир, наши общие цели смогут одержать победу только через углубленное психологическое понима-

ние тех сложностей, в которых человеческие существа, побуждаемые и характеризующиеся различными мотивациями, установками и восприятиями, придут к одобрению и предпочтению одних форм поведения над другими» (Moghaddam, Marsella, 2004, p. 3).

То, что сегодня поставлено на карту в связи с процессом глобализации, для многих наций, государств и социально-культурных групп — *это культурная идентичность, смысл существования, сохранение статуса в мировом социуме, благополучие и выживание.*

Социальные изменения, вызываемые во всем мире глобализацией по западному образцу, ведут к возникновению серьезных угроз и проблем для многих стран и народов «незападной цивилизации». Эти проблемы игнорируются западными странами в их стремлении получить «сиюминутные» временные выгоды для себя. Возникающие гнев и раздражение направляются против «вестернизации» с акцентом на потребление и расточительство, эксплуатацию и достижение прибыли любой ценой.

Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма и его мотивации исследовалась, прежде всего, историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако, начиная с 1990-х годов, в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований по данной проблеме. В целом в психологической науке указанная проблема изучается в рамках таких направлений, как психология конфликта, политическая психология и психология межгрупповых отношений.

Мотивация терроризма: проблемы исследовательской практики

Проблема мотивации терроризма - как и сам феномен — имеет комплексный, иерархический характер. Она может рассматриваться на трех уровнях - индивидуально-личностном, внутригрупповом и межгрупповом.

Однако следует отчетливо понимать, что это триединство проблемы с точки зрения ее реального исследования развести на эти уровни можно только теоретически, с определенной долей условности. Это связано с тем, что структура личности индивида содержит в себе все многообразие отношений человека с окружающим миром, выступая одновременно регулятором жизнедеятельности человека.

Это положение в теоретико-концептуальном плане хорошо иллюстрируется психологией «Я-концепции» человека и категорией «социальной идентичности» личности. В операциональном плане Я-концепция личности представляет совокупность представлений индивида о себе самом вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений и реализует мотивационно-регуляторную функцию в поведении личности (Журавлев, Соснин, Красников, 2006). В целом мотивационная функция Я-концепции, регулирующая поведение человека, состоит в следующем:

- Каждая социальная ситуация воспринимается и оценивается в соответствии с теми компонентами «Я-образа», которые актуализируются в этой ситуации и которые индивиду необходимо проявлять (поддерживать, защищать, избегать и т. п.).

- На основе базовой потребности поддерживать и защищать свое «Я», по-

требности в положительной самооценке, а также (и это самое главное) в зависимости от субъективной значимости для индивида тех параметров Я-концепции, которые активированы ситуацией, формируется и вырабатывается конкретная форма поведения в данной ситуации.

Я-концепцию личности, как совокупность представлений о себе самом, можно представить в виде континуума: на одном полюсе располагаются индивидуально-личностные характеристики (и соответствующие мотивации поведения), на другом - социально-категориальные.

В соответствии с этим любую мотивацию поведения человека можно представить также в виде континуума: на одном полюсе - индивидуально-личностная мотивация и взаимодействие, на другом - межгрупповое. Когда ситуация активизирует в сознании индивида социально-групповые параметры Я-концепции (т.е. на первое место выходит социальная идентичность), то он действует как член группы, когда индивидуально-личностные - мотивация и взаимодействие остается на межличностном уровне.

Другими словами, именно социальная часть «Я-концепции», которая определяет принадлежность человека к группе (или группам), его «социальное лицо», обеспечивает одинаковость и координацию группового поведения. Чем ближе социальная ситуация в ее субъективном восприятии к межгрупповому полюсу континуума, тем сильнее проявляется тенденция к единообразию поведения человека как члена своей группы к другой группе, и склонность воспринимать членов другой группы как ее обезличенных представителей, т. е. недифференцированно.

Из сказанного становится ясным, что в психологических исследованиях мотивации терроризма при ее рассмотрении на разных уровнях - индивидуально-личностном, групповом и межгрупповом - необходимо отчетливо помнить и учитывать, какой аспект проблемы мотивации выдвигается на первое место, учитывая при этом неразрывную связь всех уровней.

В целом, независимо от важности проблемы мотивации терроризма в целом и личностных особенностей террористов для психологических исследований, на практике подобные исследования сталкиваются с рядом проблем, которые косвенно, но очень существенно ограничивают или даже могут фальсифицировать результаты этих исследований. Эти проблемы проистекают, как считают исследователи, либо из чрезмерного акцента на чисто психологическом объяснении, либо на слишком узком определении проблемы (Reich, 1998).

Перечислим кратко основные проблемы эмпирического изучения мотивации терроризма, опираясь на мировую исследовательскую практику.

Прежде всего, необходимо отметить проблему недоступности прямого исследования личностных особенностей террористов и их индивидуальной мотивации вступления в террористическую группу.

Следующая проблема - это проблема чрезмерного обобщения получаемых результатов или теоретических аргументаций. Как показывает историческая практика, террористические акты осуществлялись исключительно разными людьми с исключительно широким спектром убеждений и целей, включая

и возможность отсутствия каких-либо целей вообще. Поэтому представляется не вполне оправданным полагать, что психологические объяснения мотивации терроризма для какой-то одной категории террористов можно применять для объяснения всего многообразия имеющихся возможностей.

С проблемой чрезмерного обобщения близко связана проблема психологического редукционизма. Так же как неоправданно приписывать конкретные характеристики и мотивации широкому спектру террористов и террористических групп, так же легко и обычно так же неоправданно приписывать всем формам террористического поведения одну (ту или иную) конкретную причину.

Еще одной проблемой при изучении мотивации терроризма зачастую является не вполне адекватное внимание исследователей к вопросу значимости физических и материальных выгод как мотивирующего фактора вступления в террористические группы.

Кроме приведенных выше аспектов изучения проблемы мотивации терроризма, остается вопрос игнорирования рациональных причин мотивации террористической деятельности. Стратегическая рациональная логика (т.е. идеология) может мотивировать террористическую деятельность не в меньшей мере, чем эмоциональная, психологическая логика.

И, наконец, последнее замечание при проведении исследований мотивации террористической деятельности относится к игнорированию во многих случаях государственного терроризма и деструктивных действий властных структур и правительств. Как отмечают многие критики, особенно со стороны левого

политико-идеологического спектра, исследования терроризма имеют тенденцию игнорировать по идеологическим убеждениям тот вид терроризма, который имеет более деструктивные последствия, чем любой другой терроризм - это терроризм, осуществляемый государствами против собственного населения.

**Личность террориста:
объяснительные модели**

Хотя терроризм существует на протяжении всей истории человечества, до последнего десятилетия он не был предметом психологического исследования. Внимание психологов привлекал не столько терроризм как политическое и социально-психологическое явление, сколько личность террориста и мотивы совершения теракта отдельной личностью (Morf, 1970; Pearlstein, 1990 и др.).

Полученные в исследованиях данные позволяют представить симптомокомплекс индивидуально-личностных качеств, характеризующих террориста: агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений.

На уровне личностного социально-психологического анализа терроризма основные усилия психологов были направлены на разработку психологических моделей личности террориста с привлечением соответствующих теоретических обоснований и исследовательских мотивов совершения террористических актов.

В психологической исследовательской практике были предложены (с некоторыми вариациями) три модели

(см, напр., Психологи о терроризме: круглый стол, 1995). Первая модель — это *террорист по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям*. Террорист такого типа искренне считает, что его действия независимо от конкретных результатов полезны для общества и что любые жертвы для достижения «справедливых» целей оправданы. В соответствии с политической терминологией — это фанатик, с психологической — либо идейный сторонник своих ценностных, либо — шире — мировоззренческих установок, либо — психопат.

Вторая модель опирается на теории человеческой агрессивности: *террорист — это просто крайне агрессивный человек по своим личностным особенностям*, а его участие в террористической деятельности — один из возможных вариантов проявления природной агрессивности. Для объяснения этой модели привлекается ряд теорий человеческой агрессивности, предложенных мировой психологической наукой (социал-дарвинистская концепция этноцентризма, теория группового нарциссизма и инстинкта смерти З. Фрейда, этологические концепции инстинктивной природы агрессивности человека и т.д.). Хотя эти теории были подвергнуты критике, их объяснительный потенциал позволяет выдвигать гипотезы для изучения поведения террористов.

В качестве третьей модели можно представить *случай психопатологического или социально-патологического развития личности ребенка* ввиду ненормальных отношений в семье. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию агрессивно-озлобленной лично-

сти с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать адептами террористической организации.

**Эмпирические исследования
мотивации терроризма
на личностном уровне**

Поскольку реальное эмпирическое изучение личности террористов и их мотивации возможно только «постфактум», т.е. тогда, когда преступное деяние террористического характера совершено, а исполнители остались живы и задержаны, то эти исследования, как правило, проводятся в структурах правоохранительных органов и зачастую закрыты или полузакрыты. А исследования, проводимые специалистами, не принадлежащими к структурам правоохранительных органов, как правило, осуществляются с большим «временным лагом» и, естественно, сильно ограничены в своей исследовательской базе (интервью, если бывшие террористы соглашались, мемуары, идеологические декларации и т.п.).

«Чистых» эмпирических исследований терроризма в отечественной науке очень мало. Можно назвать отдельные работы, в которых изучалось отношение к терроризму (представления о терроризме) в связи с индивидуально-психологическими особенностями личности респондентов (см. напр.: Батуева, 2007; Короткина, Княгина, 2007). Эмпирических исследований на социально-психологическом уровне фактически нет.

В данном подразделе будут кратко обозначены особенности и некоторые результаты доступных эмпирических исследований личности террористов, их

мотивации в зарубежной исследовательской практике и открытых (крайне ограниченных) публикаций, проводимых в структурах отечественных правоохранительных органов.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что сравнительные исследования психологии террористов и их мотивации не обнаружили особой личностной психопатологии (Post, 1984). Эти данные согласуются с исследованиями М. Криншоу. Она в 1960-х годах исследовала террористическую деятельность членов Национального Фронта освобождения Алжира (NLFA) и обнаружила, что они в основном являются нормальными людьми. Она пришла к выводу, что «...самой общей характеристикой террористов является их нормальность» (Crenshaw, 1981).

К аналогичным выводам пришел К. Хескин, который изучал членов Ирландской Республиканской Армии (IRA): в целом, эмоционально неустойчивых людей или людей с расстройствами среди них не было обнаружено (Heskin, 1984).

В аналитическом обзоре социальной психологии террористических групп Мак-Кули и М. Сигал пришли к заключению, что «наиболее хорошо задокументированное обобщение, которое можно сделать, приводит к негативному выводу: террористы не обнаруживают какой-либо явной патологии» (McCauley, Segal, 1987).

Ряд авторов характеризовали террористов как агрессивных людей, ориентированных на действия, которым не хватает обычной жизненной стимуляции и стремящихся к поиску «горячих» ощущений (Analysen zum Terrorismus. Т. 2, 1981). Особенно поразительным,

отмечают авторы, является их опора на психологические механизмы «экстернализации» (объяснение поведения как зависящего от внешних обстоятельств) и «психологического расщепления», т.е. одновременного существования в личности террориста противоречивых, несовместимых обоснований своего поведения - что хорошее, то мое, что плохое - не мое (Kernberg, 1975).

Исследователи мотивации терроризма соглашаются, что, по-видимому, наиболее строгое и опирающееся на имеющуюся эмпирическую базу исследование социального происхождения и психологии террористов было проведено «консорциумом» социальных ученых Западной Германии при спонсорстве Министерства внутренних дел страны (Analysen zum Terrorismus, 1981, 1982, 1983, 1984).

Этот цикл исследований был опубликован в четырех томах. И два тома представляют особую ценность для понимания психологических оснований террористической деятельности. Это второй том, посвященный социально-психологическому анализу жизненных биографий террористов, и третий том, в котором рассмотрены групповые процессы террористической деятельности.

В целом, исследователи приходят к заключению: террористы, жизненный путь которых они изучали, продемонстрировали модель «личности неудачника» в жизни - человека, ориентированного на успех, но склонного к неудачам - и в семейном, и в образовательном, и в профессиональном (трудовом) аспектах; и характеризовали начало карьеры террориста как «конечную точку в серии безуспешных попыток жизненной адаптации».

В то же время был выявлен ряд особенностей, которые было трудно сравнивать с характеристиками других лиц того же возраста, находящихся на обочине общества. Были выявлены две группы личностных характеристик, присущих исследованной выборке:

- экстремальная зависимость от террористической группы, экстраверсия как личностная характеристика (в том числе - паразитический образ жизни и стремление к «взбадриванию» своей жизненной активности);

- враждебность, подозрительность, агрессивность и защитно-агрессивное поведение как доминирующий стиль взаимодействия с другими людьми.

Однако специалисты отмечают, что бы быть уверенными в получаемых результатах, следует понимать, что каждая террористическая группа уникальна и должна изучаться в контексте своей собственной национальной культуры и истории. Поэтому исключительно неразумно распространять и обобщать изученные характеристики западно-германских террористов левого толка на представителей других террористических групп.

Как можно судить по открытым публикациям, в структуре научных подразделений отечественных правоохранительных органов направление исследований личности террориста, его психологических характеристик и структуры мотивационной сферы остается достаточно значимым: как с точки зрения разработки общих психологических профилей личности террориста, так и в прикладном плане — разработки способов воспитательного и психокоррекционного воздействия на осужденных за террористическую деятельность.

В частности, можно назвать реализацию большой целевой программы эмпирических исследований личности террориста, осуществляемой Академией права и управления ФСИН России совместно с Институтом гуманитарного образования (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006; Сочивко, Гаврина, Боковиков, Белокуров, 2006).

Выводы авторов позволяют утверждать, что осужденные террористы представляют особый тип преступника, отличающегося определенным набором личностных признаков:

- негативное мировоззрение, сформированное под воздействием негативных элементов социальной среды, содержанием которого является несоответствие между образом социально-приемлемой (идеальной) картиной мира, самого себя в реальной жизни и возможностями самореализации. Это противоречие трансформируется в субъективное ощущение личностной и социальной неадекватности, мотивирующей к деструктивной самореализации;

- одной из наиболее типологических черт осужденных террористов является то, что они находятся на определенно отчужденной социально-психологической дистанции от общества; данные постоянно фиксируют их психологическое отчуждение от общих ценностей, закрепленных в моральных и правовых нормах. Они как бы отчуждены от них, изолированы от малых социальных групп (семей, друзей), отдалены от «малой» родины (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 21).

При этом совершение преступлений террористического характера способствует поддержанию особого образа жизни, детерминированного психологи-

ческим отчуждением личности. И именно отсутствие возможности самореализации в нормальном обществе способствовало их вступлению в террористические организации, где они находили психологическую поддержку в плане положительной групповой идентификации. Таким образом, в определенной степени эмпирически подтверждается наличие симптомокомплекса личности террориста. Исследования позволили установить, что на следствии большинство осужденных за террористическую деятельность излагали религиозные мотивы преступления (90,5%) и лишь 9,5% — социально-политические (идеологизированные). Однако на суде многие заявляли, что участие в террористической деятельности мотивировалось причинами получения вознаграждения «за работу» (корыстная мотивация) (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 29).

Выявленные социально-психологические профили личности осужденных террористов сами авторы не считают полными, поскольку они «не отражают в полной мере все эмпирические данные, полученные в рамках исследования» (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 18, 34). Исследования в рамках выше-названной программы продолжаются.

Тем не менее, полученные данные позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся эмпирического подтверждения объяснительных психологических механизмов мотивации террористической деятельности. Во-первых, в определенной мере находят подтверждение выделенные модели личности террориста: модель агрессивного террориста по своим личностным особенностям (первая группа осужденных, выделенная по результатам кластерного анализа)

и модель террориста по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям (вторая группа).

Во-вторых, судя по характеристикам психологических профилей выделенных групп, можно предположить, что «чистых» моделей личности террориста, выделенных в предыдущем разделе, не существует, поскольку обеим группам могут в той или иной мере быть присущи элементы личности террориста, характерные для третьей модели — личности террориста-психопата (в значительной большей мере они присущи первой группе).

В-третьих, ряд концепций и механизмов для понимания и объяснения мотивации терроризма (см. Соснин, Нестик, 2009) в этом отношении содержит продуктивный объяснительный потенциал. К их числу можно отнести: концепцию механизмов психологической защиты, потребность в достижении превосходства и слепую приверженность к властным структурам как компенсаторный механизм осознания неполноценности и нетерпимости к неопределенности, концепцию этноцентризма, феномен социальной отчужденности и изоляции с переживанием социальной несправедливости и низких самооценок вместе с сильной потребностью присоединения к группе, механизмы «морального выключения».

В заключение следует подчеркнуть, что необходимо проведение дальнейших эмпирических исследований, специально посвященных выявлению и эмпирическому подтверждению (или опровержению) теоретических положений о мотивации терроризма на личностном уровне.

**Межгрупповые отношения
как фактор мотивации
террористической активности:
международный терроризм
и социокультурная идентичность**

Социокультурный подход к анализу проблемы терроризма и социально-культурных условий и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп признается многими исследователями одним из наиболее перспективных подходов (см., напр., Moghaddam, 2004; Ditzler, 2004).

В целом социокультурный подход к анализу проблемы мотивации терроризма сформировался на основе исследований, связанных с социально-культурной идентичностью и других характеристик террористических групп (см., напр.: Blazak, 2001; Kaplan, Marshall, 1996; Rapoport, 2001; Crawshaw, 1988; Atran, 2003; Barber, 2001; Hoffman, 1998; Kennedy, 1998; Laquer, 1999 и др.). Согласно социально-культурному подходу, существует ряд положений, когда совокупность культурных условий с наибольшей вероятностью усиливает возникновение потенциальных террористических групп, независимо от индивидуальных характеристик их участников:

- по отдельности каждое условие не будет являться значимым индикатором возникновения потенциальных террористических групп в обществе;
- совокупность культурных условий (индикаторов) — это нечто большее, чем простая сумма этих условий (т.е. проявляется системный эффект);
- даже когда все условия присутствуют, остается возможность у потенциальной террористической группы избежать активного включения в террористическую деятельность;

- несмотря на то, что все культурные условия играют важную роль, два условия — *изоляция потенциальной террористической группы* от основного общества и *специфический стиль восприятия социальных изменений* — играют особую роль в «катализации» возникновения террористических групп; их следует рассматривать особо.

Исходя из этих предпосылок, выделяются следующие самые общие положения, связанные с конкретными социально-культурными условиями и особенностями социально-культурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп в обществе:

- восприятие изолированности социально-культурной группы зачастую исходит из намеренного притеснения и исключения ее из жизни социума (или шире — из восприятия той или иной нации, государства, его национально-культурной мировоззренческой или религиозной ориентации как не соответствующей общим тенденциям мирового развития);

- противопоставление «доброй божественной воли» и «дьявольской воли»;

- восприятие существующего общества как незаконного и несправедливого;

- восприятие необходимости и потребности радикального изменения общества;

- убежденность в том, что идеальное общество — это цель, которая оправдывает средства для ее достижения;

- убежденность в том, что акты терроризма — это эффективное средство дестабилизации существующего несправедливого строя.

В этой связи с позиций социокультурного подхода к проблеме терроризма главное внимание необходимо направлять на анализ, устранение соци-

альных и культурных условий и соответствующих социально-психологических процессов, дающих рост групповому насилию (Staub, 2004, p. 151). Базовый мотив стремления к справедливости, естественно, трактуемый разными социально-культурными группами в соответствии с их положением в обществе, в мире в целом и со спецификой социально-культурной идентичности, становится составной частью стремления к сопротивлению и, в конечном счете, — к использованию терроризма как крайнего средства выживания группы в борьбе за справедливость.

Такое понимание причин и мотивации терроризма полезно в общем понимании этого структурного феномена. Для успешной борьбы с терроризмом необходимо обращать максимальное внимание на причины формирования чувства безысходности, потери перспектив жизненного развития и надежду широких масс населения с точки зрения удовлетворения базовых потребностей существования. Это требует установления идеологии плюрализма, «демократии и экономического развития для всех», достойных материальных условий и удовлетворения психологических потребностей людей и групповых образований (Staub, 2004, p. 167).

Независимо от того, являются ли террористы иностранными или «домашними» организациями, можно сделать ряд обобщений, касающихся взаимосвязей между их целями, тактиками и особенностями средств выполнения террористических действий (Ditzler, 2004, p. 188):

- террористы обычно представляют специфические национальные группы;

- их тактики обычно являются асимметричной формой вооруженной борь-

бы, аналогичной традиционным формам партизанской борьбы;

- их мотивации в целом являются политическими или культурно обусловленными даже в тех случаях, когда террористические действия на индивидуальном уровне соответствуют общепринятым формам совершения преступных действий;

- террористические действия обычно (типично) направляются на мирное население.

Коллективная идентичность террористической организации становится для индивидуального террориста нормативной основой соотнесения для формирования своей личностной идентичности. С психологической точки зрения коллективная идентичность террориста становится для индивида в высшей степени привлекательной постольку, поскольку удовлетворяет базовую социальную потребность человека—потребность в принадлежности к группе. Она базируется на «своей» социально-культурной идентичности; на религиозной основе, не требующей никакого особого подтверждения (независимо от того, в какой степени индивидуальный террорист знаком с основами своей религии); имеет четко определенное объяснение и рационализацию бесправного положения молодого поколения в частности и подавляющего числа членов общества в целом; а также предлагает четкий и ясный путь—как конкретный индивид может достичь социально одобряемого статуса и уважения. Кроме этого, коллективная идентичность, предлагаемая террористической организацией, дает общую перспективу достижения лучших условий группе и индивиду.

Итак, нормативная структура коллективной идентичности террористиче-

ских организаций обеспечивает психологическую основу для индивидуального поведения, т.е. четко сформулированную совокупность групповых норм. Наряду с тем, что эта коллективная идентичность позволяет индивиду на личностном уровне «запускать» процесс формирования индивидуальной идентичности и личностной самооценки, с течением времени индивид начинает просто следовать поведенческим нормам, конкретизированным в коллективной идентичности террористической организации. В психологическом плане социальная идентичность собственной группы (и террористической в том числе) опирается на положение, что ин-групповые нормы выполняют функцию «исключительного руководства» на поведенческом уровне в межгрупповых ситуациях взаимодействия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Terry, Hogg, White, 2000 и др.).

Именно поэтому нормы коллективной идентичности террористической организации, как правило, являются максимально «рельефными», экстремально упрощенными и ясными для индивидуальных членов, исключая возможные какой-либо неправильной интерпретации. Такая ясность и упрощенность этих норм удовлетворяет важную психологическую потребность членов террористических организаций, дополняя коллективную идентичность социально-культурного сообщества, к которому они принадлежат, она позволяет им получить «вразумительный» ответ на вопрос о своей индивидуальной жизненной перспективе. Это обстоятельство помогает глубже понять, почему террористическая организация становится такой привлекательной для конкретных категорий (членов) социально-культурных

обществ, занимающих в современном геополитическом «мировом ландшафте» угнетенное положение.

В заключение следует отметить, что борьба с международным терроризмом — это экзистенциальная проблема, связанная с «переформатированием» глобальных отношений мирового устройства. Еще раз можно подчеркнуть, что движение к однополярному миру по «лекалам» западной цивилизации — это губительный путь мирового развития. Если мы принадлежим к роду разумных существ, то должны осмыслить и признать необходимость смены существующей цивилизационной тенденции развития, т.е. понять и начать предпринимать действия, пока еще есть время для глобального межкультурного диалога, в том числе и на уровне политической воли руководителей стран, именно реального диалога, а не его декларации, и устройства мира с учетом более справедливых норм межгруппового взаимодействия.

Литература

1. Батуева Е.Б. Возрастные особенности отношения личности к терроризму//Материалы общероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН. М., 2007.
2. Гришко А.Я., Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е. Личность осужденного за террористическую деятельность (экспериментальные исследования и пути построения воспитательного и психокоррекционного воздействия). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006.
3. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология. М.: Форум-Инфра-М, 2006.
4. Короткина Е.Д., Княгинина О.В. Представления о терроризме у жителей разных регионов России //Материалы общероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН. М., 2007.
5. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально- психологический анализ. М., Изд-во Института психологии РАН, 2008.
6. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И. Подсознание террориста. М.: PerSe, 2006.
7. *Analyzen zum Terrorizmus*. Т. 1-4. Dramstadt: Deutscher Verlag, 1981, 1982, 1983, 1984.
8. Atran S. Genesis of suicide terrorism//*Science*. 2003. N 299. P. 1534-1539.
9. Barber F. Political violence, social integration and youth functioning: Palestinian youth from the Intifada//*Journal of Community Psychology*. 2001. V. 29. p. 259-280.
10. Blazak R. White boys to terrorist men: Target recruitment of Nazi skinheads// *American Behavioral Scientist*. 2001. N 44. P. 982-1000.
11. Crawshaw S.R.A. Averting a terrorist attacks: A case study//R.H. Ward, H.E. Smits (Eds.). *International terrorism: operational issues*. Chicago: University of Illinois at Chicago Press, 1988. P. 47-59.
12. Crenshaw M. The Causes of Terrorism//*Comparative Politics*, 13, 1981, p. 379-399.
13. Ditzler T.F. Malevolent minds: the teleology of terrorism//*Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*. F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 187-206.
14. Hoffman B. *Inside terrorism*. N.Y.: Columbia University Press, 1998.
15. Kaplan D.E., Marshall A. The cult at the end of the world: the terrifying story of the Aum doomstady cult, from the subways of Tokyo to the nuclear arsenals of Russia. N. Y.: Crown, 1996.
16. Kennedy M. The 21-st century condition likely to inspire terrorism. In Y. Kushner (Ed.), *The future of terrorism: Violence in the new millennium*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.
17. Kernberg O. *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*. N. Y.: Jacob Aronson, 1975.
18. Laquer W. *The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destructions*. N. Y.: Oxford University Press, 1999.
19. McCauley C.R., Segal M.E. *Social Psychology of Terrorist Groups*. In: *Group Processes and Intergroup Relations//Annual Review of Social and Personality Psychology*, V. 9/Ed. by C. Hendrick, Beverly Hills: Sage, 1987.
20. Moghaddam F.M. Cultural Preconditions for Potential Terrorist Groups: Terrorism and Societal Change//*Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*/F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103-117.
21. Morf G. *Terror in Quebec*. Toronto, 1970.
22. Pearlstein R.M. *The mind of a political terrorist*. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.
23. Post J. Notes of Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior//*Terrorism*, 7, N3, 1984, p. 241-256.

24. Rapoport D.C. (Ed.). Inside terrorist organizations (2nd ed.). London: Frank Cass & Co, 2001.

25. Reich W. Understanding terrorist behavior: The limits and opportunities of psychological inquiry In: W. Reich (Ed.). Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1998, p. 261-279.

26. Staub E. Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism//Under-

standing terrorism: Psychological roots, consequences and interventions/F.M. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.

27. Terry D.J., Hogg M.A., White K.M. Attitude-behaviour relations: Social identity and group membership//D.J. Terry, M.A. Hogg (Eds.). Attitudes, behavior, and social context. London: Lawrence Erlbaum, 2000. p. 67-93.

Микросреда воспитательной колонии и ее особенности

В. М. Литвишков, А. В. Митькина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 07-06-00080а.

Аннотация: в статье представлен педагогический анализ микросреды воспитательной колонии и ее социально-педагогические и социально-психологические особенности.

Ключевые слова: микросреда, конфликт, личность воспитателя, несовершеннолетние осужденные, воспитательное воздействие.

The summary: in article the pedagogical analysis of a microhabitat of an educational colony, and its socially-pedagogical and socially-psychological features is presented.

Keywords: a microhabitat, the conflict, the person of the tutor, minors condemned, educational influence.

Исправление несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды: большого скопления лиц, имеющих существенные нравственные пороки, отличающихся низкой степенью правовой и

моральной развитости. Такая обстановка затрудняет развитие нравственных качеств, потому что микросреда пенитенциарного учреждения выступает как негативный социально-психологический фактор, в известной мере снижающий эффективность воспитательного воздействия на осужденных.

Существенным элементом микросреды в воспитательной колонии является особая стратификация осужденных, суть которой заключается в жестком неофициальном делении их на слои и касты. Причиной стратификации, отражающей специфику группового поведения осужденных в колонии, является стремление отрицательно настроенных правонарушителей выделиться в особую касту, обеспечить себе привилегии при отбывании наказания за счет ущемления интересов других.

Такая стратификация и искаженное понимание нравственной ответственности за свое поведение осужденными приводит их к культуре физической силы

24. Rapoport D.C. (Ed.). Inside terrorist organizations (2nd ed.). London: Frank Cass & Co, 2001.

25. Reich W. Understanding terrorist behavior: The limits and opportunities of psychological inquiry In: W. Reich (Ed.). Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1998, p. 261-279.

26. Staub E. Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism//Under-

standing terrorism: Psychological roots, consequences and interventions/F.M. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.

27. Terry D.J., Hogg M.A., White K.M. Attitude-behaviour relations: Social identity and group membership//D.J. Terry, M.A. Hogg (Eds.). Attitudes, behavior, and social context. London: Lawrence Erlbaum, 2000. p. 67-93.

Микросреда воспитательной колонии и ее особенности

В. М. Литвишков, А. В. Митькина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 07-06-00080а.

Аннотация: в статье представлен педагогический анализ микросреды воспитательной колонии и ее социально-педагогические и социально-психологические особенности.

Ключевые слова: микросреда, конфликт, личность воспитателя, несовершеннолетние осужденные, воспитательное воздействие.

The summary: in article the pedagogical analysis of a microhabitat of an educational colony, and its socially-pedagogical and socially-psychological features is presented.

Keywords: a microhabitat, the conflict, the person of the tutor, minors condemned, educational influence.

Исправление несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды: большого скопления лиц, имеющих существенные нравственные пороки, отличающихся низкой степенью правовой и

моральной развитости. Такая обстановка затрудняет развитие нравственных качеств, потому что микросреда пени-тенциарного учреждения выступает как негативный социально-психологический фактор, в известной мере снижающий эффективность воспитательного воздействия на осужденных.

Существенным элементом микросреды в воспитательной колонии является особая стратификация осужденных, суть которой заключается в жестком неофициальном делении их на слои и касты. Причиной стратификации, отражающей специфику группового поведения осужденных в колонии, является стремление отрицательно настроенных правонарушителей выделиться в особую касту, обеспечить себе привилегии при отбывании наказания за счет ущемления интересов других.

Такая стратификация и искаженное понимание нравственной ответственности за свое поведение осужденными приводит их к культуре физической силы

и жестокости. Данные опроса, проведенного в ВК различных регионов страны, раскрывают понимание ими таких качеств, как чувство вины, раскаяния за свое преступление, совесть, долг, справедливость, достоинство, требовательность, сострадание. Около 60% осужденных либо не смогли объяснить смысл этих понятий, либо проявили искаженное их толкование. Так, достоинство приобретает значение силы, требовательность - придиричivosti, сострадание - признака слабости, недостойного «настоящего мужчины» и т.д.

Такая трактовка нравственных качеств и низкий культурный уровень приводят к тому, что групповое поведение и взаимоотношения правонарушителей строится на основе искаженных представлений о соотношении личного и общественного.

В то же время в группах осужденных вырабатываются свои асоциальные нормы, неодинаковые по значимости. Их классификацию можно рассматривать как цепочку, в которой каждое последующее звено, как правило, не только содержит в себе дефекты предыдущих, но и усугубляет их, расширяя границы безответственного поведения, асоциальных действий, поступков и взаимоотношений.

Можно выделить пять звеньев негативной нормативно-этической регуляции, деформация которых развивает криминальную запущенность осужденных, препятствует исправлению их личности. К ним относятся нормы:

1) нарушающие основные принципы социальной нравственности (товарищества, уважения, чести и достоинства каждого человека);

2) снижающие культуру межличностного общения и повышающие его конфликтность;

3) разрешающие в определенных случаях насильственные действия;

4) повышающие риск тяжелых последствий насилия;

5) допускающие смерть человека (2).

Итак, в отрицательной микросреде распространены групповые нормы, разрешающие в определенных случаях насилие. Когда они характерны для большей части осужденных, их опасность становится ощутимее. Нежелание согласовывать свое поведение с нравственными нормами общества, интересами и желаниями окружающих, негативное отношение к наказанию, отсутствие чувства вины и раскаяния за преступление придает атмосфере взаимоотношений и общения нервозность, конфликтность, жесткость, отчужденность. Иерархическая структура межличностных ролей: «вожак», «авторитет», «исполнитель», «отвергнутый»; негативная направленность личности, неадекватная самооценка осужденных создают в микросреде атмосферу круговой поруки, безответственного отношения к окружающему миру.

Это приводит к тому, что, оказавшись в местах лишения свободы, несовершеннолетние правонарушители стремятся попасть в ту группу, в которой им легче адаптироваться. При слабо развитом коллективе можно выделить три позиции отрицательной адаптации вновь прибывших в колонию осужденных, влияющих на исправление их личности:

1) принятие роли нарушителя установленного в ВК режима содержания со всей ее поведенческой атрибутикой: бравадой, хулиганскими выходками, дерзостью и т.д.;

2) принятие роли исполнителя. В этом случае поведение и деятельность осужденного зависят от желаний и указа-

ний лидера отрицательной микрогруппы. Цель деятельности исполнителя находится в рамках ситуации, изменяется вместе с ней, но обязательной является его поддержка нарушителей дисциплины и оказание им помощи;

3) принятие роли отвергнутого, что влечет за собой презрение со стороны окружающих, положение «униженного».

Удовлетворение потребности в общении вновь прибывшие несовершеннолетние осужденные с установками отрицательной адаптации находят в малых группах негативной направленности, где вырабатывается особая система ценностей.

В условиях исправительных колоний малые группы отрицательной направленности позволяют осужденным удовлетворить потребность в идеале образа поведения. Негативный идеал, который группа предлагает в качестве образца, достижим более легко и требует меньших усилий, связанных с приобретением новых социально значимых навыков и усилий, нравственной ответственности личности. Общность идеала улучшает эмоциональное состояние осужденных, которое объясняется осознанием собственного не одиночества. Это единственный, по их мнению, круг взаимоотношений и общения, формирующий своеобразный «моральный кодекс», согласно которому наиболее ценными качествами являются риск, смелость, пренебрежение опасностью, непризнание собственной слабости, игнорирование предосторожности и др. Эти качества расшатывают нравственную ответственность правонарушителей настолько, что делают переход от безнравственных поступков к противоправным особенно легким и вероятным.

Подобный «моральный кодекс» стандартизирует поведение правонарушителей в группе, регламентирует его взаимоотношения и деятельность. Основой такой стандартизации для всех членов является значимость суждений группы, общения внутри нее. С группой связывается психологическая защищенность и физическая безопасность.

Появившаяся в связи с этим зависимость от группы влечет за собой чувство невозможности не оправдать ее доверие. Сохранность личного статуса в малой группе для несовершеннолетних осужденных важнее, чем осуждение их безответственной позиции коллективом и сотрудниками колонии. Поэтому в процессе исправления воспитательные воздействия необходимо осуществлять с учетом взаимоотношений в отрицательной микросреде колонии и их влияния не только на личность осужденных, но и на их малые группы.

Исправление осужденных связано с содержанием их взаимоотношений, которые влияют на их убежденность, самооценку, направленность и другие ее структурные элементы. Процесс взаимоотношений в коллективе осужденных целесообразно представить в виде определенной системы «воспитатель-актив-осужденный» с соответствующими структурными компонентами. Различные по своей природе и содержанию они взаимосвязаны между собой и функционируют в едином процессе. Однако в рамках рассматриваемой системы для удобства анализа мы не выделяем три подсистемы, образующие самостоятельные единицы для педагогической характеристики: «воспитатель-осужденный», «активист-осужденный», «осужденный-осужденный».

В целом структура официальных взаимоотношений в воспитательной колонии построена таким образом, что ее основа, включающая отношения руководства-подчинения, ограничена рамками взаимосвязи «воспитатель-осужденный».

Подсистема «воспитатель-осужденный» не является замкнутой, и содержание взаимоотношений в ней зависит от таких звеньев, как личность воспитателя, осужденного и их деятельность. На эффективность работы этой подсистемы оказывает влияние социальная среда и микросреда осужденных. Взаимосвязи в подсистеме «воспитатель-осужденный» можно представить следующим образом (см. схема 1).

Информация об обстановке в колонии, ее микросреде, сведения о содержании нравственной сфере личности осужденного, его деятельности и положении в коллективе поступает на «вход» подсистемы (звено «воспитатель»), систематизируется, осмысливается и в регулирующем качестве поступает в звено «осужденный». Происходит взаимодействие воспитателя и осужденного, которое следует рассматривать как сложный процесс взаимоотношений, результат которых проявляется на «выходе» подсистемы, а эффективность определяется ответственным отношением члена совета воспитателей к своей работе и осужденного за свои поступки, действия и поведение.

Схема 1. Взаимосвязи подсистемы «воспитатель-осужденный»

Член совета воспитателей выступает как субъект взаимоотношений, целенаправленно воздействующий на нравственную сферу личности осужденного и ее элементы. Он организует его деятельность, влияет на процесс воспитания у него убежденности, самооценки, общественной направленности, изменяет их в нужном направлении, добиваясь переживания осужденным наказания, раскаяния

в совершенном преступлении, осознания вины в противоправных действиях.

Обратная информация, поступающая к нему от осужденного, на основании изменений его ответственности позволяет предвидеть конфликтные ситуации, принимать конкретные меры к их преодолению, способствовать сознательной саморегуляции взаимоотношений осужденных.

Педагогические исследования (И.А. Невский, А.Ф. Никитин и др.) позволяют сделать вывод о том, что член совета воспитателей только тогда может успешно руководить процессом формирования личности, когда он предвидит мотивы, цели, средства их достижения, результат деятельности осужденных. При этом мотивы, цели, средства и результат деятельности члена совета воспитателей и осужденного должны в известной мере совпадать. Если этого не происходит, возникают отрицательные взаимоотношения, при которых осужденные направляют свои усилия на противодействие члена совета воспитателей. Бурно реагируют на любые замечания, открыто нарушают дисциплину, не признают своей вины в содеянном, грубят и т.п. Это приводит, как правило, к нарушению контактов между членом совета воспитателей и осужденными, к рассогласованию этой подсистемы, которое наблюдается, прежде всего, в сфере отношений ответственной зависимости.

Рассогласование подсистемы «воспитатель - осужденный», возникновение отрицательных взаимоотношений и неуправляемость процессом исправления осужденных происходят по вине члена совета воспитателей, когда он безответственно относится к делу, не знает или плохо знает индивидуальные особенности осужденных, их возможности, уровень притязаний, структурные элементы нравственной ответственности, которые не учитывает в процессе организации воспитательной работы. Это приводит к тому, что отношение члена совета воспитателей к осужденному иногда жестко запрограммировано: в любом случае видится умышленное нарушение дис-

циплины, нежелание выполнять распоряжения старших, хулиганство. В таких случаях воспитатель умышленно занижает уровень ответственности осужденного с целью преднамеренного принуждения или мщения за действия правонарушителя, что влечет нарушение взаимоотношений, возникновение смысловых и эмоциональных барьеров.

Налаживание правильных взаимоотношений с несовершеннолетними осужденными - показатель высокого педагогического мастерства члена совета воспитателей. Он должен быть высококультурным, иметь склонности к педагогической работе, уметь правильно строить деятельность свою и осужденных. Все это имеет существенное значение для процесса исправления осужденных, так как деятельность некоторых членов совета воспитателей в данном отношении сводится к морализированию, нотациям, преобладанию словесных форм воздействия, недооценке активности осужденных. В результате такая деятельность не несет большой воспитательной нагрузки и не способствует развитию у осужденных убежденности в нравственной ответственности, адекватной самооценке. В результате они не раскаиваются в своем преступлении, не осознают чувство вины за содеянное ими зло.

Исправление осужденных - весьма сложный процесс, и эффективно управлять им можно только силами членов совета воспитателей, во-первых, практически невозможно; во-вторых, педагогически нецелесообразно. В этот процесс необходимо вовлекать положительно зарекомендовавших себя осужденных, проявляющих общественную активность. В данном случае педагогический анализ взаимоотношений целесообразно осу-

ществлять в рамках подсистемы «активист - осужденный».

Привлечение активистов к процессу исправления часто противоречит интересам нарушителей дисциплины и лидеров малых групп отрицательной направленности. Члены самодеятельных организаций более ответственны за свое поведение, они имеют право делать замечания лицам, нарушающим правила внутреннего распорядка и трудовую дисциплину, обсуждать их поведение на собраниях, заседаниях совета коллектива. Требовательность и принципиальность активистов вызывают недовольство, озлобленность. Это создает одну из объективных основ для возникновения негативных взаимоотношений среди осужденных.

Однако весьма часто отрицательные взаимоотношения между несовершеннолетними осужденными формируются по вине активистов. Причиной этого являются: неумение последних правильно применять методы организации совместной деятельности, их неавторитетность и безответственность. Противоречиво в самодеятельных организациях положение осужденных, только вставших на путь исправления: они призваны содействовать искоренению у других правонарушителей отрицательных свойств и качеств, хотя сами еще нуждаются в исправлении. Поэтому исключительное значение имеют вопросы о моральном праве активистов осуществлять эти задачи, о субъективном восприятии осужденными степени справедливости, исходящей от их решений.

Как показывает практика, для нормального функционирования процесса исправления осужденных важно правильное восприятие ими не только ре-

шений активистов, но и поведения членов самодеятельных организаций, которое должно быть очень ответственным. Существует два типа членов актива. Первый тип - активист, переоценивающий свое положение в коллективе. Он считает, что осужденные относятся к нему с уважением, одобряют его поступки, многие рады обратиться за помощью, советом. Такие активисты обычно самоуверенны, авторитарны в общении. В действительности же восприятие члена актива другими осужденными является противоположным.

Существует второй тип члена актива. Он также не осознает свое истинное положение в коллективе, но в отличие от первого считает его более неблагоприятным, чем оно есть в действительности. Это приводит к ощущению дискомфорта в коллективе, эффективность деятельности активиста резко снижается.

Нередко отрицательное отношение к самодеятельным организациям и их неавторитетность связаны с проникновением в них приспособленцев. Приспособленчество как специфическое явление широко распространено в исправительных колониях. Существуют различные виды приспособленчества.

1. Внешнее приспособленчество. Оно проявляется у несовершеннолетних осужденных в двух формах:

а) сознательное приспособление к мнению группы, сопровождающееся острым внутренним конфликтом, то есть столкновением противоположных тенденций: стремления, с одной стороны, быть в согласии с отрицательной группой, с другой - высказать самостоятельное мнение, которое выражает одобрение требований администрации. Например. Осужденный К. в течение длительного

времени не находил контактов с коллективом, в котором главенствовала группа осужденных, часто утверждавших себя с помощью физической силы. Он больше других испытывал притеснения с их стороны. Со временем у него выработалась привычка к безропотному подчинению и соглашательству. Даже после вступления в актив, имея собственное мнение, осужденный К. не высказывал его вслух и соглашался с позицией других. Причиной такого приспособленчества явились боязнь расправы, страх перед насилием группы, конформизм;

б) сознательное приспособление к мнению группы без ярко выраженного конфликта. Такие осужденные также подчиняются мнению большинства. Однако для них, в отличие от предыдущей группы, характерно как бы мирное сосуществование двух мнений: своего и коллектива. Они стремятся к бесконфликтной жизни и считают, что этого можно добиться, если не иметь разногласий с членами группы. Такая позиция не способствует развитию принципиальности, чувства долга, правильной самооценки и других элементов нравственной ответственности.

2. Внутреннее приспособленчество. Его сущность заключается не только в том, что влияние группы на осужденного, оказываясь сиюминутным, изменяет его поведение, но и в том, что оно имеет свои последствия, т.е. отражается на поведении осужденного и после того, как непосредственное воздействие коллектива устраняется. Осужденный-активист принимает негативное, искаженное мнение группы как собственное и придерживается его как в конкретной ситуации, так и вне ее. Выделяются следующие формы внутреннего приспособленчества:

а) бездумное принятие ошибочного мнения группы на основании принципа «большинство всегда право». Возникновение привычки следовать мнению других - весьма опасная тенденция, способствующая формированию безответственного поведения на уровне жизненной нормы. Привычка следовать чужому мнению сказывается и на характере усвоения нравственных убеждений, которые вследствие этого не становятся подлинным ориентиром поведения;

б) принятие мнения группы посредством выработки своей логики. Осужденные не только соглашаются с отрицательным мнением группы, но и по своему обосновывают его. Так возникает оправдательная мотивация, неадекватная самооценка и психологическая защита личности. Собственная логика помогает примирить две противоположные тенденции: стремление быть в согласии с группой и собой. Так осужденные выходят из внутреннего конфликта, точнее обходят его: у них создается иллюзия самостоятельности и правильности своего поведения.

Таким образом, приспособленчество у членов самодеятельных организаций осужденных может проявляться не просто в подчинении своей точки зрения, поведения мнению группы, идущему вразрез нравственному, но и в перестройке образа мыслей, создании мнимой логики. Прочное усвоение негативного, неверного мнения группы происходит именно в тех случаях, когда оно подкрепляется искаженными логическими и безответственными рассуждениями.

Для индивида более значимы запреты группы, чем администрации. Запреты администрации, членов совета воспитателей, учителей, мастеров неред-

ко воспринимаются в качестве посягательства на самостоятельность осужденных. В то же время следование за прещаемому мнению осужденных как бы сближает личность с группой, позволяет чувствовать себя ее полноправным членом, способствует проявлению мнимои ответственности.

Установлено, что авторитет активистов в значительной степени зависит от того, какими методами они работают, как относятся к своим сверстникам, каковы организационные формы руководства ими со стороны администрации. На практике наблюдаются две крайности: слабое руководство или даже его фактическое отсутствие, в результате чего деятельность самодетельных организаций прекращается или начинает развиваться в нежелательном направлении; излишне жесткая опека, приводящая к тому, что члены самодетельных организаций утрачивают какую бы то ни было ответственность.

Важное значение в исправлении несовершеннолетних осужденных, признании ими вины и раскаянии в совершенном преступлении имеет полученная администрацией от актива информация, которая позволяет членам совета воспитателей узнать о внутренних, глубинных процессах исправления личности осужденных. От правильного, умелого использования этой информации зависит эффективность воспитательной работы по развитию нравственной ответственности личности. Однако, анализ деятельности исправительных колоний свидетельствует о том, что практика использования информации активистов далека от совершенства. Приняв такую информацию, члены совета воспитателей, администрация сразу же принима-

ют необходимые решения без обсуждения соответствующих вопросов на заседании совета коллектива осужденных отделения, отряда, колонии, т.е. игнорируя мнение избранного собранием органов самоуправления. Такие методы в работе с самодетельными организациями не способствуют выполнению ими своих функций по исправлению осужденных. Выявление их членами нарушений режима рассматривается осужденными как донос со всеми вытекающими негативными последствиями, вплоть до физической расправы над активистами. Исправление осужденных возможно лишь при положительных взаимоотношениях в коллективе осужденных между активом и остальными осужденными. Они могут быть достигнуты за счет качественного подбора членов самодетельных организаций, которые осознали свою вину в содеянном, раскаялись в совершенном преступлении. Однако на практике эта проблема решается неудовлетворительно. Практика показывает, что около 60% осужденных-активистов сами нарушают установленный в колонии режим содержания и не являются ответственными за свои обязанности и действия.

Такие «активисты» способны на клевету, использование членства в самодетельных организациях в личных корыстно-эгоистических целях: получить положительную характеристику и быстрее освободиться условно-досрочно, незаслуженно получать дополнительные льготы, иметь возможность «командовать» другими и т.д. Пользуясь слабым контролем со стороны членов совета воспитателей и администрации, такие «псевдоактивисты» способствуют улучшению условий жизни «нужным», «сво-

им людям», запугивают вновь прибывших осужденных, угрожают неугодным им лицам, скрывают факты нарушения режима, «взимая» за это плату в виде продуктов и т.д.

Среди ложных активистов наблюдаются различные злоупотребления: присвоение чужих предметов, хранение запрещенных вещей и предметов; непосещение мероприятий, уклонение от уборки помещений, вымогательство, «дедовщина», «постановка на счетчик» и т.п. Кроме того, с их стороны возможно применение физического, психологического и сексуального притеснения неугодных им осужденных. В этом иногда виновата администрация исправительной колонии, не всегда предъявляющая единые требования к членам самостоятельных организаций, снисходительно относящаяся к безответственному выполнению ими обязанностей, необоснованно предоставляющая им льготы. Все это развращает активистов, влечет враждебное отношение к ним со стороны основной массы осужденных и не способствует их исправлению.

Наиболее сложные неофициальные взаимоотношения функционируют в подсистеме «осужденный - осужденный», где происходит взаимное влияние субъектов друг на друга, возникает комплекс явлений, влияющих на развитие нравственной ответственности и ее составляющих структурных элементов.

Взаимодействие личности осужденного с ближайшим социальным окружением, возникновение дефектов в этом процессе происходит в результате неудовлетворения его потребности самоутверждения в сфере общественно-полезной деятельности.

Стремление к самоутверждению в системе неофициальных отношений осужденных часто происходит с использованием противоправных способов. Нормы отрицательной группы определяют не только способы самоутверждения, но и варианты безответственного поведения в конкретных жизненных ситуациях.

Особенность самоутверждения несовершеннолетних правонарушителей в данном случае заключается в том, что они пытаются достичь этой потребности с помощью асоциальных средств и способов: угроз, запугивания, применения физической силы и т.п. Добившись повиновения и подчинения от других, они стремятся сохранить свои позиции и в дальнейшем. Поэтому у них возникает и развивается нетерпимое отношение к любым критическим замечаниям в их адрес со стороны других: недружелюбие, агрессивность, неумение прощать чужие промахи. Это, в свою очередь, порождает ответные действия. Неприязненные взаимоотношения нарастают и могут принять форму открытой вражды, хулиганских действий, что иногда приводит их к уголовной ответственности.

Среди осужденных физическое насилие, как способ асоциального самоутверждения, играет немаловажную роль. Из 500 опрошенных осужденных 140 высказались за применение физической силы в предложенных ситуациях, цель которых определить свои действия по отношению к окружающим в положении другого человека. Например, содержание одной ситуации было следующим: «Осужденный В., выполняя совместно с группой осужденных поручение члена совета воспитателей (мелкий ремонт в спальном помещении), отка-

зался работать. Как бы вы поступили на месте осужденного, которому было оказано доверие быть руководителем группы?». Ответы осужденных были категоричны, их содержание связано с физическим насилием и безответственным поведением.

Ретроспективный анализ биографий несовершеннолетних осужденных, предпочитающих физическую расправу другим методам воздействия, показал, что они воспитывались в семьях, где отсутствовали отношения взаимной ответственности. Взаимоотношения между членами семьи строились на основе унижения достоинства других, угроз. Конфликты в семье нередко заканчивались ее распадом, и тогда контроль за поведением подростков значительно ослабевал, либо прекращался. Свойственные этому возрасту здоровые интересы постепенно вытеснялись, подростки начинали плохо учиться, порывали дружеские связи со школьными товарищами, прекращали заниматься общественной работой. Выход из создавшегося положения они находили вне школы, примыкая к отрицательным группам, под влиянием которых привычки быстро менялись и приобретали асоциальный характер. В неформальных малых группах отрицательной направленности эти лица, как правило, становились лидерами, унижали других, проявляли жестокость по отношению к слабым. Оказавшись в колонии, такие осужденные уже были подготовлены прежним образом жизни к самоутверждению посредством физической расправы над неугодными, безответственным поступкам и действиям.

Весьма распространены в исправительных колониях и другие способы самоутверждения: издевательства, униже-

ния, побои. Так, 34% осужденных запугивают слабых, 15% - издеваются над ними, 20% - унижают их личность.

Механизм негативного самоутверждения несовершеннолетних осужденных правонарушителей заключается в том, что в нем соединяется эгоцентризм осужденного с его повышенной «чувствительностью» к ситуационным влияниям, низким культурным уровнем и безответственным поведением. В итоге любой поступок постороннего лица, не совпадающий с поведением такого осужденного, может восприниматься последним как посягательство на свое «Я», что создает реальную возможность для конфликта безответственного поведения, граничащего с правонарушением.

Например, 74% обследованных нами правонарушителей без особых колебаний вступили в опасное для здоровья и жизни единоборство только за тем, чтобы сохранить положительное отношение к себе членов отрицательной микрогруппы. Самоутверждаясь, осужденные способны проявлять агрессивность к лицам, действия которых прямо или косвенно представляют угрозу для концепции «Я» личности.

Микроклимат отрицательно направленных групп рождает безучастное либо негуманное отношение к незнакомым людям и, в то же время, формирует чувство солидарности с теми лицами, которые совершают проступки. У 68% правонарушителей такие действия вызывают одобрение.

Таким образом, рассмотренные «очаги напряженности» в неофициальных и официальных взаимоотношениях являются наиболее типичными, но далеко не единственными. Практически в каждой исправительной колонии в силу

специфики ее контингента и ряда других обстоятельств существуют свои сложности и проблемы, особенности которых необходимо учитывать в воспитательном процессе.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что было бы неверным считать отрицательной всю систему взаимоотношений в колонии. При качественной постанов-

ке воспитательного процесса определяющее значение имеют положительные тенденции в сфере взаимоотношений осужденных, резко ограничивается деятельность отрицательно настроенных правонарушителей, возрастает роль актива, создаются благоприятные возможности для исправления осужденных.

Нравственно правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития

Е. Ю. Стрижов

Аннотация: в статье приведены результаты психологического исследования нравственно-правовой надежности 2467 сотрудников предприятий, ОВД, УИС. Становление нравственно-правовой надежности происходит путем выхода сознания субъекта за пределы, заданные условиями экономической проблемы, преодоления конфликта между нравственными и экономическими ценностями. Предложена модель НПН, определены качественные и количественные показатели уровней и стадий надежности. Показана детерминация поступков структурными компонентами надежности. В статье содержатся данные о валидности личностного опросника, разработанного для исследования нравственно-правовой надежности сотрудников (ЛО НПН).

Ключевые слова: нравственно-правовая надежность личности, мошенничество, экономическая ситуация, уровни и стадии надежности, функциональная модель надежности, идентичность, конфликт нравственных и экономических ценностей.

The summary: results of psychological research of moral-legal reliability of 2467 employees of the enterprises, OVD, UIS are resulted. Formation of moral-legal reliability occurs by an exit of consciousness of the subject for the limits set by conditions of an economic problem, conflict overcoming between moral and economic values. Model NPN is offered, are defined qualitative and quantity indicators of levels and reliability stages. Determination of acts by structural components of reliability is shown. In article the data about validity the personal questionnaire developed for research of moral-legal reliability of employees (LO NPN) contains.

Keywords: moral-legal reliability of the person, swindle, an economic situation, levels and reliability stages, functional model of reliability, identity, the conflict of moral and economic values.

Отечественные психологи задолго до выступлений высших политических деятелей нашего государства отмечали актуальность и важность реше-

специфики ее контингента и ряда других обстоятельств существуют свои сложности и проблемы, особенности которых необходимо учитывать в воспитательном процессе.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что было бы неверным считать отрицательной всю систему взаимоотношений в колонии. При качественной постанов-

ке воспитательного процесса определяющее значение имеют положительные тенденции в сфере взаимоотношений осужденных, резко ограничивается деятельность отрицательно настроенных правонарушителей, возрастает роль актива, создаются благоприятные возможности для исправления осужденных.

Нравственно правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития

Е. Ю. Стрижов

Аннотация: в статье приведены результаты психологического исследования нравственно-правовой надежности 2467 сотрудников предприятий, ОВД, УИС. Становление нравственно-правовой надежности происходит путем выхода сознания субъекта за пределы, заданные условиями экономической проблемы, преодоления конфликта между нравственными и экономическими ценностями. Предложена модель НПН, определены качественные и количественные показатели уровней и стадий надежности. Показана детерминация поступков структурными компонентами надежности. В статье содержатся данные о валидности личностного опросника, разработанного для исследования нравственно-правовой надежности сотрудников (ЛО НПН).

Ключевые слова: нравственно-правовая надежность личности, мошенничество, экономическая ситуация, уровни и стадии надежности, функциональная модель надежности, идентичность, конфликт нравственных и экономических ценностей.

The summary: results of psychological research of moral-legal reliability of 2467 employees of the enterprises, OVD, UIS are resulted. Formation of moral-legal reliability occurs by an exit of consciousness of the subject for the limits set by conditions of an economic problem, conflict overcoming between moral and economic values. Model NPN is offered, are defined qualitative and quantity indicators of levels and reliability stages. Determination of acts by structural components of reliability is shown. In article the data about validity the personal questionnaire developed for research of moral-legal reliability of employees (LO NPN) contains.

Keywords: moral-legal reliability of the person, swindle, an economic situation, levels and reliability stages, functional model of reliability, identity, the conflict of moral and economic values.

Отечественные психологи задолго до выступлений высших политических деятелей нашего государства отмечали актуальность и важность реше-

ния нравственно-психологических проблем личности, социальной группы и общества. Одной из главных задач психологии является интенсификация фундаментальных исследований отношений человека к себе и другим людям (Д.И. Фельдштейн, 2006) [25; с. 5]. Духовно-нравственная, или этическая, психология становится одной из приоритетных отраслей психологии (А.Л. Журавлев, 2007) [12; с. 15].

Аттестация, подбор и расстановка персонала на материально ответственные должности связаны с риском для предприятий, поскольку существующие системы оценки личности сотрудников не позволяют определить уровень моральной зрелости кандидатов и тем более - их склонность к предательству интересов своего предприятия, мошенничеству, продаже коммерческих секретов конкурирующим фирмам, промышленному шпионажу. В первую очередь оцениваются такие личностные особенности, по которым не надежные в нравственном и правовом отношении кандидаты превосходят добросовестных и законопослушных граждан: по показателям общего и социального интеллекта, самоконтроля, самоактуализации, эмпатии, саморегуляции, социально-коммуникативной компетентности, развитию универсальных личностных ценностей. В результате ущерб от злоупотреблений и мошенничества своих сотрудников достигает 70 % общего ущерба фирмы [17]. Необходима оценка личности по критериям нравственности. Она предполагает измерение таких качеств, которые относятся к предмету как психологии, так и этики: честность, справедливость, доброта, трудолюбие, верность долгу, своему слову. «Правильная поста-

новка вопроса есть не меньшее дело научного творчества и исследования, чем правильный ответ, - и гораздо более ответственное дело», - подчеркивал Л.С. Выготский в своей методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» [8; с.76].

Решить поставленные проблемы можно на основе нравственно-психологического подхода в оценке личности сотрудника, поскольку именно психологические, морально-этические (нравственные) факторы опосредствуют и изменяют действие экономических условий, механизмов, факторов (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, 2007) [9].

Предметом нашего исследования послужили психологические закономерности функционирования нравственного содержания мотивационных, ценностно-смысловых, когнитивных, регуляторных и идентификационных процессов личности, обеспечивающих надежное поведение специалиста, основанное на требованиях морали и Закона, честное и добросовестное выполнение им своих профессиональных обязанностей, критическое отношение к экономическим ценностям и отрицание обмана и мошенничества.

Психологическим механизмом надежности является процесс адекватного осознания субъектом личностных смыслов этических требований и понимание границ (моральных и правовых запретов), за пределами которых поведение носит аморальный и криминальный характер.

Нравственные и правовые границы социальных представлений о способах достижения материальных благ у субъектов с различными уровнями надежности имеют устойчивые различия и могут

быть определены психодиагностическими методами.

В результате адекватного осознания личностного смысла нравственных и правовых норм происходит преодоление конфликта между экономическими и нравственно-правовыми ценностями.

Становление нравственно-правовой надежности происходит путем выхода сознания субъекта за пределы, заданные условиями экономической проблемы, переоценки своего «Я», осмысления моральных и правовых последствий своего поступка. При этом субъект оперирует новыми, этическими и правовыми условиями решения моральной проблемы, которые непосредственно в задаче не представлены, но которые он задает себе сам.

Для определения психологического механизма функционирования и развития нравственно-правовой надежности личности нами проведен анализ трех ключевых положений о морально-правовом становлении личности. Существование этих проблем можно представить в виде следующих научных задач.

1. Определение доминирующих факторов нравственно-правового развития личности и законопослушного поведения.

2. Уточнение соотношения морального и когнитивного развития личности.

3. Изучение психологических особенностей решения экономических задач (проблем) сотрудниками разного уровня нравственно-правовой надежности.

1. Доминирующим фактором нравственно-правового становления личности, согласно теории Л. Колберга, является интеллектуальная сфера. Когнитивная теория объясняет механизм морально-

го развития, используя принцип когнитивной детерминации, то есть приоритета когнитивных процессов: восхождение человека к постконвенциональному уровню носит необратимый характер и определяется интеллектом. Л. Колберг считал, что человек не может достичь уровня правоподдержания до тех пор, пока мышление не достигло уровня формальных операций [30]-[32].

Наши исследования показали, что низкая нравственно-правовая надежность (конформная, корыстная и аморально-криминальная стадии) вполне сочетается с высоким общим и социальным интеллектом этих сотрудников. Поэтому следует рассмотреть механизм развития нравственно-правовой надежности через взаимодействие нравственной и когнитивной сфер личности.

Критические замечания в адрес приоритета когнитивных факторов в морально-правовом развитии личности, последовательности и необратимости стадий этого развития, а также методов исследования морально-правового развития можно свести к следующим положениям.

В выводе об определяющем влиянии когнитивной сферы недостаточно внимания уделено социальным факторам. Ученица Л. Колберга - Дж. Тапп - в своей теории морально-правового развития определяет социальные условия жизни не менее значимым фактором, чем интеллектуальное развитие [35]-[36].

Отечественная социальная психология считает социальные условия жизни, наряду с деятельностью и воспитанием, главными факторами развития личности: К.А. Абульханова (1994) [1], А.Л. Журавлев (2003, 2006, 2007)

[9]-[11]; Н.А. Журавлева (2006) [13]; А.Б. Купрейченко (2003, 2007) [9]-[10]; Б.Ф. Ломов (1984) [16]; С.Л. Рубинштейн (2003) [20] и другие авторы). Ведущим фактором морально-правового развития личности, согласно выводам О.П. Николаевой (1992, 1995) [18]-[19], является социально-культурное окружение личности.

Переоценка роли когнитивных факторов в нравственно-правовом развитии личности неприемлема также по причине их значительной обусловленности социальными обстоятельствами жизни и деятельности человека. На наш взгляд, включение в научный анализ социальных условий заставило многих зарубежных авторов пересмотреть свои взгляды и сделать вывод о многовариантности морально-правового развития и возможности морально-правовой деградации личности в неблагоприятной социальной среде. А.В. Юревич, оценивая нравственное состояние нашего общества, пришел к выводу о его «нравственной катастрофе» (2007, 2009) [27]-[28].

М.И. Воловикова характеризует современные тенденции морального развития наших современников как «общее нравственное падение» (2004) [6; с. 185]. Также ею установлен факт существования «до-доконвенциального уровня» морального развития у значительной части нашей молодежи [6; с. 163].

И.А. Кудрявцев, изучая нравственную сферу правонарушителей, объясняет их бездуховность «деструктивной экспансией в российское массовое сознание чуждых ему кич-образцов и ценностных суррогатов, агрессивно разрушающих подлинные ценности, нравы, обычаи и традиции многонациональной российской культуры» [14; с. 78].

Видя противоречия результатов эмпирических проверок с теоретическими положениями когнитивной теории морального развития, Л. Колберг впоследствии признал, что одного условия (когнитивного развития) недостаточно, так как многие люди, несмотря на адекватный уровень умственного развития, все же не достигают постконвенциальных стадий (1984) [32].

Поэтому объяснение психологических механизмов нравственно-правовой надежности следует искать во взаимодействии социальных и личностных детерминант (процессов социально-психологической адаптации, социализации, идентификации, социального интеллекта, личностных факторов принятия решений, моральной саморегуляции поведения).

2. Взаимосвязь нравственной и когнитивной сфер личности, по нашему мнению, следует изучать не с помощью абстрактных моральных дилемм, а методом сравнения решений задач на нравственный смысл контрастными группами людей, представляющих надежных в нравственно-правовом отношении сотрудников и их антиподов - корыстную и аморально-криминальную стадии. Предложенная для решения проблема состояла в определении нравственно-правового смысла своего поступка по получению материальных благ преступным способом (мошенничеством).

Можно утверждать о своеобразии интеллектуальной сферы мошенников, которые превосходят нравственно надежных сотрудников по подавляющему количеству показателей как общего, так и социального интеллекта. Более того, типичные когнитивные стили мошенников позволяют им успешно реализовы-

вать свои преступные умыслы. Поэтому мы считаем, что между уровнем морального и интеллектуального развития нет однозначной связи: высокое интеллектуальное развитие не обеспечивает высокую степень нравственной надежности, и наоборот. Это утверждение основано на следующих теоретических выводах, сделанных учеными Института психологии РАН.

Исследование А.В. Брушлинского и Л.В. Темновой (1993) [4] подтвердило положение о неразрывной связи морального и когнитивного развития. Ими установлено, что моральные решения являются выбором одной из нескольких заданных альтернатив, т.е. ранее оформленных способов решения ситуации.

Исследованиями М.И. Воловиковой и Т.А. Ребеко (1990) [7], О.П. Николаевой (1992, 1995) [18]-[19] установлены связи не только морального и интеллектуального, но и морального, интеллектуального и правового развития. М.И. Воловикова и Т.А. Ребеко считают, что моральные задачи основаны на столкновении либо нескольких запретов, либо желаемого, но запрещенного. Их решение состоит в мыслительном проигрывании ситуации. Выбор способов решения, которые приносят минимальный вред, зависит не только от когнитивного, но и от морального развития.

Результаты, полученные авторами этой работы, во многом объясняют противоречия морального и когнитивного развития личности на криминально-аморальной и корыстной стадиях надежности: интеллектуальная и моральная сферы могут быть как взаимодействующими, так и независимыми друг от друга.

Развитие интеллектуальной и моральной сфер рассматривается как

взаимодействующая система. Особенностью моральной сферы является ее формирование на поведенческом уровне, когда закрепляются способы решения проблем. Таким образом, моральный поступок получает свою представленность на когнитивном уровне после того, как он получил свое существование на поведенческом уровне - утверждают М.И. Воловикова и Т.А. Ребеко.

3. Способ решения задач по определению нравственно-правового смысла своего поступка для получения материальных благ является, на наш взгляд, результатом работы механизма нравственно-правовой надежности личности.

Важным положением для нас является вывод А.В. Брушлинского, что моральные задачи, как вид интеллектуальных задач, имеют личностную основу и относятся к личностному характеру мышления (2003) [3].

Личностными факторами, влияющими на способ решения экономической задачи, мы считаем: доминирующий тип детерминации поведения (экономическая или нравственно-правовая); мотивацию поведения (стремление к достижению успеха или осторожность); личностные ценности (социально одобряемые нравственные или узкогрупповые, эгоистические); идентичность (нравственная или экономическая); готовность к риску и импульсивность мышления как личностные факторы принятия решения о способе получения материальных благ.

Для нравственно-правовой стадии надежности при решении экономической задачи о получении материальных благ характерна нравственно-смысловая детерминация процесса

мышления. Источником этой детерминации являются личностные нравственные ценности, определяющая роль которых в организации просоциального поведения личности вполне доказана. В работах Л.И. Анцыферовой (1999) [2], К. Гиллиган (1982) [29], И.А. Кудрявцева (2007) [14], Л. Колберга (1981, 1984) [30]-[32], Дж. Тапп (1971) [35], Р. Нолан (2001), [33], Е. Равлин (1987) [34] и многих других авторов указывается, что нравственные ценности не только предопределяют поведение, но и влияют на отбор и интерпретацию внешних стимулов.

Несмотря на то, что в задаче на получение материальных благ представлены только экономические условия (объем и качество труда, время на выполнение, стимулы, материальное вознаграждение), надежные сотрудники всегда привлекают к решению нравственные и правовые условия в качестве необходимых альтернатив решения поставленной задачи. К этим альтернативам обычно относятся честность, законность, справедливость, самоуважение. По существу, эти альтернативы являются, по выражению В.Ф. Петренко (2005, с.5), «категориальной основой» и «смысловыми опорами» при решении экономической задачи. Однако уровни осознания этих альтернатив могут быть разными. Ф.Е. Василюк (1988) [5], исследуя уровни осознания смысла человеком, установил 4 таких уровня (переживание, сознание, понимание, рефлексия).

На уровне переживания нравственные смыслы социально одобряемого поведения выражаются как отношение безусловного и безоценочного принятия и доверия к ним. В структуре нравственного сознания на этом уровне представ-

лены невербализованные смыслы и архетипы - такие значения моральных ценностей, которые имеют вид стереотипов, аксиом, суждений, не требующих объяснения. Формами репрезентации невербализованных смыслов и архетипов могут быть пословицы, поговорки, понятия, образы поведения, причем конкретное содержание этих смыслов определяется социально-психологическими факторами: групповыми мнениями, настроениями, традициями и обычаями группы, суждениями авторитетных лиц, выражающими своеобразное понимание справедливости, законности и честности.

Существующие в сознании невербализованные смыслы нравственных и правовых норм в целом затрудняют процесс решения задачи, но в то же время обеспечивают его решение стереотипным и привычным способом, без детального анализа, синтеза, категоризации, классификации и других мыслительных операций. При низкой сложности экономической задачи ее решение может быть сорвано влиянием личностных факторов.

При высокой значимости задачи и влиянии аморальных или криминальных альтернатив происходит осознание невербализованных смыслов, переход на уровень сознания, а затем - понимание и рефлексии.

Такое понимание психологического механизма становления нравственно-правовой надежности согласуется с выводами М.И. Воловиковой и Т.А. Ребеко, что «использование неизменных моральных эталонов, которые ни при каких условиях не становятся психологическими переменными, «вынуждает» интеллект функционировать на более высоком уровне. Моральные запреты за-

ставляют личность полнее использовать свой интеллектуальный потенциал» (1990) [7]. Переоценка привычных невербализованных смыслов нравственных норм в новых экономических условиях, по нашему мнению, и есть функционирование интеллекта личности на более высоком уровне. Благодаря переходу на этот уровень происходит сознание человеком смыслов нравственных и правовых норм в новых для него экономических ситуациях. В них, по выражению А.Н. Леонтьева, решаются «задачи на личностный смысл» [15; с.206].

Работа мышления по определению личностных смыслов нравственных и правовых норм у надежных сотрудников стимулируется их социально-психологическими особенностями: нравственной идентичностью, критическим отношением к деньгам, богатству, внешним признакам успеха, отрицанием воровства и мошенничества, одобрением честного и добросовестного труда, рассудительностью при своем самоопределении.

Таким образом, функциональным механизмом развития нравственно-правовой надежности личности является сознание, понимание и рефлексия человеком личностных смыслов нравственных и правовых норм, добровольное использование дополнительных нравственных и правовых альтернатив при решении насущных экономических задач и, в конечном счете, - выход сознания субъекта за пределы наличной экономической ситуации.

Основания для такого вывода о психологическом механизме развития нравственно-правовой надежности приведены в табл. 3. В ней представлены крайние стадии надежности: высшая (нравствен-

но-правовая) и низшая (аморально-криминальная).

Исходным пунктом развития надежности мы считаем третью стадию (конформную). Она занимает промежуточное положение между отчетливо противоположными стадиями и содержит в себе источник развития нравственно-правовой надежности - конфликт между нравственными и экономическими ценностями. На этой стадии развития максимально велико количество невербализованных смыслов. Именно здесь формируется социальная и персональная идентичность личности. На конформной стадии проходит нравственное, экономическое и правовое самоопределение. Поэтому в таблице показан двоякий результат нравственного и правового самоопределения субъекта: или переход на более высокую стадию надежности (прагматическую), или нравственное падение на корыстную или аморально-криминальную стадию.

Поведение таких сотрудников неустойчиво и ситуативно. Определение этой стадии как конформной отражает ее качественное отличие от других групп нравственно-правовой надежности. В ней наглядно представлена социально-психологическая природа нравственно-правовой надежности личности.

На первой - аморально-криминальной («до-доконвенциональной») стадии допускается возможность изменения нравственных эталонов для разрешения моральной проблемы в выгодном для себя направлении. Нравственные альтернативы игнорируются. Представленные в сознании нравственные смыслы либо извращены, либо не вербализованы, либо отвергаются. Отношение к деньгам и богатству, к обману и мо-

Табл. 3. Способы решения экономической задачи на крайних стадиях нравственно-правовой надежности личности

Стадии НПН	Цель	Средства достижения цели	Личностные факторы	Процесс решения	Результат
6. Нравственно-правовая	Удовлетворение насущных материальных и духовных потребностей	Социально одобряемые приемы и способы личного труда	Нравственные ценности и идентичность Рассудительность	Поиск и отбор дополнительных условий решения задачи (нравственных и правовых альтернатив)	Выход за пределы экономических условий задачи Противодействие аморально-криминальным нормам Обретение НПН Принятие экономической идошичности Отрицание или игнорирование нравственно-правовых норм Снижение уровня НПН Преступление
3. Конформная (исходная стадия)	Сохранение социального статуса	Определяются ближайшим социальным окружением	Конфликт нравственных и экономических ценностей Поиск идентичности Осторожность	Блокируется или поощряется мнениями группы Осознание нравственных и правовых смыслов поступка	
1. Аморально-криминальная	Быстрое обогащение Признание превосходства в своей группе Получение материальных признаков успеха	Обман Мошенничество Коррупция Воровство	Экономическая детерминация и идентичность Готовность к риску Импульсивность Эгоистические ценности	В пределах экономических условий задачи Анализ экономических альтернатив в целях получения большей выгоды	

шенничеству как способам обогащения - чрезмерно позитивное. Авантюризм, готовность к риску и импульсивность, мотивация достижения успеха как личностные факторы принятия решения направлены на быстрое и эффективное решение задачи исключительно в пределах заданной экономической ситуации.

В табл. 4 приведены статистические данные по шести стадиям нравственно-правовой надежности. Личностные нравственные ценности - представления о честности и справедливости, - закономерно снижаются до нулевого уровня по мере снижения нравственно-правовой надежности группы: от 0,778 у высшего уровня до 0,000 у низшего уровня.

Так же снижается доля просоциальных поступков. Если надежные в нравственно-правовом отношении члены-сотрудники в 74% своих поступков активно противодействуют обману и мошенничеству, то абсолютно ненадежные сотрудники сами совершают их.

Доминирующими ценностными ориентациями ненадежных сотрудников являются понимание воровства как обычая, одобрение преступных способов получения материальных благ, месть. Характерно, что абсолютно ненадежные сотрудники не боятся уголовного наказания за планируемое мошенничество: 38,6% из них рассчитывают избежать его.

Ценности альтруизма у мошенников (0,687 балла) в 10 раз ниже, чем средние значения этого показателя по выборке 2467 человек (7,270 балла), ценности труда - почти в 5 раз (2,031 балла против 9,583).

Таким образом, нравственно-правовая надежность личности обеспечивает

ся не только и не столько уровнем когнитивного развития, сколько личностными нравственными ценностями, которые формируются под влиянием социальных и личностных факторов.

Наше предположение о психологическом механизме нравственно-правовой надежности личности полностью подтвердилось результатами обширных и продолжительных обследований, а также в ходе моделирования нравственно-правовой надежности личности.

При построении психологической модели нравственно-правовой надежности личности специалиста мы исходили из следующих положений нашей концепции и результатов экспериментальных проверок гипотез.

На основании этих положений нами разработана функциональная модель нравственно-правовой надежности, которая представлена на рис. 1.

При построении функциональной графической модели нами использовались только те тестовые показатели, которые имеют статистически значимые различия между контрастирующими группами и поэтому отражают характерные особенности этих групп (стадий и уровней).

Моделирование проводилось на основе следующих положений.

Нравственно-правовая надежность - социально-психологическое свойство личности специалиста, позволяющее ему производить и сохранять в своем сознании смыслы нравственных норм в пределах их объективных значений, обеспечивающих устойчивое, организованное и сознательное поведение, соответствующее моральным и правовым требованиям общества. Нравственно-правовая надежность представляет со-

Табл. 4. Распределение нравственных ценностей и смыслов поступков по уровням и стадиям нравственно-правовой надежности

Поступки и смыслы поступков	Уровни и стадии нравственно-правовой надежности (Среднее - 19,33; std. откл. - 21)						Итого 2467 чел.
	Высокий	Средний 1 012 человек		Низкий 1 344 человека			
		6 выше 60 81 чел.	5 40-60 266 чел.	4 20-40 746 чел.	3 0-20 921 чел.	2 0 до -20 366 чел.	
Корыстно-насильственные преступники-рецидивисты	,000	,000	,000	,019	,060	,017	,016
Осужденные за мошенничество	,000	,000	,000	,108	,259	,982	,104
Активное противодействие мошенничеству	,740	,560	,414	,376	,306	,004	,406
Отказ от мошенничества	,259	,364	,430	,248	,169	,005	,302
Мошенничество	,012	,050	,111	,351	,510	,900	,270
Смысл поступка - личные представления о честности и справедливости	,777	,631	,434	,338	,297	,000	,403
Смысл поступка - боязнь уголовного наказания	,148	,091	,151	,134	,103	,000	,127
Смысл поступка - намерение избежать наказания	,000	,010	,020	,058	,213	,386	,069
Смысл поступка - воровство как обычай	,037	,030	,052	,172	,114	,298	,109
Смысл поступка - невербализованные смыслы	,0123	,216	,223	,268	,185	,245	,241
Смысл поступка - месть	,000	,020	,020	,033	,065	,052	,032
Индекс НПН	70,148	48,996	29,331	10,510	-6,267	-31,01	19,328

бой психологическую систему, компоненты которой связаны между собой и поступками закономерным образом.

Источником развития нравственно-правовой надежности является кон-

фликт между личностными нравственными ценностями и возникающими под влиянием социальных факторов экономическими ценностями потребления. Преодоление этого конфликта проис-

ходит путем выхода сознания субъекта за пределы, заданные условиями насущной экономической проблемы, переоценки своего «Я», моральных и правовых последствий своего поступка. При этом субъект оперирует новыми, этическими и правовыми условиями решения моральной проблемы, которые непосредственно в задаче не представлены, но которые он задает себе сам.

Структура нравственной надежности личности состоит из следующих компонентов: нравственных ценностей и идеалов личности; уровня и локуса моральной ответственности личности; когнитивного стиля решения моральных и правовых проблем при достижении материальных благ; стиля моральной саморегуляции поведения; стиля межлич-

ностного взаимодействия; нравственно-смысловой детерминации поведения.

В психологической модели наглядно отражены закономерности функционирования нравственно-правовой надежности личности.

1. Зависимость нравственно-правовой надежности личности от степени признания своей ответственности за выполнение нравственных и правовых норм.

2. Тесная взаимосвязь между социально одобряемыми поступками и уровнем морального развития.

Общая детерминация (R^2) совокупности компонентов нравственно-правовой надежности социально одобряемого поступка у надежных сотрудников составляет 0,559 при $p < 0,0001$.

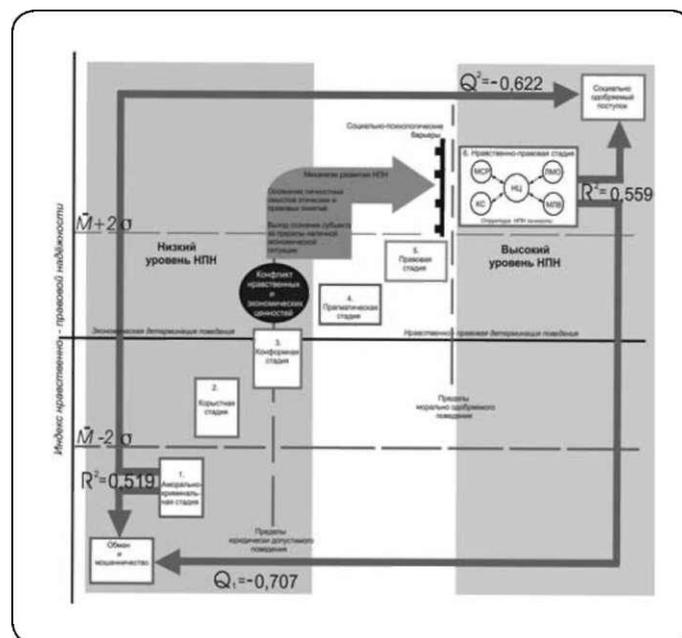

Рис. 1. Функциональная модель нравственно-правовой надежности личности (N = 2467)

Теснота связи (контингенция Q1) совокупности компонентов нравственно-правовой надежности с обманом и мошенничеством у надежных сотрудников отрицательная: $-0,707$ при $p < 0,0001$.

Личностные нравственные ценности и идеалы личности максимально детерминируют социально одобряемое поведение. Они определяют его на 43,6%.

Стиль моральной саморегуляции поведения, свидетельствующий о самостоятельности и устойчивости личности в выработке собственных нравственных и правовых критериев поведения, определяет социально одобряемый поступок на 39,2%.

Уровень и локус моральной ответственности, свидетельствующий о понимании субъектом пределов допустимого поведения и отношений должностования, влияет на социально одобряемое поведение сотрудника на 31,7%.

Когнитивный стиль решения моральных и экономических проблем, основанный на рациональной оценке, понимании субъектом сущности нравственно-правовых альтернатив, определяет такой поступок на 23,4%.

Индивидуальный стиль межличностного взаимодействия и общения с другими людьми, основанный на социальном взаимодействии и поиске социальной поддержки, обеспечивает нравственно и юридически одобряемые поступки на 21,5%.

Общая детерминация (R2) совокупности компонентов нравственно-правовой надежности обмана и мошенничества на аморально-криминальной стадии составляет $0,519$ при $p < 0,0001$.

Теснота связи (контингенция Q2) этих же компонентов на аморально-криминальной стадии с социально одоб-

ряемым поступком имеет обратное значение и достигает $-0,622$ при такой же значимости [23].

3. Социально-психологическая зависимость нравственно-правовой надежности от устойчивости субъекта к негативным правилам поведения в своей социальной группе, способствующим совершению аморальных поступков и мошенничества.

4. Зависимость надежности от характера нравственного самоопределения, степени одобрения и учета в своем поведении нравственных и правовых ценностей общества.

5. Уровневое строение нравственно-правовой надежности специалиста подчинено принципу системности. Ядром этой системы выступают личностные нравственные ценности и идеалы личности, которые посредством нравственно-смысловой детерминации определяют морально-правовое содержание поступков субъекта.

Уровни нравственно-правовой надежности (НПН) - это закономерные этапы ее становления. Границы каждого уровня определяются различными видами психологической детерминации поведения, поэтому области распределения показателей надежности по уровням и стадиям изолированы друг от друга и не пересекаются.

Высокий уровень НПН образуют сотрудники (81 чел.), поведение которых детерминировано социально одобряемыми нравственными ценностями: честностью, добросовестностью, справедливостью, уважением интересов и прав других людей. По существу, это стадия сознательной, нравственной надежности. В своем поведении они не выходят за границы моральных норм. Уровень

нравственно-правовой надежности этих сотрудников превышает средние показатели на три стандартных отклонения (+3 σ) и находится в области значений выше 60 баллов. Главная детерминанта их активности - честность.

Средний уровень НПН - сотрудники, входящие во вторую и третью стадии развития надежности и имеющие показатели надежности от 20 до 60 баллов (1012 человек).

В средний уровень входят две стадии развития нравственно-правовой надежности.

Стадия правовой надежности (266 чел.) определяется правовой детерминантой поведения. Границы поведения этих сотрудников могут выходить за пределы моральных запретов, но находятся в пределах правовых норм. Уровень нравственно-правовой надежности правовой стадии по своим количественным показателям превышает общие средние показатели на два стандартных отклонения (+2 σ) и находится в пределах от 40 до 60 баллов. Главная детерминанта поведения сотрудников на этой стадии - нормы Закона.

Прагматическая стадия надежности (746 чел.) характеризуется ориентацией на получение пользы от соблюдения норм морали и закона. При этом границы поведения не выходят за пределы правовых норм. На этой стадии начинает проявляться экономическая детерминация: при решении жизненных проблем наряду с правовыми и моральными альтернативами сотрудник учитывает и экономические (личную выгоду за соблюдение норм морали и Закона). Показатели нравственно-правовой надежности сотрудников на этой стадии превышают средние значения на величину одного стандартного отклонения (+1 σ) -

от 20 до 40 баллов. Главная детерминанта их поведения - получение личной выгоды и пользы за соблюдение морально-правовых норм.

Низкий уровень НПН - сотрудники и осужденные, образовавшие конформную, корыстную и аморально-криминальную стадии (1344 человека).

Конформную стадию надежности (921 чел.) можно считать исходной в общем становлении нравственно-правовой надежности. На этой стадии начинается нравственное и правовое самоопределение личности. Отношение сотрудника к этическим категориям добра и зла, юридическим категориям законности и целесообразности еще не сложилось. Поэтому моральная и правовая детерминация поведения на этой стадии уступает экономической и защитной. В ходе решения жизненных проблем сотрудник, находящийся на конформной стадии надежности, еще не адаптировался к социальным условиям и ориентирован на защиту собственной безопасности при определении источников своего существования.

Надежность таких сотрудников неустойчива: они подвержены ситуативным воздействиям социально-психологического окружения как с морально-правовой, так и с аморально-криминальной сторон. Именно на этой стадии нами выявлены мошенники и корыстно-насильственные преступники-рецидивисты. Показатели нравственно-правовой надежности сотрудников на этой стадии не превышают средние значения в 20 баллов. Главная детерминанта поведения на конформной стадии - защита собственных интересов от влияния других социальных групп.

Корыстная стадия (366 чел.) по своей сущности представляет собой методологическую оппозицию нравственно-

правовой надежности. Нравственно-правовое самоопределение этих сотрудников произошло в сторону игнорирования моральных и правовых запретов при получении личной выгоды. В сознании корыстных сотрудников сформировалась устойчивая и гармоничная система моральных и правовых ценностей, противоречащих общепринятым нормам. Главная детерминанта поведения таких сотрудников - экономическая, но при игнорировании общепринятых моральных норм. Ими движет корысть и стремление к получению материальных благ аморальными способами, исключаями честный и добросовестный производительный труд. Естественно, что показатели нравственно-правовой надежности этой стадии не только отрицательные, но и уступают средним показателям на величину одного стандартного отклонения от статистической нормы (-1а). Сотрудников этой стадии можно с уверенностью считать склонными к обману, коррупции и мошенничеству.

Все обследованные нами осужденные мошенники (257 человек) вошли в 1 и 2 стадии надежности.

Аморально-криминальная стадия (57 чел.) является полным антагонизмом нравственно-правовой надежности. Эта группа образована осужденными мошенниками-рецидивистами и корыстно-насильственными преступниками. Показатели нравственно-правовой надежности аморально-криминальной стадии ниже средних по выборке на два стандартных отклонения (-2а). Поведение людей на этой стадии детерминировано аморальными и криминальными нормами.

Полученная модель может послужить основой для дальнейшего исследова-

ния влияния нравственного и правового содержания сознания на процессы личности, поиска психологических детерминант нравственности.

Исследование нравственно-правовой надежности личности проводилось с помощью специально сконструированного нами личностного опросника (ЛО НПН), на разработку и апробацию которого потребовалось 5 лет [21]-[23]. В нем содержится 123 вопроса, попарно разбитых на 10 интервальных шкал. Попытка применения зарубежных личностных опросников для измерения нравственно-психологических показателей показала их полную неэффективность.

Факторная структура личностного ЛО НПН образована тремя группами переменных, имеющими суммарную дисперсию не менее 70,5%, что позволяет достаточно полно представить структуру и количественные показатели надежности личности.

Внутренняя согласованность (надежность) опросника на выборке 2467 человек по коэффициенту α Кронбаха составила 0,956.

Надежность по методу половинного расщепления шкалы (коэффициент Спирмена - Брауна) - 0,977. Коэффициент Гуттмана по методу половинного расщепления теста составил 0,897.

Ретестовая надежность теста, проводившаяся методом повторного тестирования 80 сотрудников с интервалом в полгода (в июне 2008 года и в январе 2009-го), составила 0,762 при $p < 0,0001$. Прогнозы поведения подтвердились в 76% случаев.

Тест дифференцирует испытуемых по стадиям надежности, т.е имеет хорошую критериальную валидность.

Опросник имеет конструктивную валидность: он позволяет дать многофакторное объяснение нравственной надежности личности на основе нашей концепции нравственно-правовой надежности личности.

Он сопоставим с родственными методиками: шкалой альтруизма-эгоизма личности К.Муздыбаева, шкалой Мак-IV В.В. Знакова, с методикой НСО А.Е. Воробьевой и А.Б. Купрейченко, с проективной методикой Ю.В.Александровой «Отношение к Другому». Получены устойчивые и статистически значимые связи психологических критериев нравственной надежности со следующими характеристиками нравственного самоопределения личности (по А.Б. Купрейченко): «Происхождение нравственности», «Абсолютность нравственности», «Принятие стратегии обязательного соблюдения нравственных норм», «Принятие стратегии активности в соблюдении нравственных норм» [22].

Таким образом, нравственно-правовая надежность - признак социально зрелой личности. Во-вторых, в своем сознании надежная в нравственно-правовом отношении личность имеет самостоятельно выработанные нравственные ценности, которые находятся в пределах социально одобряемых нравственных и юридических норм. В-третьих, поведение, основанное на понимании своей ответственности перед этими нормами, не переходит границ допустимого в моральном и тем более правовом отношении. В-четвертых, нравственно надежная личность обладает устойчивостью к негативным обычаям поведения и готовностью отстаивать свои нравственные ценности и идеалы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования//Психол. журнал. 1994. №4. С. 39-55.
2. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)//Психол. журнал. 1999. №3. С. 5-17.
3. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение: Избр. психол. труды. М.: Изд-во МПСИ, 2003.
4. Брушлинский А.В., Темнова Л.В. Интеллектуальный потенциал личности в решении нравственных задач//Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 45-56.
5. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи//Вопросы психологии. 1988. №5. С. 27-38.
6. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
7. Воловикова М.И., Ребеко Т.А. Соотношение когнитивного и морального развития//Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь/Отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1990. С. 81-87.
8. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса//Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 291-436.
9. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007.
10. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2003.
11. Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия//Психол. журнал. 2007. №2. С. 44-54.
12. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН//Психол. журнал. 2007. №6. С. 5-18.
13. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
14. Кудрявцев И.А. Нравственная сфера сознания ограничено вменяемых правонарушителей. Часть 11//Психол. журнал. 2007. Т. 28. №3. С. 76-95.
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
17. Лисовская Н.Б. Психологические аспекты безопасности предприятия//Мат-лы IV съезда

РПО. 18-21 сент. 2007 г. В 3 т. М., Ростов-на-Дону: Изд-во «Кредо». Т. 2. С. 242.

18. Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Автореф. ...дисс. канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1992.

19. Николаева О.П. Этнопсихологические различия морально-правовых суждений//Психол. журнал. 1995. Т. 16. №4. С. 79-88.

20. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

21. Стрижов Е.Ю. Личность мошенника: нравственно-психологический анализ: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

22. Стрижов Е.Ю. Психология нравственной надежности и мошенничества: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

23. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты: монография. Тамбов: ИД «ТГУ имени Г.Р. Державина», 2009.

24. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологический подход в оценке надежности личности//Психология человека в современном мире: Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Мат-лы Всеросс. Юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна: В 6-ти т./Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 6. С. 312-319.

25. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006.

26. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

27. Юревич А.В. Нравственность как психологическая проблема//Вопросы психологии. 2009. №4. С. 3-13.

28. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния российского общества//Психол. журнал. 2007. Т. 28. №4. С. 23-34.

29. Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development: Cambridge, 1982.

30. Kohlberg L. Essays in moral development: N.Y., Toronto, 1984.

31. Kohlberg L. Essays in Moral Development. V I: The philosophy of moral development. N.Y.: Harper and Row, 1981.

32. Kohlberg L. Essays in Moral Development. V II: The psychology of moral development. N.Y.: Harper and Row, 1984.

33. Nolan R. Fraud, trusts and equities/R. Nolan//The Cambridge Law Journal. 2001. Vol. 60. Part 3. P. 477-480.

34. Ravlin E.G., Meglino B.M. Effect of Values on Perception and Decision Making: A Study of Alternative Works Values Measures//Journ. of Applied Psychology. 1987. V. 72. №4. P. 666-673.

35. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice//The Journal of Social Issues. 1971. Vol. 27. P. 65-92.

36. Tapp J.L., Levine F.J. (Eds). Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues: N.Y., 1977.

Математическая психология в системе гуманитарного образования

Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы современного состояния математической психологии, ее значения для новых теоретических областей психологии, в частности для юридической психологии.

Ключевые слова: математическая психология, история математической психологии, математические методы, методы обработки данных математиче-

ские модели в психологических исследованиях.

The summary: the paper considers the problem of the current state of mathematical psychology, its significance for new theoretical areas of psychology, in particular for legal psychology.

Keywords: mathematical psychology, history of mathematical psychology, mathematical methods, methods of data

РПО. 18-21 сент. 2007 г. В 3 т. М., Ростов-на-Дону: Изд-во «Кредо». Т. 2. С. 242.

18. Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Автореф. ...дисс. канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 1992.

19. Николаева О.П. Этнопсихологические различия морально-правовых суждений//Психол. журнал. 1995. Т. 16. №4. С. 79-88.

20. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

21. Стрижов Е.Ю. Личность мошенника: нравственно-психологический анализ: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

22. Стрижов Е.Ю. Психология нравственной надежности и мошенничества: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009.

23. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты: монография. Тамбов: ИД «ТГУ имени Г.Р. Державина», 2009.

24. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологический подход в оценке надежности личности//Психология человека в современном мире: Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Мат-лы Всеросс. Юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна: В 6-ти т./Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. Т. 6. С. 312-319.

25. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006.

26. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

27. Юревич А.В. Нравственность как психологическая проблема//Вопросы психологии. 2009. №4. С. 3-13.

28. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния российского общества//Психол. журнал. 2007. Т. 28. №4. С. 23-34.

29. Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development: Cambridge, 1982.

30. Kohlberg L. Essays in moral development: N.Y., Toronto, 1984.

31. Kohlberg L. Essays in Moral Development. V I: The philosophy of moral development. N.Y.: Harper and Row, 1981.

32. Kohlberg L. Essays in Moral Development. V II: The psychology of moral development. N.Y.: Harper and Row, 1984.

33. Nolan R. Fraud, trusts and equities/R. Nolan//The Cambridge Law Journal. 2001. Vol. 60. Part 3. P. 477-480.

34. Ravlin E.G., Meglino B.M. Effect of Values on Perception and Decision Making: A Study of Alternative Works Values Measures//Journ. of Applied Psychology. 1987. V. 72. №4. P. 666-673.

35. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice//The Journal of Social Issues. 1971. Vol. 27. P. 65-92.

36. Tapp J.L., Levine F.J. (Eds). Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues: N.Y., 1977.

Математическая психология в системе гуманитарного образования

Т. Н. Савченко

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы современного состояния математической психологии, ее значения для новых теоретических областей психологии, в частности для юридической психологии.

Ключевые слова: математическая психология, история математической психологии, математические методы, методы обработки данных математиче-

ские модели в психологических исследованиях.

The summary: the paper considers the problem of the current state of mathematical psychology, its significance for new theoretical areas of psychology, in particular for legal psychology.

Keywords: mathematical psychology, history of mathematical psychology, mathematical methods, methods of data

processing Mathematical models in psychological research.

Процесс математизации психологии начался практически с начальных моментов становления ее как экспериментальной дисциплины. Как и в случае других наук, этот процесс проходит ряд стадий.

Первая стадия характеризуется применением математических методов для анализа и обработки результатов экспериментального исследования, а также выведением простых законов (этот период проходил с конца XIX до начала XX века); в это время начал использоваться метод факторного анализа, различные модификации метода кластерного анализа, был предложен психофизический закон, построена кривая научения, разработаны различные модели поведения с использованием теории автоматов и теории игр и др.

Вторая стадия - (период 40-х-50-х годов) связана с разработкой множества моделей психических процессов и поведения человека с использованием известного математического аппарата.

Третий этап (60-е годы по настоящее время) характеризуется выделением математической психологии как отдельной психологической дисциплины, основной целью которой является разработка математического аппарата для моделирования психических процессов и анализа данных психологического эксперимента.

Четвертый этап (еще не наступил) должен характеризоваться становлением теоретической психологии и отмиранием математической психологии [1]. С этой точки зрения имеет смысл коротко рассмотреть саму историю математической психологии.

Впервые термин «математическая психология» был предложен И. Гербартом в 1822 г., позже его ученик М. Дробиш написал книгу «Первоосновы учения о математической психологии». Однако дальнейшее развитие математическая психология получила лишь в 1963 г. уже в США, где появился учебник по математической психологии. Там же была организована первая лаборатория по математической психологии, и стал издаваться журнал «Математическая психология», который является единственным и в настоящее время. В России математическая психология начала развиваться в семидесятых годах XX в., и одним из ее основателей был В.Ю. Крылов (Савченко, Головина, 1999).

В XX в. зарождающаяся неклассическая наука уже не отождествлялась с определенностью и детерминированностью. Это привело к интенсивному развитию новых разделов математики, которые могли описывать различные классы неопределенностей. Применение системного подхода к исследованиям сделало возможным изучение сложных, открытых, динамических, самоорганизующихся систем в рамках синергетической парадигмы: изменения и преобразования различных систем первичны, а структуры, порождаемые ими, носят вторичный характер. Это позволило подойти к моделированию неопределенных, неустойчивых, нелинейных систем — именно к ним и относятся психические системы.

Как и в случае других наук, этот процесс проходил ряд стадий.

Процесс математизации психологии начался практически с момента выделения ее как экспериментальной дисциплины. Применение математических

моделей уже на ранних этапах становления психологии неслучайно и является следствием общей тенденции математизации наук.

Первая стадия характеризовалась применением математических методов анализа результатов экспериментального исследования, а также выведением простых законов (период с конца XIX до начала XX в.); в это время начал использоваться метод факторного анализа, были разработаны различные модификации метода кластерного анализа, был предложен психофизический закон, построена кривая научения, разработаны различные модели поведения с использованием теории автоматов и теории игр и др.

Вторая стадия (период 1940-1950-х годов) была связана с разработкой множества моделей психических процессов и поведения человека с использованием уже известного математического аппарата.

Третий этап (с 1960-х годов по настоящее время) характеризуется выделением математической психологии как отдельной психологической дисциплины, основной целью которой является разработка математического аппарата для моделирования психических процессов и анализа данных психологического эксперимента.

Четвертый этап (еще не наступил), возможно, будет характеризоваться становлением теоретической и отмиранием математической психологии (Леонтьев, 1974).

Часто математическую психологию (далее «МП») отождествляют с математическими методами, что является ошибочным. Можно сказать, что математическая психология и математические

методы соотносятся друг с другом так же, как психология теоретическая и экспериментальная.

Применение математических моделей (далее «МП») уже на ранних этапах развития психологической науки неслучайно и является следствием общей тенденции математизации науки. С этой точки зрения в современной науке математическая психология является важной для вновь становящихся областей психологии, в частности юридической психологии.

Объектами математической психологии являются индивидуальный и коллективный субъекты, обладающие психическими свойствами, а также содержательные психологические теории и математические модели.

Предметом математической психологии является разработка и применение формального аппарата для адекватного моделирования систем, обладающих психическими свойствами, а методом - математическое моделирование [3].

В основе любого математического метода анализа данных лежит теоретическая модель изучаемого процесса или явления.

Проблема математизации психологии широко обсуждалась в 70-х годах XX века [4]. В частности, в работах того времени, посвященных этой проблеме, высказывалось мнение, что математизация психологии часто является данью моде и что любой результат формализованный с помощью математического языка, можно изложить на обычном языке без употребления математических терминов и формул. Другая, противоположная точка зрения заключается в том, что язык математики -

это специфический формализованный язык, что это «язык и логика вместе» и что представление результатов исследования в форме математической модели позволяет легче анализировать проблему, получая возможные следствия из сформулированных утверждений математически за счет развитого математического формализма [3]. Как бы там ни было, а уже в 50-60-х годах наблюдается бурная интенсификация математизации психологического знания, приводящая к оформлению специальной психологической дисциплины - математической психологии. Все эти факты показывают, что общая тенденция математизации наук не миновала психологию. Интересно отметить еще один факт, имеющий отношение к математизации психологической науки.

Многие исследователи-психологи, в общем далекие от применения в своей работе математики, тем не менее, часто используют некоторые математические термины, такие, как непрерывность, случайность, дискретность, линейность, многомерность, бесконечность, информация и т.д. Хотя в этом случае математические термины применяются на интуитивном уровне, часто соответствующий термин применяется адекватно точному его значению, определенному в математике [5]. В этом случае применение соответствующей математической теории может привести к разработке формализованного метода исследования соответствующей психической реальности. Так, идея многомерного пространства лежит в основе метода многомерного шкалирования, применяющегося для изучения семантических пространств, идея случайности лежит в основе разработки математических моделей обу-

чения, идея сочетания непрерывности и дискретности лежит в основе описания многих психических процессов, например, процесса мышления, и т.д.

И еще одно замечание. Под математизацией (в узком смысле) психологической науки естественно понимать, как уже было сказано выше, применение формального математического языка описания психических явлений и процессов. Но возможно и более широкое толкование математизации как проникновение в психологию естественнонаучных традиций логической строгости, научности мышления исследователя. Психология включает в себя очень большое количество различных специальных психологических дисциплин - от практических методик в психокоррекции до тонких количественных методов исследования в психофизике, от, скажем, методов психоанализа до математических моделей восприятия, на которых основывается конструирование технических устройств распознавания в рамках проблематики построения систем искусственного интеллекта и т.д. [5].

Таким образом, в психологии переплетаются методы объективные с субъективными. И, естественно, там, где преобладают научные методы, с большей пользой применяются точные математические методы. Хотя возможно применение математического моделирования не только для анализа результатов работы, например, психоаналитика, но и для прогнозирования [6].

Так или иначе, если сфера интересов специалиста-психолога не ограничивается частной практикой, и он не собирается ограничить свою деятельность исключительно консультированием или

другими видами психологической практики, ему необходимо обладать хотя бы базовым представлением о том, как:

1) организовать исследование таким образом, чтобы его результаты были доступны обработке в соответствии с целью исследования;

2) правильно выбрать метод исследования;

3) содержательно интерпретировать результаты обработки полученных данных [7].

Основы высшей математики и статистика необходимы тем психологам, которые считают необходимым собственноручно проверять эффективность своей деятельности, создавать новые методики, проводить исследования по интересующим их проблемам.

Проведенный в 90-е годы в лаборатории математической психологии анализ разрабатываемых формальных моделей позволил выявить основные тенденции развития математической психологии [4]:

- Расширение объектов исследования, усложнение организационных принципов проведения конкретных исследовательских работ, интенсивное развитие междисциплинарных исследований приводит к возрождению интереса к методологическим и теоретическим проблемам.

- Изменения в образовании, ориентация на компетентностный подход также стимулирует появление новых направлений в развитии теоретической психологии.

- Появление работ, посвященных этическим, нравственным, религиозным проблемам, что требует использование адекватного математического аппарата (нечеткая логика, мягкие вычисления,

вычисления со словами, качественное интегрирование).

Математические модели в психологии по методам исследования операций, в основном можно разделить на :

а) детерминированные, в которых используются:

- теория графов;
- геометрическое моделирование;
- логико-математические модели;

б) стохастические, в которых используются:

- теория вероятности;
- теории игр;
- теории полезности;
- динамическое программирование;

в) синергетические [2,4].

Аналогичное основание можно использовать и для классификации методов анализа данных (в основе любого метода лежит математическая модель изучаемого процесса).

Детерминированные модели в психологии в основном используются при разработке методов анализа данных, для разработки моделей - реже, так как психологическая реальность очень редко может быть описана детерминированными процессами. Стохастическое моделирование является в психологии основным. Синергетический подход позволил подойти к моделированию динамических процессов в психологии, а также перейти от анализа микродинамических процессов к макро моделированию и использовать математическое моделирование в таких «нестандартных» для математики сферах, как, например, работа психолога-консультанта.

Последние 10-15 лет психология в России стремительно развивается. Наиболее явными оказываются изменения в сфере психологической практики

и психологического образования. Психологическая практика является стержнем развития психологической науки как системы теоретического знания, поэтому при увеличении практических разработок необходима разработка теоретических оснований решения практических задач, для чего может быть полезен формально-логический подход [7].

В настоящее время множество проведенных эмпирических исследований и результаты, полученные практикующими психологами, позволяют развивать в психологии дескриптивный подход моделирования, используя опыт построения нормативных моделей. Появляется возможность построения интегративных моделей.

Движущей силой современного развития математической психологии является интерес к научному обобщению результатов, полученных практически психологами. Процесс развития современной психологии в России в чем-то аналогичен развитию России в социальной сфере. Необходима адаптация огромного количества методов и методик, используемых в практической деятельности и перенесенных из зарубежного опыта в нашу реальность. Это требует новых методических приемов, подходов. Существующие нормативные модели, перенесенные из других наук, не всегда адекватны. Расширение объектов исследований, усложнение организационных принципов проведения конкретных исследовательских работ, интенсивное развитие междисциплинарных исследований приводит к возрождению интереса к методологическим и теоретическим проблемам.

Изменения в образовании, ориентация на компетентностный подход также

стимулируют появление новых направлений в развитии математической психологии.

Любое состояние является результатом процесса, поэтому необходимы адекватные методы изучения динамики, например, моделирование динамики на макроуровне на основе результатов моделирования микродинамических процессов, т.е. когда статические состояния рассматриваются как результат моделирования микродинамических процессов и построения предельных циклов.

В последнее время появляются работы, посвященные этическим, нравственным, религиозным проблемам, что требует использование адекватного математического аппарата (нечеткая логика, мягкие вычисления, вычисления со словами, качественное интегрирование).

Возможно, главной методологической основой современных исследований в психологии является интеграция системного, синергетического подхода и парадигмы активности.

Таким образом, на современном этапе методы и модели математической психологии должны обеспечивать реализацию главных принципов синергетического подхода, в частности принципов целостности (неаддитивности), ответственности, эволюции. Одним из принципов синергетического подхода в психологии является принцип учета и моделирования НЕ-факторов, связанных с человеческой психикой и деятельностью (например, с оценками на шкалах).

Важнейшей задачей математической психологии является разработка подходов и моделей динамики взаимодействия психических систем. Для моделирования макродинамических процессов как результата моделирования

микродинамики и построения предельных циклов наиболее адекватными будут методы, основанные на мультимножествах, логико-алгебраические методы. Использование динамического подхода в психодиагностике позволит реализовать принципиально иной способ построения экспресс-методик.

Современный этап развития математической психологии характеризуется не только применением новых математических принципов и методов, а также новым осмыслением уже известных. Разработкой новых подходов к измерению в психологии моделирования макродинамики как результата микродинамических процессов; разработкой шкал, основанных на мягких вычислениях; на применении качественного интегрирования и др. Разработкой моделей естественных систем (менеджмент, психотерапия).

Однако использование количественных методов связано с определенными трудностями, обусловленными тем, что:

1. Возрастающая сложность математических методов и моделей, используемых в психологии в настоящее время, вступает в противоречие со слабой математической подготовкой психологов, особенно ориентированных на практическую работу. Даже у выпускников факультета психологии МГУ уровень такой подготовки в последнее время существенно упал. Практически отсутствует класс молодых психологов-теоретиков.

2. Материалы едва ли не всех значительных проектов в отечественной психологии используются локально и затем исчезают из научного оборота.

3. Наиболее надежные эмпирические данные дают комплексные и лонгитюдные исследования. Если за рубе-

жом на протяжении несколько десятилетий реализуются масштабные лонгитюдные проекты в Гарвардском, Йельском, Калифорнийском и других университетах, то в России они -исключительная редкость. Масштабное комплексное исследование развития психических функций человека под руководством Б.Г. Ананьева до сих пор остается едва ли не единственным значительным прецедентом в отечественной психологии.

4. Огромное количество ненадежных методик и отсутствие системы сертификации приводит к появлению трудностей при выборе и использовании адекватных методик.

5. Отсутствие надежной эмпирики о познавательных процессах (особенности внимания, мышления и пр.), о личностных особенностях, например, по шкалам стандартных тестов, приводящее к тому, что применение точных методов становится невозможным.

В то же время необходимо отметить, что в последнее время наметилась тенденция к повышению грамотности психологов по применению математических методов анализа данных. Все чаще адекватно применяются разработанные психологами методы многомерного шкалирования, факторного, кластерного анализа, а также появляются новые модификации существующих методов. Новые опросники разрабатываются на основе теоретически выделенных факторов. Наметились тенденции к профессиональной адаптации и стандартизации методик с использованием методов анализа данных и моделирования.

В докладе, подготовленном аналитическим центром «Эксперт», приводятся качества молодого специалиста, которые работодатели считают важными [11]:

- общий уровень развития и базовые знания молодого специалиста;
- способность системно мыслить, умение перерабатывать большие объемы информации и вычленять главное;
- умение применять на практике полученные знания, навыки командной работы, умение и желание постоянно учиться;
- нацеленность на карьеру, целеустремленность, адекватность самооценки как специалиста.

В настоящее время математические методы все больше проникают и в гуманитарные области знаний: в экономику, психологию, социологию, лингвистику. Благодаря развитию информационных технологий и широкому использованию персональных компьютеров математические методы, казалось бы, должны становиться все более доступными для людей с гуманитарным образом мышления. Однако складывается парадоксальная ситуация. Математическая культура не растет, а падает.

Литература

1. А.Н. Леонтьев, Э.А. Джафаров «К вопросу о моделировании и математизации в психологии» - журнал «Вопросы психологии». 1974, №5.
2. Т.Н. Савченко. Динамика взаимодействия психических систем: подходы и модели//Психологический журнал. 2007. №3. С. 45-56
3. Г.М. Головина, Т.Н. Савченко. Математическая психология//Современная психология: Справочное руководство/Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 760-763
4. Г.М. Головина, Т.Н. Савченко. Методы исследования динамики структур психологического знания. Методы исследования психологических структур и их динамики. М., 1999. 135 с.
5. Т.Н. Савченко. Методы исследования психологических структур и их динамики/Под ред. Т.Н. Савченко. Издательство «Институт психологии РАН», 2002. 152 с.
6. Головина Г.М., Крылов В.Ю., Савченко Т.Н. Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение. М.: Институт психологии РАН, 1995. 120 с.
7. Нормативные и дискриптивные модели принятия решений, М.: Наука, 1981. 350 с.
8. Исследование операций. М., Мир. 1981.
9. Handbook of Mathematical Psychology, 1973.
10. Арнольд В.И. О преподавании математики, Успехи математических наук. Т. 53. № 1, 1958. С. 67-89
11. Международная программа PISA-2000, Центр оценки качества образования Института общего и среднего образования РАО. М., 2003. С. 57

Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур

Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №07-06-00080а.

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемы субкультурного и криминогенного влияния на личность молодого человека современной России.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, криминогенное влияние и воздействие, несовершеннолетние правонарушители.

The summary: this article addresses the problem of subcultural and criminogenic effect on the personality of a young man of modern Russia.

Keywords: subculture, youth, influence and impact of crime, juvenile offenders.

- общий уровень развития и базовые знания молодого специалиста;
- способность системно мыслить, умение перерабатывать большие объемы информации и вычленять главное;
- умение применять на практике полученные знания, навыки командной работы, умение и желание постоянно учиться;
- нацеленность на карьеру, целеустремленность, адекватность самооценки как специалиста.

В настоящее время математические методы все больше проникают и в гуманитарные области знаний: в экономику, психологию, социологию, лингвистику. Благодаря развитию информационных технологий и широкому использованию персональных компьютеров математические методы, казалось бы, должны становиться все более доступными для людей с гуманитарным образом мышления. Однако складывается парадоксальная ситуация. Математическая культура не растет, а падает.

Литература

1. А.Н. Леонтьев, Э.А. Джафаров «К вопросу о моделировании и математизации в психологии» - журнал «Вопросы психологии». 1974, №5.
2. Т.Н. Савченко. Динамика взаимодействия психических систем: подходы и модели//Психологический журнал. 2007. №3. С. 45-56
3. Г.М. Головина, Т.Н. Савченко. Математическая психология//Современная психология: Справочное руководство/Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 760-763
4. Г.М. Головина, Т.Н. Савченко. Методы исследования динамики структур психологического знания. Методы исследования психологических структур и их динамики. М., 1999. 135 с.
5. Т.Н. Савченко. Методы исследования психологических структур и их динамики/Под ред. Т.Н. Савченко. Издательство «Институт психологии РАН», 2002. 152 с.
6. Головина Г.М., Крылов В.Ю., Савченко Т.Н. Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение. М.: Институт психологии РАН, 1995. 120 с.
7. Нормативные и дискриптивные модели принятия решений, М.: Наука, 1981. 350 с.
8. Исследование операций. М., Мир. 1981.
9. Handbook of Mathematical Psychology, 1973.
10. Арнольд В.И. О преподавании математики, Успехи математических наук. Т. 53. № 1, 1958. С. 67-89
11. Международная программа PISA-2000, Центр оценки качества образования Института общего и среднего образования РАО. М., 2003. С. 57

Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур

Д. В. Сочивко, Н. А. Полянин

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №07-06-00080а.

Аннотация: в данной статье рассматриваются проблемы субкультурного и криминогенного влияния на личность молодого человека современной России.

Ключевые слова: субкультура, молодежь, криминогенное влияние и воздействие, несовершеннолетние правонарушители.

The summary: this article addresses the problem of subcultural and criminogenic effect on the personality of a young man of modern Russia.

Keywords: subculture, youth, influence and impact of crime, juvenile offenders.

Волна бунтов, массовых беспорядков, прокатившаяся в последние несколько лет по воспитательным колониям России, свидетельствует о серьезном криминогенном воздействии на современную молодежь организованной преступности и их представителей, которые, конечно же, остаются неизвестными. Однако, практические пенитенциарные работники уверены, беспорядки спровоцированы извне лидерами преступного мира и напрямую связаны с событиями «взрослого криминального сообщества».

В подростковом возрасте формируются моральные основы, социальные установки, вырабатывается отношение к различным моральным и правовым запретам, ведется поиск пределов допустимого в поведении. И, в то же время, существует дисгармония социально-нравственного и физического созревания, повышенная возбудимость, неуравновешенность, преобладание возбуждения над торможением. Указанные особенности типа нервной системы могут служить причиной нарушения дисциплины, общественного порядка, норм уголовного закона.

Сомнительные источники информации подростков-правонарушителей, получаемые в уличном окружении, через вовлечение их в различные субкультурные движения, целенаправленно формируют у молодого человека ущербное развитие личности, в частности, чувство взрослости, стремление к самостоятельности, неадекватность самооценки, повышенная эмоциональность, стремление к группированию, приоритет общения со сверстниками, людьми, «понимающими» проблемы подростков, «юношеский максимализм», то есть все то, что

присуще несовершеннолетним правонарушителям.

Нам уже приходилось в разных публикациях говорить о мощном криминогенном влиянии, которое испытывают современные молодые люди в России в поле субкультурного взаимодействия. Даже самые «безобидные» на первый взгляд молодежные движения в основной направленности своей деятельности построены на протестности, часто принимающей самые криминальные формы.

Как нам представляется, само явление социального отчуждения молодого поколения, которое, очевидно, в той или иной форме имело место во все времена, в современном мире приобретает качественно новую определенность. Смысл этого качественного скачка заключается в том, что социальное отчуждение молодежи окончательно выходит из-под контроля общественных институтов, в первую очередь образовательных, и все больше подчиняется действию неконтролируемых обществом субкультурных влияний. Развитие этого процесса можно проследить за всю историю человечества как движение от максимального контроля над вынужденным отчуждением молодого человека от общества до совершенно спонтанного и протестного самостоятельного отказа от общепринятых культурных и социальных ценностей. Так, в древнем мире, в средние века, вплоть до нового времени, социальные ограничения (отчуждение) для каждого возраста и для каждого социального слоя были жестко прописаны: детство с постоянной опекой ребенка, учеба или другая профессиональная подготовка, образование семьи, профессиональная деятельность - все эти (и другие, более

дробные) периоды социализации были сопряжены с соответствующими язычскими, а затем христианскими ритуалами, и проходились неотвратно подавляющим большинством молодых людей. С началом эпохи революций, открытием Нового света устоявшаяся система социализации молодого поколения начинает разрушаться, соответственно появляются первые признаки социальной отчужденности молодых людей. Появляются и первые признаки субкультурных влияний, различного рода студенческие сообщества, богемные художественные и литературные кружки, женские организации и т.д. Однако история вопроса не входит в наши задачи, поэтому сразу перейдем к особенностям современного процесса социального отчуждения молодежи и его специфике в российской действительности. Выше мы уже сказали об основном качественном отличии как об окончательном выходе процесса социального отчуждения молодежи из-под контроля социокультурных и образовательных институтов и погружения его в сферу субкультурных влияний. Роль общественного управления формированием личности молодого человека минимизирована, что можно видеть хотя бы в полном разрушении ритуальной его стороны. Даже регистрация брака для большинства молодых людей уже является формальностью или имеет сугубо юридическое значение по типу брачного контракта. А о том, что только по достижении определенного возраста молодой человек получает определенные права, он чаще всего узнает не в результате торжественной церемонии (сравним, например, с посвящением в рыцари в средние века), а по результатам привода в ми-

лицию. Что же касается собственно российской специфики социального отчуждения современной молодежи, то, на наш взгляд, следует обратить внимание на то, что этот процесс приобретает угрожающий характер как минимум по двум причинам. С исторической точки зрения совсем недавно Россия подверглась очередным революционным преобразованиям, в результате чего была полностью утрачена единая молодежная политика со всей системой советских ритуалов и молодежных организаций, а также подорвана образовательная система, которая в настоящее время, по мнению большинства ученых, находится в состоянии крайнего упадка, что создает максимально благоприятные условия для вовлечения молодежи в организованную преступность в самых разных ее видах и формах. Каков итог?

Во-первых, необходимо учитывать то, что, начиная с конца 80-х годов, начала наиболее интенсивного развала образовательной системы в России, и, следовательно, активным выходом организованного криминала на политическую и историческую сцену в борьбе за молодежь, выросло уже целое поколение молодых людей, которые сейчас вступают в зрелый возраст. Какую психологию, какое душевное устройство они несут во взрослую жизнь и какими опасностями это грозит для их дальнейшей жизни, мы скажем чуть позже.

И, во-вторых, если даже нам удастся справиться с криминальными влияниями организованной преступности самыми быстрыми темпами, то это может происходить **только с учетом тех изменений психологии молодых людей** самых разных возрастов, которые уже про-

изошли из-за дефектов образовательного процесса, а не в коем случае не в их **игнорировании и замалчивании**.

В индивидуально-психологической проекции современная социальная атмосфера российской действительности может быть представлена как деформация ценностно-смысловой сферы личности, когда высшие ценности человеческого бытия оказываются депривированными, а невозможность их удовлетворения приводит к различным типам общественной и личностной патологии. Как следствие, наблюдается рост агрессивных и преступных тенденций, прогрессирование отчужденности, повышенной тревожности, деформации правосознания в молодежной среде.

Субкультура молодежи формируется под непосредственным воздействием культуры «взрослых» и обусловлена ею даже в своих контркультурных проявлениях. Формальная молодежная культура (по определению) базируется на ценностях массовой культуры, целях государственной социальной политики и официальной идеологии.

В одной из опросных методик молодым людям разных образовательных учреждений, начиная от школьников, студентов и курсантов и заканчивая состоящими на учете в милиции и уже осужденными, предлагалось указать те основные лишения, которые они испытывали в детстве. Факт, который был получен, показался нам весьма интересным. Среди возможных лишений присутствовали такие, как: недостаток питания, внимания близких, недостаток игрушек, сладкого, одежды, книг, **личного пространства, острых ощущений**, новых впечатлений, общения с друзьями

ми, общение с близкими. Выяснилось, что среди всех этих немаловажных ценностей современные молодые люди выбирают с огромным преимуществом в первую очередь всего два. Им не хватало в детстве (видимо, не хватает и сейчас) **личного пространства и острых ощущений**. Еще раз подчеркну, что по этим выборам солидарна молодежь всех вышеперечисленных групп, от школьника и студента до осужденного и представителя полукриминальных субкультур.

На наш взгляд, это и есть одна из существенных составляющих того внутреннего психологического запроса современной молодежи к образовательным и воспитательным системам, на который у общества нет ответа. О чем идет речь. Первый образ, который сразу возникает в ассоциативном ряду, это молодой человек, прилипший к компьютеру, где его никто не тронет (личное пространство), и погруженный в игры (не важно, какого уровня интеллектуальности), доставляющие ему те самые острые ощущения. Но, на наш взгляд, это самое безобидное проявление выявленной молодежной установки в сфере первичных ценностных ориентаций.

Мы полагаем, что указанный факт лежит в основе механизма ухода молодого человека из официальной культуры в поле субкультурных влияний. На наш взгляд, первый шаг к постановлению молодого человека на путь социального отчуждения сделан. Ему не хватает личного пространства и острых ощущений?! Есть субкультура готов, где в открытую в телевизоре обсуждаются вопросы твоей личной свободы как гота, доходящей до свободы убивать, т.е. испытывать самые острые ощущения. А что противо-

поставляет этому образовательная система? Строгое «Так, нельзя!», т.е. опять ограничение личного пространства и лишение острых ощущений. А это и был главный запрос молодежи к современному обществу. Ответ - нет!, нет и все! Это общая тенденция. Конечно, существуют разрозненные методики нравственно ориентированного обучения и воспитания, но это скорее исключение, чем правило в работе образовательной системы в России в целом.

Но «свято место пусто не бывает», что не может сделать официальное образование и воспитание, то делают различные субкультурные образования. Поэтому имеет смысл присмотреться к этой форме проявления молодежной активности внимательнее.

В процессе проведения исследований было замечено, что молодежные субкультуры многих современных молодежных объединений носят черты криминальной субкультуры. Для сравнения коротко приведем здесь обобщенную характеристику криминальной молодежной субкультуры, общепризнанную сейчас в юридической и пенитенциарной психологии.¹ Для криминальной (тюремной) молодежной субкультуры характерны в первую очередь следующие признаки:

1. Поведенческие атрибуты - это «законы», правила и традиции «другой жизни», клятвы и проклятия. Все они выступают в качестве регуляторов поступков и поведения подростков и молодежи. Первый необходимый признак криминальной субкультуры. Все эти признаки присутствуют и в современных молодежных субкультурах.

2. Стратификационно-стигмативные элементы, позволяющие «верхам» разделить несовершеннолетних и молодежь на иерархические группы, в соответствии с занимаемым ими положением, «пометить» (заклеймить) каждого из них. Вспомним девушку из сериала. Она переходит на следующий уровень, входит в более высокую страту. Ее помечают.

3. Коммуникативные атрибуты (табуировки, клички, уголовный жаргон), выступающие как средство общения, межличностного и межгруппового взаимодействия. Как нам представляется, эти атрибуты даже чаще теперь встречаются среди молодежи на воле, чем в местах лишения свободы. Использование уголовного жаргона стало даже некоторой модой. Вспомним, как остро обсуждался вопрос, можно ли в Госдуме исполнять во время обеда депутатов «Мурку» в живом пении под аккомпанемент рояля. Если не ошибаюсь, года четыре назад это было.

4. Экономические атрибуты («общий котел» и принципы материальной взаимопомощи), являющиеся материальной базой криминальных групп, их сплочения и дальнейшей криминализации. Весьма важный момент, который в молодежных субкультурах часто скрывается на воле. Тем не менее, ни для кого не секрет, что все субкультурные движения очень хорошо финансируются, хотя источники финансирования не всегда известны. Взять хотя бы скинхедов, или футбольных хулиганов. Их деятельность требует больших затрат.

5. Сексуально-эротические ценности - особое отношение к лицам про-

Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Изд-во: Тверь, 1994, 135 с.

тивоположного пола, а также особое отношение к половому вопросу. Эта давно известная норма для криминальной субкультуры сейчас присутствует в каждой молодежной субкультуре. Это не сложно доказать, но в рамках этого доклада нет времени. Заметим только, что отрицание смысла естественных половых отношений, направленных на деторождение, этакое добровольное воздержание в скинхедстве или, например, трасерстве, является не меньшей патологией, чем различного рода злоупотребления.

6. Особое отношение к своему здоровью - от симуляции болезней, самоповреждений как способа достижения определенных выгод до занятий спортом, «накачкой» мышц, строгого соблюдения режима жизни и питания. Это по криминалу. На воле симуляцией заняты такие субкультуры, как ЭМО, накачкой мышц скинхеды, трассеры, др. А сколько учащихся делают это повседневно! Но никакой программы отвлечения от сих действий, кроме предложения заниматься физкультурой и спортом, официальная образовательная система не предлагает. Пример: представительница студентов на конференции по молодежным субкультурам задает вопрос организаторам: «Мы же не знаем, что такое хорошо, а что плохо» (Маяковский отдыхает...). На что у одного из пожилых профессоров возник вопрос: «Но если Вы этого не знаете, то такое мощное физическое развитие, как у только что увиденного нами на телеэкране трассера будет ли во благо?».

7. Отношение к алкоголю и наркотикам как средство «сплочения» преступных сообществ, самоутверждения подростков и молодежи в ближайшем окружении. Может быть основано как на использовании наркотиков (готы), так

и на полном отрицании (три креста, трассеры, скинхеды). Так или иначе, выносятся на щит.

Итак, все основные признаки криминальной субкультуры имеют место быть и в неформальных субкультурных объединениях молодежи в обычной жизни, в сферу влияния которых попадает практически каждый молодой человек, но в разной степени. В чем же смысл этого сделанного молодым человеком шага? Что приобрел он, попав в сферу субкультурных влияний?

Еще раз обратимся к криминальной субкультуре как наиболее полной модели и посмотрим, какой социально-психологический климат там имеет место быть. Специалисты определяют такие его черты:

1. Жестокость (бесчеловечность, антигуманность, садизм, озлобленность, жестокосердие, безжалостность, беспощадность, бессердечие, изуверство) по отношению к слабым и беззащитным, отсутствие чувства сострадания к ним. Думаю, не нужно доказывать это для нынешних свободно развивающихся молодежных субкультур.

2. Нечестность (лицемерие, двурушничество, обман, мошенничество) в отношении к посторонним для группы лицам, а также в отношении «верхов» к «низам». Это в криминале. А теперь в обычной жизни. Статья в комсомольской правде, где-то год назад: «Я - гот, еду в электричке, в черном и белом, читаю Байрона. А вокруг эти все, старики какие-то, кроссворды разгадывают. Это же не люди. Их не должно быть.» и т.д. Про дальнейший переход к ликвидации нас с Вами я уже сказал.

3. Далее: **освященный традициями уголовной среды паразитизм**, стрем-

ление жить за счет других (как чужих, так и членов своей группы, стоящих на низших ступенях иерархии, путем вымогательства и поборов). Это о криминале. Но именно это стало основным отличием молодежных субкультур. Вспомним их дефицитные потребности. Ни денег, ни друзей, ни близких, ни книг. Только личного пространства и острых ощущений надо искать.

4. Далее: **вандализм** - склонность к бессмысленным разрушениям материальных ценностей. Здесь, я думаю, комментарии излишни, что касается представителей молодежных субкультур в современном Российском обществе. Достаточно практически в любом ВУЗе, в любой аудитории посмотреть, какими словами и какими рисунками расписаны парты.

Любая молодежная субкультура является слепком криминальной (тюремной) субкультуры, но справедливости ради надо добавить: в той или иной степени. На наш взгляд, это, однако, сути не меняет.²

Каков же ответ образовательной системы молодежным субкультурам. Готова ли образовательная система в целом предложить свою модель культурного (а не субкультурного, читай полукриминального общения)? Да, есть некоторые эксклюзивные методы нравственно ориентированного воспитания и обучения, но их применение не системно, т.е. является скорее исключением, чем правилом для образовательной системы. А воздействие не контролируемых образовательной системой асоциальных сил весьма системно, ежедневно, и даже, я бы сказал, еще очень и очень

мало исследовано, с точки зрения возможных последствий. Не случайно министр МВД Р. Нургалиев потребовал запретить некоторые проекты ТНТ, в частности Дом-2.

Однако хватит сгущать краски. Необходимо оговориться, что в том виде, как это представлено выше, процесс социального отчуждения молодежи охватывает по нашим данным приблизительно 30-35 процентов молодежи. Это, конечно, очень много. Но прослеживаются и противоположные тенденции. Так, например, не выявлено такого рода социальной отчужденности у подавляющего большинства учащихся техникумов и специальных профессиональных учебных заведений, также у рабочей молодежи. Прослеживается тенденция на большую открытость и снижение внутренней противоречивости у студентов вузов. И здесь, мне кажется, главная проблема в том, что в современной образовательной системе утрачена преемственность образования, несогласованность ступеней образования (все эти споры вокруг ЕГЭ и пр.). Из наших же эмпирических данных могу привести такие результаты. Из всех обследуемых групп можно выделить две противоположные по отношению к оценке важности образования для дальнейшей жизни. Как ни странно, необходимость образования для дальнейшей жизни менее всего ценят курсанты и далее студенты, а наиболее высоко - осужденные и состоящие на учете в комиссии по делам несовершеннолетних молодые люди. Странно, они вроде бы сами отказались учиться. ...Или это образовательная система им отказала? А они как раз хотят. Итак, что есть современная

менная молодежь с точки зрения ее подверженности криминальным и субкультурным влияниям? Разумеется, в рамках статьи мы предполагаем наметить лишь некоторые наиболее значимые моменты, более подробно с этой проблематикой можно ознакомиться в нашей книге.³ Однако, в целом эта проблема требует очень масштабных и серьезных научных исследований.

Возникновение молодежной субкультуры обусловлено целым рядом причин, наиболее значимыми нам представляются следующие.

1. Молодежь живет в общем социальном и культурном пространстве, и поэтому кризис общества и его основных институтов не мог не отразиться на содержании и направленности молодежной субкультуры. Именно поэтому не бесспорна разработка специально молодежных программ, за исключением социально-адаптационных или профориентационных. Любые усилия по коррекции процесса социализации неизбежно будут наталкиваться на состояние всех социальных институтов российского общества и прежде всего системы образования, учреждений культуры и средств массовой информации. Какое общество — такова и молодежь.

2. Кризис института семьи и семейного воспитания, подавление индивидуальности и инициативности ребенка, подростка, молодого человека, как со стороны родителей, так и педагогов, всех представителей «взрослого» мира не может не привести, с одной стороны, к социальному и культурному инфантилизму, а с другой - к прагматиз-

му и социальной неадаптированности и к проявлениям противоправного или экстремистского характера. Агрессивный стиль воспитания порождает агрессивную молодежь, самими взрослыми приготовленную к межпоколенческому отчуждению, когда выросшие дети не могут простить ни воспитателям, ни обществу в целом ориентации на послушных безынициативных исполнителей в ущерб самостоятельности, инициативности, независимости, лишь направляемых в русло социальных ожиданий, а не подавляемых агентами социализации.

3. Коммерциализация средств массовой информации, в какой-то мере и всей художественной культуры, формирует определенный «образ» субкультуры не в меньшей степени, чем основные агенты социализации - семья и система образования. Ведь именно просмотр телепередач наряду с общением - наиболее распространенные виды досуговой самореализации. Во многих своих чертах молодежная субкультура просто повторяет телевизионную субкультуру, которая лепит под себя удобного (читай: выгодного) зрителя.

В заключение хотелось бы отметить, что общество должно выступить против западнизации и особенно - американизации сознания российской молодежи; «за» инновационное, то есть позитивно-избирательное отношение к западным ценностям, их разумное, умеренное освоение сообразно традициям, умонастроениям и психологии российского народа, что само по себе естественно и необходимо.

³ Сочинко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2009. 268 с.

Во-вторых, общество должно решительно выступить «против» вседозволенности и произвола, которые творят российские средства массовой информации по отношению к детям и молодежи. Свобода слова, как любая свобода, не безгранична. Если СМИ претендуют на то, чтобы быть еще одной ветвью власти, то общество вправе потребовать от этой «ветви» делать свою работу ответственно, то есть быть действительно объективными, а не идеологически и политически пристрастными, стоять на пророссийских, а не прозападных позициях, занять ко всему происходящему позицию гражданской причастности, а не стороннего наблюдательства.

В-третьих, общество должно вырабатывать свои способы и методы борьбы за общественный порядок, для начала хотя бы в пределах тех организаций и учреждений, где мы работаем. Всеми возможными средствами надо добиться, чтобы государство действительно

занялось борьбой с наркоманией и алкоголизмом.

В-четвертых, общество должно решительно выступить «за» усиление гражданского, патриотического и нравственного воспитания молодежи.

Итак, молодежная субкультура есть искаженное зеркало взрослого мира вещей, отношений и ценностей. Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в больном обществе не приходится, тем более что и культурный уровень других возрастных и социально-демографических групп населения России также постоянно снижается. Те социально-психологические особенности молодежных субкультур, которые были нами исследованы и представлены выше, являются благодатной социокультурной средой для управления молодежью современными хорошо организованными и законоспирированными криминальными сообществами.

От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии

А. В. Сухарев, А. П. Чулисова

Аннотация: предпринята попытка преодоления методологического кризиса в психологии на основе авторского принципа исторической актуальности и этнофункциональной парадигмы в психологии. Данная парадигма базируется на исторически актуальном принципе этнофункциональности, принципах этнофункционального единства микро-и мак-

рокосма, этнофункционального развития, системности и этнофункционального детерминизма. С позиций этнофункциональной парадигмы в психологии осуществлен формирующий эксперимент по коррекции образной сферы личности у осужденных за насильственные преступления. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что вос-

Во-вторых, общество должно решительно выступить «против» вседозволенности и произвола, которые творят российские средства массовой информации по отношению к детям и молодежи. Свобода слова, как любая свобода, не безгранична. Если СМИ претендуют на то, чтобы быть еще одной ветвью власти, то общество вправе потребовать от этой «ветви» делать свою работу ответственно, то есть быть действительно объективными, а не идеологически и политически пристрастными, стоять на пророссийских, а не прозападных позициях, занять ко всему происходящему позицию гражданской причастности, а не стороннего наблюдательства.

В-третьих, общество должно вырабатывать свои способы и методы борьбы за общественный порядок, для начала хотя бы в пределах тех организаций и учреждений, где мы работаем. Всеми возможными средствами надо добиться, чтобы государство действительно

занялось борьбой с наркоманией и алкоголизмом.

В-четвертых, общество должно решительно выступить «за» усиление гражданского, патриотического и нравственного воспитания молодежи.

Итак, молодежная субкультура есть искаженное зеркало взрослого мира вещей, отношений и ценностей. Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в больном обществе не приходится, тем более что и культурный уровень других возрастных и социально-демографических групп населения России также постоянно снижается. Те социально-психологические особенности молодежных субкультур, которые были нами исследованы и представлены выше, являются благодатной социокультурной средой для управления молодежью современными хорошо организованными и законоспирированными криминальными сообществами.

От методологии к практике: этнофункциональная парадигма в криминальной психологии

А. В. Сухарев, А. П. Чулисова

Аннотация: предпринята попытка преодоления методологического кризиса в психологии на основе авторского принципа исторической актуальности и этнофункциональной парадигмы в психологии. Данная парадигма базируется на исторически актуальном принципе этнофункциональности, принципах этнофункционального единства микро-и мак-

рокосма, этнофункционального развития, системности и этнофункционального детерминизма. С позиций этнофункциональной парадигмы в психологии осуществлен формирующий эксперимент по коррекции образной сферы личности у осужденных за насильственные преступления. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что вос-

становление в процессе этнофункциональной психотерапии в образной сфере личности этноинтегрирующих образов природы способствует снижению уровня тревоги, а также формированию положительного отношения к христианским заповедям и снижению склонности к криминальному поведению.

Ключевые слова: принцип исторической актуальности, этнофункциональная парадигма, развитие личности, криминальное поведение.

The summary: on the base of the original principle of historical actuality the attempt to overcome the methodological crisis in psychology has been made. With the purpose of overcoming this crisis the new ethnofunctional paradigm in psychology has been proposed. This paradigm, based on historically actual principle of ethnofunctionality, principles of ethnofunctional unity of micro- and macocosm, ethnofunctional development, systemity and ethnofunctional determinism, has been proposed in psychology. On the base of ethnofunctional paradigm in psychology the experiment of forming in the process of ethnofunctional psychotherapy the image sphere of persons convicted for violent crimes was carried out. The results made it possible to come to conclusion that reconstruction in the image sphere of personality the ethno-integrated images of nature contributes to the reduction of anxiety, tendency to criminal behaviour and increasing the positive repose to Christian commandments.

Keywords: principle of historical actuality, ethnofunctional paradigm, development of person, criminal behaviour.

Современный этап исторического развития, по мнению многих филосо-

фов, ученых, а также деятелей культуры и искусства, характеризуется как всеобщий кризис, переломный момент истории, отражающийся в психике человека в переживаниях необъяснимой тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, бессмысленности существования (Давыдов Ю.Н., 1990 и др.). Во всем разнообразии проявлений кризиса современной цивилизации необходимо выявить наиболее важные или смыслообразующие факторы, определяющие направление культурно-исторического развития в настоящий исторический момент.

Роль модели, объясняющей поведение личности и общества в различные исторические моменты, была показана Е. БпкБоп'ом (1975). Эриксон отмечал, в частности, что современная психологическая мысль (здесь - психоанализ) должна учитывать «моральный климат» данного исторического периода, а современные психотерапевтические методы - «расширение сознания» не только от индивида к группе, но и «мистические источники просвещения, коренящиеся в различных цивилизациях» (Erikson, 1975, p. 255). Справедливости ради следует отметить, что Эриксон все же рассматривал проблему предела применимости такого рода расширений.

Механизм процесса идентификации, роль которого была подчеркнута Эриксоном, предполагает, что для решения конкретных психологических проблем современного человека необходимо учитывать роль связи «направляющих его образов - с идеологиями его времени» (там же, p. 20), содержательно охарактеризовать настоящий исторический момент, выделить смыслообразующий фактор в кризисе современной цивилизации. Например, в средние века в Евро-

пе таким смыслообразующим фактором были идеи Реформации, определившие начало эпохи просвещения и возникновение идей научного атеизма. В XX веке, в частности, в ментальности довоенной Германии значительную роль в умонастроении общества играли идеи, связанные с взаимоотношением полов и новыми веяниями «сексуальной революции», что получило свое развитие в научной сфере в теории полового влечения З. Фрейда.

В качестве иллюстрации роли актуальных смыслообразующих факторов в содержании психологических проблем можно привести известные факты, свидетельствующие о том, что, например, образы, содержащиеся в бредовых конструкциях шизофреников в различных регионах обусловлены значимым содержанием в ментальности соответствующих культур. В ряде африканских племен это могут быть духи и мертвецы, в современных мегаполисах - бандиты, полицейские, инопланетяне (Wittkower, Prince, 1980). Обращаясь к проблеме поиска системо- и смыслообразующих факторов для того или иного «исторического момента» и, соответственно, парадигм («образцов» мышления, переживания и пр.), на первый план выступает временной параметр - их объяснительная и прогностическая валидность при описании поведения человека в данный период истории культуры, этноса, цивилизации или этносферы.

Принцип исторической актуальности

В современной исторической науке, начиная с середины XX века, произошел методологический сдвиг от исследования «истории фактов», экономической и

интеллектуальной истории к изучению «истории ментальностей» как «картин мира», отражающих представления людей о мире (Гуревич, 1991 и др.). Эти представления могут быть описаны как системы образов, характеризующиеся различными модальностями - эмоциональной, нравственной и др. (Гостев, 2008; Сухарев, 2008).

Историческое исследование ментальности общества, которое можно определить как историко-психологическое, должно основываться также и на общеметодологических подходах, используемых в исторической науке. Уже с начала XVIII столетия, в частности, во взглядах Дж. Вико исторический процесс рассматривался с двух методологических позиций - как представление о непрерывном развитии человечества и как идея цикличности развития, расцвета и разрушения культур, наций. В новое время, с одной стороны, идеи поступательного, эволюционного развития (прогресса человечества) в исторической науке придерживались такие ученые, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Г. Гегель, К. Маркс и др. С другой стороны, идея цикличности в развитии культур получила свое полноценное выражение в трудах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева.

С учетом сказанного выше, методологическое основание новой парадигмы в историческом исследовании ментальностей должно включать как принцип их общей эволюции, так и цикличность их развития в отдельно взятых культурах.

С позиций **принципа исторической актуальности** в научном описании ментальностей в современной европейской цивилизации их необходимо рассматривать, с одной стороны, как результирующую

щие кризиса в ее развитии, определяющие роли этнической идентичности человека как смыслообразующего фактора его поведения. С другой стороны, ментальность современного человечества в целом, особенно после эпохи просвещения существенно характеризуется нарастающей этнической неоднородностью вследствие развития и повсеместного использования достижений технологического прогресса во всем мире.

Принцип исторической актуальности должен обосновывать актуальность новой парадигмы в исторической психологии, как с учетом результатов поступательного технологического прогресса всего человечества, так и с учетом специфики кризисных этапов в развитии отдельных этнических или культурных циклов. Согласно Т. Куна и И. Лакатосу, понятие парадигмы определяется как совокупность теорий, составляющих метатеоретическое единство, которое базируется на особых онтологических и гносеологических идеализациях и установках, распространенных в определенном научном сообществе (Rey, 2003; Лакатос, 2003). По замечанию В.Ю. Кузнецова (2003), сходство позиций Куна и Лакатоса - смещение центра внимания со структуры научного знания на его развитие, понимаемого как последовательность кардинальных изменений облика науки, отказ от установления жестких де-маркационных разграничений между наукой и ненаукой и пр. - в постопозитивизме идейно завершается концепцией методологического анархизма П. Фейерабенда, утверждавшего, что следование методу несовместимо с творческим мышлением. Отталкиваясь от принципа несоизмеримости парадигм Куна, Фейера-

бенд провозгласил тезис о методологической «вседозволенности», поскольку наука развивается посредством взаимопроникновения, размножения теорий и подходов, а также взаимовлияния и взаимодействия самых различных, самых безумных и экзотических идей (Фейерабенд, 2003). В целях преодоления методологической вседозволенности, характерной для современного кризисного сознания, нам представляется целесообразным введение *принципа исторической актуальности*, выделяющего в ментальности общества ведущие факторы - актуальные смыслы, представления, определяющие развитие культуры и личности в данный исторический период. Данный принцип мы вводим в дополнение к выделенному П.Н. Шихиревым (1993) важнейшему методологическому признаку парадигмы - наличия в ней «базовой науки» как еще один признак, характеризующий валидность парадигмы в данный исторический момент - признак ее исторической актуальности.

Сингулярной точкой ментальности европейской цивилизации эпохи «сексуальной революции» в начале XX века, как мы уже упоминали, были образы и, вообще, темы, связанные с взаимоотношениями полов. Это, по нашему мнению, во многом обусловило валидность сексологической парадигмы в психоанализе З. Фрейда, в особенности, при лечении истерии. Однако, в современной психиатрической практике истерия (от греч. *hystera* - матка), в основе которой, согласно Фрейду, лежат вытесненные из области сознательного сексуальные представления в своих классических проявлениях («истерическая дуга» и др.), встречается достаточно редко.

В современных мегаполисах истерический невроз чаще обнаруживает себя в симптомах аффективных расстройств депрессивного спектра, этиологически «не выводимых» из сексуального содержания бессознательного и почти не поддающихся лечению классическим психоанализом. Также, в свою очередь, бурное развитие естественных наук обусловило историческую актуальность «биологической парадигмы», господствовавшей в науках о человеке в XIX-XX веках. В рамках такой парадигмы объяснение личностных и социальных аспектов поведения человека осуществлялось в категориях «условных рефлексов», «свойств ВНД», «нейромедиаторов», «генотипов», «аллелей», «генных мутаций» т.п. Хотя биологическая парадигма и не потеряла своего значения в XXI в., тем не менее, в конце XX и начале XXI века, например, в психиатрии, стала очевидной недостаточность лекарственных и других методов лечения психических расстройств, основанных на этой парадигме. Исторически более актуальными становятся другие методологические «образцы», в частности, ориентированные на представления гуманитарной культуры. Какая же «базовая наука» (Шипхирев, 1993) является исторически актуальной в современном мире?

Историческая актуальность этнических факторов в современном мире

На современном этапе исторического развития обращает на себя внимание тот факт, что с конца 70-х годов XX в. в отечественных и зарубежных исследованиях отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как обще-

ства в целом, так и отдельного человека (Сусоколов, 1990). А.А. Сусоколов полагает, что именно этнос оказывается той «субкультурой» современного общества, которая в наибольшей степени способна, по выражению О. Тоффлера, выполнять функции «информационного фильтра» (Тоффлер, 1973), оптимизирующего потоки информации, обрушивающиеся на современного человека в единицу времени. Этому способствуют такие свойства этноса, как: 1) нормативная целостность; 2) устойчивость этнического статуса личности; 3) стабильность состава; 4) устойчивость во времени. Понимание этноса как «информационного фильтра», отмечает Сусоколов, объясняет возрастание роли этничности в жизни общества в условиях формирования новой информационной ситуации. Возникновение острой потребности в «информационных фильтрах» объясняет обращение к этническим ценностям, представляющимся вечными и незбылемыми. Ориентация на специфические ценности собственного этноса накладывает ограничения на возможное поведение и «отфильтровывает» социально значимые сигналы, ставя в центр внимания информацию, касающуюся собственного этноса и отодвигая на периферию сообщения, являющиеся существенными для других этносов. По нашему убеждению, в современную кризисную эпоху этничность является «болевым точкой» и выступает важнейшим смыслообразующим фактором в поведении современного человека, что дает ему чувство уверенности в незбылемости ценностей.

Согласно концепции Э. Эриксона, в определенные «исторические моменты» происходит радикальное изменение образа мира, рушатся традици-

онные идеологии, привычный социальный порядок. Воспринимая эти изменения, человек испытывает чувства тревоги, страха, бессмысленности существования (Erikson, 1975, p. 20). Такая ситуация обуславливает необходимость поиска нового ответа на вопросы, которые ставит история. Соответствующий ответ предполагает решения, дающие веру и смысл жизни, формирование новых образов поведения. Эриксон описывает это на примере «отца» Реформации в Германии XVI века - Лютера (Эриксон, 1996). Решая богословские вопросы, Лютер закладывал основу новой идентичности, которые вслед за ним обрели поколения протестантов. Бунт против Рима был воспринят как бунт политический и, при этом, как замечает А.М. Руткевич, «тема немецкого национализма отчетливо звучала в речах Лютера» (Руткевич, 1996, с. 4).

Следует заметить, что этничность, так же как и в эпоху современного кризиса, играла важную роль и остро переживалась людьми и во времена кризисов прошедших эпох. В исторической литературе описано огромное количество таких примеров. В частности, эпоха правления римских императоров Цезаря и Августа (1 в. до н.э.), по единодушному мнению большинства исследователей являвшаяся периодом кризиса, характеризовалась «смешением народов», «сглаживанием особенностей разных племен и народностей и усилением одной общей черты - изношенности, измельчания характеров» (Моммзен, 1993, с. 179-180). Кризисным был также, например, исторический период борьбы китайского народа против иностранных захватчиков в последний период маньчжурской династии Цин

(конец XIX-начало XX века), завершившийся превращением Китая в слабое государство, практически обслуживающее интересы Европы и США. Причиной успешности проникновения иностранного влияния был глубокий упадок этой династии, которая и сама всегда воспринималась китайцами как этнически чуждая. Восстание ихэцзюаней («боксеров»), обусловленное указанными противоречиями, проходило под лозунгами - не нарушать заветов родителей и обычаи (не быть жадными, не развратничать и т.п.), уничтожать чужеземцев, убивать чиновников-взяточников - представителей этнически чуждой маньчжурской власти (Гумилев, 1993; Ефимов, 1993).

Приведенные выше рассуждения дают основания полагать, что именно этничность в условиях современного кризиса является исторически актуальной «точкой отсчета» поведения человека, а этнология - базовой наукой в методологии анализа и прогноза этого поведения. Теории, построенные на данной методологии, позволили бы связать частные и эмпирические факты и закономерности с философскими, богословскими, социологическими, психологическими концепциями высокого уровня абстрагирования.

Традиционно этничность человека характеризуется тремя группами не абсолютных, но соотносительных (Бромлей, 1983) признаков (в аспекте этногенеза - параметров), практически описывающих все возможные факторы развития, как человека, так и общества - климато-географических, расово-биологических и культурно-психологических (Бромлей, илев, 1993). В соответствии с этнической парадигмой, понимаемой как представление

о приоритете этнических форм общности в жизни людей (Козлов, 1995, с. 95), эти признаки мы рассматриваем как *элементы* внутренней (психика, антропо-биологические характеристики человека), внешней (социокультурное и природное окружение) и «трансцендентной» (мир идеальных прообразов - Бог, духи природных стихий, прообразы научных представлений) и др.) сферы человека. Систему данных признаков мы называем *этносредой* (понятие более широкое, чем «этнос» или «культура»), в которую погружен субъект.

Многими авторами современное человечество характеризуется не только как определенный «набор» этносов и этнических систем, но как этнокультурно-мозаичное, мультикультурное и т.п. (Тишков, 1992 и др.) Мы также характеризуем ментальность современной личности и общества, как «этнически маргинальную», т.е. существенно неоднородную по всем этническим признакам (Сухоарев, 2008).

Базовый принцип этнофункциональной парадигмы

Психологические и антропо-биологические характеристики человека мы относим к его внутренней среде, а к внешней - природно-климатические и социокультурные (ландшафт, *животный и растительный мир*, социокультурное окружение), т. е. мир, данный нам в чувственном восприятии. Кроме того, мы выделяем *трансцендентную* сферу человека - Бог, различные духовные феномены. Для обозначения внутренней, внешней и трансцендентной сферы человека мы вводим таксономическую единицу - «**этносреда**». Она состоит из материальных, психологических

(душевных) и духовных элементов, которые могут быть адекватно описаны только на языке данного этноса. Понятие этносреды более емко и методологически более точно, чем понятие этноса, описывает этничность человека. Отметим, что личность также является подсистемой этносреды, поэтому в этносреде погружен именно *субъект*, по отношению к которому личностные характеристики являются объективными. Кроме того, исходя из данного положения можно говорить о субъектности и ментальности не только личности, но и этносреды. Этносреду мы понимаем как систему этнических признаков или систему элементов этносреды (в аспекте развития они же - параметры этногенеза, по Л.Н. Гумилеву), которая может обладать той или иной степенью целостности. Сама этносреда является условием и в то же время результатом этногенеза.

Не только культура, как это представлялось ранее (Бромлей, 1983), но все элементы этносреды в предлагаемом подходе наделяются *этнодифференцирующей и (или) этноинтегрирующей функцией*. Любой элемент этносреды (в идеале - этносреды; в реальности - этнофункциональной среды) либо интегрирует, либо дифференцирует человека с тем или иным этносом или этнической системой. Применение понятия этнической функции к развитию и функционированию личности и общества осуществляется в ходе реализации нового методологического подхода в психологии, который мы называем *этнофункциональным*. В соответствии с введенным нами принципом исторической актуальности в этнофункциональном подходе в психологии должен учитываться не только природный ареал этносреды, в которой

родился и проживает конкретный человек, но и ментальность соответствующего этапа ее исторического развития, а в качестве базового выступает *принцип этнофункциональности*.

В дополнение к этнической парадигме, основанной на типологии этносов и этнических систем, в соответствии с методологическим принципом дополнительности мы вводим **этнофункциональную парадигму**, учитывающую этнокультурно-мозаичную специфику современной культурно-исторической ситуации. Чем менее однородна этнофункциональная среда (т.е. чем больше в ней этнодифференцирующих элементов), тем более правомерна для изучения человека и общества этнофункциональная парадигма и тем менее — этническая. Строго говоря, этническая парадигма является частным случаем парадигмы этнофункциональной, при стремящемся к нулю количестве этнодифференцирующих элементов этнической системы. В условиях современного «поликультурного» общества, этнофункциональная парадигма более адекватна для изучения проблем «цивилизованного» человека. Этническая парадигма в науке, в свою очередь, более приемлема при изучении относительно однородных этнофункциональных сред (например, исследования этнических изолятов в Южной Америке, Новой Гвинее и др.).

Этнофункциональная парадигма в психологии не только знаменует переход от «психофизиологического» мышления в рамках «нейромедиаторов, генов, РНК, гормонального уровня и пр.» к культурному и кросскультурному объяснительному принципу явлений человеческой психики (Wittkower, Warns, p. 312-319), но системно учитывает мо-

заичность современных этносред в понятии «**этнофункциональная среда**».

В психике человека этнофункциональная среда представлена, в частности, как система устойчивых «вторичных образов» и составляет *образную сферу личности* (Гостев, 2007). В этнофункциональном подходе может рассматриваться, в связи со сказанным, этническая функция вторичных образов и их модальностей - эмоциональной, когнитивной, нравственной и др. и ее роль в адаптации и развитии человека. Этноинтегрирующую или этнодифференцирующую функцию при этом может иметь, например, предпочтение определенного типа питания, расово-антропологических особенностей (антропозстетика - термин Н.А. Халдеевой (1995), ландшафта и климата, религии.

Методологические принципы этнофункциональной парадигмы в психологии

Этнофункциональная парадигма опирается на ряд взаимосвязанных методологических принципов. Ее преимущество состоит в возможности использования для изучения человека в целом на единой методологической основе, что, согласно К. Попперу, позволяет, в частности, предсказывать *новые*, неожиданные с точки зрения предыдущего знания факты (Поппер, 2003). Смысл данных принципов для психологической науки, вкратце, разъяснен ниже.

- *Принцип этнофункциональности.* Это базовый принцип этнофункциональной парадигмы, обеспечивающий ее *историческую* актуальность. С позиции данного принципа в психологии рассматривается этноинтегрирующая и этнодифференцирующая функция обра-

зов этносреды и их модальностей, социальных представлений, образное содержание стадий и этапов развития личности и общества.

• *Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма* отражает аналогию структуры и общего плана развития ментальности личности и общества. Данный принцип введен нами как методологическая основа для изучения взаимосвязи развития человека, личности и этнофункциональной среды. Для русской этносреды мы вводим следующие этапы ее развития: доисторический, затем поклонение природным стихиям и явлениям, далее - языческий период (ср.: периоды развития античного мифа: фетишизм, анимизм, героический - по А.Ф. Лосеву, 1977), далее - христианский, затем этап просвещения, современный этап «синтеза» и будущий этап - «мудрости». По аналогии с данными этапами выделяются стадии развития личности: материнская (пренатальная), природная, сказочно-мифологическая, религиозно-этическая, синтеза и мудрости.

• *Принцип этнофункциональной системности.* Согласно этому принципу, природно-биологические, культурно-психологические и трансцендентные (духовные) элементы этносреды находятся в неразрывной взаимосвязи, а ее нарушение способствует разрушительным для данного человека, его личности и этнической системы в целом процессам. Применительно к психологической науке рассматривается этнофункциональная системность образной сферы личности, ментальности этносреды и модальностей составляющих ее образов.

• *Принцип этнофункционального развития.* В соответствии с данным принци-

пом, содержание и последовательность стадий развития образной сферы личности в природно-биологическом, психическом и духовном аспектах в идеале соответствует содержанию и последовательности этапов исторического развития ментальности этносреды рождения и проживания данной личности.

• *Принцип этнофункционального детерминизма* означает, что те или иные конструктивные или деструктивные процессы в структуре и развитии человека и личности в конкретной этнофункциональной среде обусловлены нарушением или восстановлением целостности культурно-психологических и трансцендентных элементов, а также нарушением процесса развития данной этнофункциональной среды. Правомерным является также и обратное утверждение. Например, нарушение этнофункционального развития и системности образной сферы личности может обуславливать различные психопатологические проявления или социально отклоняющееся поведение.

Роль философского понятия «архегении» в этнофункциональной парадигме в психологии

Основой этнофункционального подхода к развитию личности является представление об *этнофункциональной архегении личности и этносреды*, опирающееся на введенное нами философское положение об *архегении* как идеальном прообразе развития, который мы понимаем как *естественное* развитие. По сравнению с «эйдосом» Платона, понимаемым им как «предел становления вещи» (Платон, 1970, с. 505-506), «архегения» имеет временную составляющую. Понятие архегении позволя-

ет содержательно определить понятия психического, социального и духовного здоровья («нормы») не как «отсутствие патологии или отклонений», а как позитивное содержание психического здоровья и правильного воспитания в определенной этносреде (включая содержание воздействий по их улучшению). На практике всегда имеется расхождение между идеальным прообразом исторического развития ментальности (последовательности и содержания этапов) конкретной этносреды (архегении этносреды) и последовательностью и содержанием стадий реального развития образной сферы (ментальности) личности. С позиций принципа единства микро- и макрокосма этнофункциональная архегения личности и этносреды тождественны (подробнее см. (Сухарев, 2008, с. 83-93]. Этническая функция элементов образной сферы определяется в соответствии с оценками компетентных специалистов-этнологов: этногеографов, этнолингвистов, этнобиологов, специалистов в области этномедицины, этнопсихиатрии и др., т.е. в соответствии с *этнофункциональными критериями*, в соответствии с которыми определяется, в частности, мера приближения развития личности (образного содержания и последовательности стадий) к идеальному прообразу (архегении) ее развития. Этнофункциональную архегению личности (так же как и этносреды) мы определяем как *духовный* (системообразующий) прообраз ее развития не только на религиозно-этической, но на каждой стадии - от материнской до стадии мудрости.

Ведущие методы и эмпирические результаты применения этнофункциональной парадигмы в психологии

Ведущим методом психодиагностики личности в этнофункциональной парадигме является исследование онтогенеза ее образной сферы, в частности, клиническим методом *структурированного этнофункционального интервью*. Ведущим методом формирования и коррекции является, в свою очередь, *этнофункциональная психотерапия, психопрофилактика и воспитание*. Ведущим методом исследования (диагностики) ментальности общества (Гуревич, 1991) на различных этапах исторического развития конкретной этносреды, является метод *этнофункциональной историко-психологической реконструкции*. Ментальность общества на различных этапах развития этносреды, согласно принципу этнофункционального единства микро- и макрокосма, является в наших исследованиях ориентиром для формирования образной сферы личности, например, в процессе воспитания на соответствующих стадиях ее развития.

Традиционно трактуемые как различные процессы *психотерапии, психопрофилактики, психологической реабилитации, воспитания и обучения* в этнофункциональной методологии понимаются как различные стороны единого процесса восстановления направленности личности на идеальный прообраз развития (архегению) этносреды рождения и проживания данной личности.

Теоретико-методологические разработки данного подхода опираются на результаты полевых, клинических, экспериментально-психологических и психотерапевтических исследований,

выявляющих специфику применения этнофункционального подхода в различных областях науки и практики. Получены новые, часто неожиданные результаты в области образования (от детского сада до высшей школы), психологии творчества, клинической психологии и психиатрии (аффективной патологии, стратегии психолого-психотерапевтического взаимодействия с психофармакологическими методами; психосоматики, наркологии, детской психиатрии, геронтопсихологии и др.). Также получены результаты в исследовании криминального и социально отклоняющегося поведения, проблем информационной безопасности и формирования миграционных намерений как основы нарастающей «утечки мозгов», проблем межэтнического взаимодействия и биологического воспроизводства населения. Результаты данных исследований подтверждают релевантность исходных положений разрабатываемой концепции.

Несмотря на свою теоретическую обобщенность, этнофункциональная парадигма является инструментом «тонкой дифференциации» для целостного изучения человека как этнофункционального единства телесного, психического и духовного содержания как на макро-, так и на микроуровне. Понятие этносреды как «таксона среднего уровня» объединяет все элементы этого содержания на различных уровнях деятельности человека в систему. Данный подход открывает перспективу для изучения системного функционирования личности, человека, этносреды и этносферы в целом.

Итак, этнофункциональная парадигма в науках о человеке, прежде всего благодаря базовому принципу этнофункциональности, позволяет осуществ-

лять системное познание его психики, а в перспективе - и человека в целом. Представление об этнической функции составляющих образной сферы личности и применение других принципов данной парадигмы позволяет получать новые факты, а также прогнозировать состояния и поведение личности в различных областях ее жизнедеятельности.

Ниже представлены результаты некоторых этнофункциональных экспериментально-психологических исследований, являющиеся достаточно неожиданными с позиций традиционных теоретических и экспериментальных исследований в психологии.

Развитие образной сферы личности, в соответствии с методологическим принципом этнофункционального единства микро- и макрокосма, осуществляется по последовательным стадиям, соответствующим этапам развития родной этносреды (в нашем исследовании - где человек родился и прожил первые 5 лет). Наши теоретические и экспериментально-психологические исследования показали, что на основе принципа единства микро- и макрокосма в этнофункциональном развитии личности (для русской этносреды) можно выделить последовательные стадии и оптимальный для их начала возрастной период. Мы выделяем природную (оптимальный возрастной период для усвоения образов родной природы - от 1 до 5 лет), сказочно-мифологическую (сказочные образы в 2-5 лет), религиозно-этическую (религиозные представления в 6-8 лет) и др. стадии. Как показали многочисленные исследования, нарушение последовательности и наличие этнодифференцирующих образов в об-разном содержании данных стадий яв-

ляется одним из условий возникновения психических, психосоматических расстройств, а также нарушения нравственных норм в обществе. В частности, возникновение ведущего тревожного эмоционального состояния может быть обусловлено слишком ранним началом той или иной стадии этнофункционального развития, а также наличием в раннем онтогенезе образной сферы личности этнодифференцирующих образов (Выдрина, 2007; Шапорева, 2007).

Опирающийся на теорию этнофункционального развития личности подход к воспитанию основан на восстановлении этноинтегрирующего содержания образной сферы личности и последовательности стадий этнофункционального развития. Процесс восстановления позитивного эмоционального отношения личности к этноинтегрирующим образам природной и сказочно-мифологической стадий ее развития способствует гармонизации межфункционального взаимодействия эмоциональной и когнитивной сторон личности, необходимой для ее развития (Божович, 1997).

Как показывают результаты наших исследований (Чулисова, 2007, 2008), у осужденных за убийство и нанесение тяжких телесных повреждений, по сравнению с законопослушными курсантами МЧС, преобладают нарушения этнофункционального развития образной сферы личности на природной и сказочно-мифологической стадиях (всего было обследовано 175 человек). Первые воспоминания образов природы и сказочных образов у них относятся к более позднему, чем оптимальный, периоду - с 8 лет и старше. Согласно принципу этнофункционального развития, данное нарушение на природной

и сказочно-мифологической стадиях обуславливает нарушения развития и на религиозно-этической - в частности, у осужденных первые представления о Боге, грехе, справедливости появляются с 8 лет и в более старшем возрасте.

При этом у законопослушных, в отличие от осужденных, первые представления о Боге, грехе и справедливости относятся к более раннему, чем оптимальный, возрасту (до 6 лет), что, по всей видимости, хоть и является невротическим, но все же сдерживающим фактором в возникновении криминального поведения. По-видимому, сформированность религиозных представлений у законопослушных испытуемых в детском возрасте способствует соблюдению ими заповедей «Не убий», «Не укради» и т.д. в более старшем возрасте.

Тот факт, что осужденные за насильственные преступления, по сравнению с законопослушными, чаще положительно относятся к необходимости соблюдения христианских заповедей «Не убий», «Не укради», а также ко всем заповедям в целом (тенденция), очевидно, свидетельствует о том, что это отношение существенно декларативно. Это можно объяснить с позиций принципа этнофункционального развития тем, что наличие нарушений этнофункционального развития личности у осужденных на природной, сказочно-мифологической и религиозно-этической стадиях не могут обеспечить полноценного усвоения христианских заповедей. Декларативность позитивного отношения осужденных к христианским заповедям может являться, на наш взгляд, результатом религиозного воспитания в ИУ.

У осужденных в более позднем возрасте (с 8-9 лет), чем у законопослуш-

ных, появляются образы природы и религиозные представления, т.е. имеет место задержка этнофункционального развития на природной и религиозно-этической стадиях. На основании принципа этнофункционального развития можно предположить, что менее контролируемая эмоциональность у осужденных имеет место именно вследствие данной задержки. Такое предположение можно сделать на основании того, что неконтролируемая эмоциональность, согласно И.Г. Беспалько и М.Н. Раевой, свойственна относительно более раннему возрасту (2-3 года), по сравнению, например, с гармонично контролируемой эмоциональностью в возрасте 5-7 лет (Беспалько, Раева, 1978). Преобладание в группе осужденных неконтролируемой тревоги соответствует результатам известных исследований Ю.М. Антоняна, М.И. Еникеева и В.Е. Эминова о роли тревоги в возникновении криминального поведения (1996).

Важным результатом исследования является выявление более частых, по сравнению с законопослушными испытуемыми, предпочтений осужденными образов экзотических ландшафтов и животных. В соответствии с принципом этнофункциональной системности, это может объяснять наличие у них криминального поведения как следствие воздействия этнодифференцирующей криминальной культуры (контркультуры) (Александров, 2002). Кроме того, преобладание этнодифференцирующих образов в образной сфере личности обусловливает повышение тревоги (Сухарев, 2008).

Целью настоящего исследования было изучение эффективности этнофункционального подхода в воспита-

тельной работе с осужденными за насильственные преступления.

Мы предполагали, что воспитательная работа с осужденными за насильственные преступления (считающими себя христианами), основанная на становлении этноинтегрирующего содержания образной сферы личности, способствует формированию положительного отношения к христианским заповедям и снижению склонности к криминальному поведению, а также снижению уровня тревоги.

Методы исследования. Методика структурированного этнофункционального интервью (Сухарев), методика «Определение склонности к отклоняющемуся поведению» [18], методика выявления отношения к христианским заповедям», составленная А.В. Сухаревым, Роршах-тест (Bohm, 1972), отбор осужденных по составу преступлений (исследование осужденных осуществлялось анонимно и под личным кодом), методика этнофункционального воспитания А.В. Сухарева, а также формирующий эксперимент с использованием контрольной группы. Статистическая обработка экспериментальных данных осуществлялась с помощью χ^2 -критерия Пирсона.

На этапе формирующего эксперимента в процессе воспитательной работы с осужденными осуществлялось восстановление в образной сфере личности этноинтегрирующего содержания образов родной природы (метод этногерменевтики - по А.В. Сухареву). Причиной использования в формирующем эксперименте именно образов родной природы явилось наличие этнодифференцирующего содержания предпочитаемых осужденными на момент об-

следования образов природы и нарушений в прохождении ими природной стадии этнофункционального развития личности (по результатам констатирующего эксперимента). Использование образов родной природы (без использования сказочно-мифологических и религиозно-этических образов) позволило выявить специфику их роли в воспитательной работе с осужденными в ИУ.

Результаты формирующего эксперимента

Формирующий эксперимент состоял из проведения цикла специальных занятий по этнофункциональному воспитанию. В процессе занятий с испытуемыми в диалоговой форме прорабатывались эмоциональная, когнитивная

и др. модальности образов родных ландшафтов, флоры и фауны. В частности, участникам предлагали мысленно «погрузиться» в данный ландшафт с последующей вербализацией возникающих чувств. В завершении занятия проводилось обсуждение чувств, мыслей, вызванных представлением образа родной природы. В формирующем эксперименте приняли участие 24 человека - мужчины в возрасте от 20 до 33 лет, осужденные за насильственные преступления (разбойные нападения, нанесение телесных повреждений различной степени тяжести, убийства), отбывающие наказание в СИЗО №3 УФСИН России по г. Москве. В контрольной и экспериментальной группах участвовало по 12 человек.

Таблица 5. Изменение показателей этнофункционального развития образной сферы личности после проведения формирующего эксперимента в контрольной группе (в %%)

Содержание образов этнофункционального развития и их возрастных границ	Показатели до формирующего эксперимента	Показатели после формирующего эксперимента	Уровень значимости
Первые образы природы после 5 лет	25	62.5	Тенденция, $p < 0.1$
Первые сказочные образы в возрасте от 1 года до 5 лет	75	25	$p < 0.05$
Первые сказочные образы из русских народных сказок	64.3	25	$p < 0.05$
Первые представления о справедливости после 9 лет	25	62.5	Тенденция, $p < 0.1$

Как следует из табл. 5, осужденные контрольной группы после проведения формирующего эксперимента чаще, чем до проведения, стали относить воспоминания о образах природы к возрасту после 5 лет (тенденция при $p < 0.1$). Вме-

сте с тем в контрольной группе снизилось количество первых сказочных образов, относящихся к возрастным границам от 1 до 5 лет. Также после формирующего эксперимента у осужденных контрольной группы стало меньше

воспоминаний образов русских народных сказок. При этом они чаще относили свои первые представления о справедливости к возрасту после 9 лет (тенденция при $p < 0.1$).

Также у испытуемых контрольной группы было выявлено увеличение количества предпочтений этнодифференцирующих (экзотических) продуктов питания - киви, бананы и пр. ($p < 0.05$).

Таблица 5. Изменение показателей этнофункционального развития образной сферы личности после проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе (в %)

Содержание образов этнофункционального развития и их возрастных границ	До эксперимента	После эксперимента	Уровень значимости
Первые образы воспоминаний до 5 лет	43.8	80	$p < 0.05$
Отсутствие образов природы до 5 лет	31.3	0	$p < 0.05$
Образы родной природы до 8 лет	68.8	100	$p < 0.05$
Первые представления о справедливости в возрасте от 6 до 8 лет	6.3	33.3	$p < 0.05$

Данные табл. 5 свидетельствуют о том, что после эксперимента осужденные стали чаще относить свои первые воспоминания о природе к возрасту до 5 лет. Кроме того, те испытуемые, которые до эксперимента не имели воспоминаний о природе до 5 лет, начали вспоминать образы родной природы. Количество этноинтегрирующих образов природы до 8 лет также увеличилось ($p < 0.05$). Вместе с тем, после эксперимента испытуемые чаще вспоминали переживания, связанные с представлениями о справедливости в оптимальном возрастном периоде (6-8 лет). После проведения занятий осужденные стали реже отрицательно относиться к образам зимы ($p < 0.05$).

Осужденные экспериментальной группы стали чаще положительно относиться к необходимости соблюде-

ния христианских заповедей ($p < 0.05$). А осужденные контрольной группы стали чаще отрицательно относиться к соблюдению заповедей ($p < 0.01$).

В экспериментальной группе показатель склонности к делинквентному поведению не изменился, а в контрольной группе данный показатель повысился ($p < 0.05$). Также было установлено, что испытуемые контрольной группы чаще стали считать законопослушание хорошим качеством ($p < 0.05$).

Существенно, что в контрольной группе снизился уровень когнитивного контроля эмоциональной сферы и тревожности ($p < 0.05$). А в экспериментальной группе после прохождения цикла занятий снизился уровень эмоционального торможения когнитивной сферы ($p < 0.01$) и уровень тревоги ($p < 0.05$).

Обсуждение результатов эксперимента

Результаты формирующего эксперимента показали, что в экспериментальной группе в процессе занятий произошло восстановление этноинтегрирующего образного содержания природной стадии этнофункционального развития личности: испытуемые стали чаще вспоминать образы родной природы и относить их к более раннему возрасту (табл. 5). Это свидетельствует о расширении «когнитивной ретроспективы» (А.В. Сухарев) в сознании испытуемых, по-видимому, вследствие снижения степени эмоционального торможения когнитивных процессов. В соответствии с принципами этнофункционального развития и системности, восстановление этноинтегрирующего образного содержания природной стадии этнофункционального развития личности способствует восстановлению этноинтегрирующего образного содержания сказочно-мифологической и религиозно-этической стадий, а также обуславливает предпочтение этноинтегрирующих образов этносреды. Это находит свое подтверждение в том, что после проведения формирующего эксперимента испытуемые стали чаще вспоминать образы русских народных сказок, а также свои первые переживания, связанные с представлениями о справедливости в оптимальном возрастном периоде. Этими принципами объясняется и то, что осужденные стали чаще положительно относиться к природно-климатическим образам родной этносреды.

А испытуемые контрольной группы, по истечению периода времени проведения цикла занятий в эксперименталь-

ной группе, чаще относить первые образы природы, сказочные и религиозные образы к более позднему, чем оптимальный, возрасту. К тому же, они стали реже вспоминать сказочные образы из русских народных сказок (табл. 4). Испытуемые контрольной группы за тот же период стали более отрицательно относиться к христианским заповедям. Можно предположить, что указанные изменения, а также снижение уровня когнитивного контроля тревоги, произошли вследствие влияния на осужденных контрольной группы этнодифференцирующей криминальной субкультуры, распространенной в среде отбывания наказания. Под влиянием данной субкультуры происходит повышение склонности к криминальному поведению. В экспериментальной группе повышение склонности к криминальному поведению не имело места.

Тот факт, что в контрольной группе осужденные стали чаще считать законопослушание хорошим качеством, можно, по-видимому, объяснить тем, что данное утверждение слишком очевидно является «желательным» в условиях ИУ «в глазах начальства». В целом, сравнительный анализ результатов формирующего эксперимента показал, что воспитательная работа в ИУ является неэффективной и указывает на необходимость учета в ее содержании этнофункционального аспекта.

В соответствии с методологическими принципами этнофункционального развития и системности, восстановление этноинтегрирующего образного содержания природной стадии этнофункционального развития личности у осужденных за насильственные преступления оказывает влияние на формирова-

ние у них положительного отношения к необходимости соблюдения христианских заповедей. Позитивное отношение к данным заповедям, а также снижение уровня тревоги могут послужить в дальнейшем сдерживающим фактором (психопрофилактики) в возникновении у осужденных рецидивов преступлений.

Следует отметить, что полученные в настоящем исследовании результаты позволяют не только существенно дополнить воспитательную работу с осужденными за насильственные преступления, но и сделать ее эффективной в целях предотвращения рецидивов преступлений. В перспективе, на наш взгляд, важным является исследование роли восстановления этноинтегрирующего содержания сказочных образов в формировании положительного отношения к морально-нравственным ценностям и в снижении склонности к криминальному поведению. В целом на основании результатов настоящего исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Религиозное воспитание осужденных за насильственные преступления в ИУ не способствует снижению роста количества рецидивов данных преступлений.

2. Восстановление в процессе этнофункционального воспитания в образной сфере личности у осужденных за насильственные преступления этноинтегрирующих образов природы способствует снижению уровня тревоги, эмоционального торможения когнитивных процессов, а также формированию положительного отношения к христианским заповедям и снижению склонности к криминальному поведению.

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: «Права человека», 2002.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений М.: Юристъ, 1996.
3. Беспалько И.Г., Раева М.Н. О применении метода Роршаха в изучении возрастных особенностей психического развития//Медико-психологические аспекты реабилитации детей с психическими заболеваниями. Л.: Медицина, 1978.
4. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
6. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-пресс, 1993.
7. Выдрина Е.А. Этнофункциональный аспект возникновения легкой умственной отсталости у дошкольников: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: 2007.
8. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
9. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Издательская группа Прогресс, 1993. С. 540-542.
10. Гуревич А.Я. История и психология//Психол. журн. 1991. Т. 12. №4. С. 3-16.
11. Давыдов Ю.Н. Кризисное сознание//Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990. С. 143-144.
12. Ефимов Г.В. Ихэцзюань//БСЭ. 3-е изд. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 59.
13. Козлов В.И. Этнос//Этнические и этносоциальные категории. М.: ИЗА РАН, 1995. Вып. 6. С. 151-153.
14. Кузнецов В.Ю. Понять науку в контексте культуры//Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 5-7.
15. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
16. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
17. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Изд-во «Наука», 1977.
18. Моммзен Т. История Рима. Л.: Лениздат, 1993. С. 179-180.
19. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.
20. Основы православия в системе пенитенциарных учреждений (<http://www.pobeda.ru/zone/index.html>), 2008.
21. Платон. Соч. М.: Мысль, 1970. С. 505-506.
22. Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней//Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

23. Руткевич А.М. «Психо-история» Э.Г. Эриксона//Э. Эриксон. Молодой Лютер. М.: «МЕДИУМ», 1996.
24. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса//Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5-40.
25. Статистика преступлений (<http://old.cry.ru/theme.html>), 2009.
26. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
27. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса/ Этнографическое обозрение. 1992. №1. С. 5-20.
28. Тоффлер О. Футуршок. М.: Прогресс, 1973. С. 218.
29. Фейерабенд П. Против метода. М.: ООО «Издательство АСТ», 2007.
30. Халдеева Н.И. Адаптационно-репродуктивные аспекты антропозетики//Этнодемографические особенности воспроизводства народов Севера России. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 225-233.
31. Чулисова А. П. Сравнительное этнофункциональное исследование систем отношений личности опийных наркозависимых и осужденных по статье 105 УК РФ//Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. Конференции. Саратов: «Научная книга», 2007. Ч. 2. С. 287.
32. Чулисова А.П. Этнофункциональный анализ личности осужденных за воровство и убийство// Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Международной научной конференции 29-30 мая 2008 г. Смоленск: Универсум, 2008. Т. 2. С. 436.
33. Шапорева А.А. Роль этнической функции содержания сказок в развитии гармоничного взаимодействия когнитивных и эмоциональных сторон отношений у младших школьников и подростков: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: 2007.
34. Шихирев П.Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора психол. наук. М.: 1993.
35. Эриксон Э. Молодой Лютер. М.: «МЕДИУМ», 1996.
36. Erikson E. Life history and the historical moment. N. Y.: Harper and Row, 1975.
37. Wittkower E.D., Prince R.H. Geschichte und Entwicklung der transkulturellen Psychiatrie//Pfeifer W.M., Schoene W. (Hrsg.). Psychopathologie im Kulturvergleich. Stuttgart: Enke, 1980. S. 1-12.
38. Böhm E. Lehrbuch der Rorschach Psychodiagnostik. Bern: Hans Huber, 1972.
39. Wittkower E.D., Warns H. Kulturelle Aspekte der Psychotherapie//Pfeifer W.M., Schoene W. (Hrsg.) Psychopathologie im Kulturvergleich. Stuttgart: Enke, 1980. S. 312-319.

Психологические особенности проявления деструктивных отклонений в поведении сотрудников правоохранительных органов

Е. Е. Гаврина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №07-06-00079а.

Аннотация: в данной статье описываются результаты трехгодичной работы по исследованию психологических детерминант формирования специфической криминальной деструктивности личности сотрудников ПОО. Раскрываются индивидуально-психологические характеристики сотрудников ПОО по таким позициям, как деструктивные установки, склонность к агрессии, предпочитаемые типы психологических защит, индивидуальные профили личностных расстройств, особенности межличностного общения, мотивационная сфера.

Ключевые слова: агрессивность, группа риска сотрудников ПОО, деструктив-

ность, деструктивные отклонения, деструктивность должностного поведения, деструктивные установки, индивидуальные профили личностных расстройств, межличностные отношения, типы психологических защит.

The summary: *in given article results of three-year work on research psychological a determinant of formation specific criminal, distracter persons of employees POO are described. Individually-psychological characteristics of employees POO on such positions as destructive installations, propensity to the aggression, preferred types of psychological protection, individual profiles of personal frustration, features of interpersonal dialogue, motivational sphere reveal.*

Keywords: *aggression, group of risk of employees POO, destruktivnost, destructive deviations, distracter official povenija, destructive installations, individual profiles of personal frustration, interpersonal relations, types of psychological protection.*

Современные средства массовой информации почти ежедневно сообщают о преступной деятельности сотрудников правоохранительных органов. О каком только виде криминала среди милиционеров не рассказывается! Взятки должностным лицам правоохранительных органов (ПОО) с целью прекращения уголовных дел уже не вызывают существенного интереса у читателей и слушателей, поэтому журналисты стараются найти сюжеты покровавее, преподносят их так, что создается впечатление, будто весь отдел работал на негодея, который совершил противоправный поступок. Даже беглый анализ интернет-сайтов позволяет сделать вывод о том,

что лишь каждый тридцатый из них сообщает об успешно проведенной операции сотрудниками милиции по раскрытию преступления. Все это, в свою очередь, дискредитирует деятельность милиции в глазах населения, несмотря на то что ежедневно в каждом районном отделении внутренних дел любого города сотрудниками милиции осуществляется правоохранительная деятельность по защите прав людей, раскрываются десятки преступлений, сотрудники рискуют своей жизнью ради блага мирных граждан. Но для создания предвзятого представления о деятельности милиции достаточно одного негативного сюжета.

Большинство людей устроены так, что скорее верят плохому чаще, чем хорошему. Если в прессе появляется информация об успешно проведенной операции сотрудниками милиции, то основная масса людей на это даже не обратит внимания, так как именно в этом и заключается работа милиции - раскрывать совершенные преступления и задерживать преступников. Чаще в газете именно этой информации уделяется меньше всего строк, тогда как об «оборотнях в погонах» пестрят заголовки, и материалам на эту тему выделяется целая страница. Будни милиции простых граждан не интересуют, а вот их ошибки и промахи - это хорошая тема для разговоров. Сегодня многие люди просто не хотят и слышать ничего хорошего о том, что делает милиция. В СМИ было слишком много негативной информации о криминале среди сотрудников правоохранительных органов, и народ милицию теперь не уважает. Однако если подсчитать, то на тысячу сотрудников милиции приходится только один негодяй в погонах, из-за противоправной деятельно-

сти которого положительный образ сотрудников милиции в глазах населения России меркнет. Однако именно этот негодяй своей деятельностью обеспечивает повышение уровня недоверия среди населения к милиции, а следовательно, и ко всем властным структурам государства. Вот почему исключение принятия на службу в правоохранительные органы и своевременное увольнение лиц, склонных к криминальной деструктивности, несомненно, будет способствовать повышению престижа милиции.

Цель публикации данной статьи не обелить или очернить сотрудников милиции, а выяснить психологическую природу формирования криминальной деструктивности личности сотрудника правоохранительных органов. Выяснить, как же все-таки сотрудник превращается в «оборотня», можно, предложив (на основе наших исследований) определенные этапы его криминального становления. Большинство входящих в должность сотрудников правоохранительных органов проявляют интерес к будущей профессии, намерение честно служить Родине, а также другие профессионально необходимые мотивационные и личностные качества. Впоследствии, однако, возникает диссонанс между реальной экстремальностью условий жизнедеятельности на службе и ранее сформированным образом о будущей достойной жизни. Кто-то способен найти в себе силы для дальнейшего личностного роста, преодолеть это противоречие, самореализоваться и продолжить службу, обретая в этом жизненный смысл. Но возможно и другое психодинамическое разрешение этого внутриличностного противоречия. Продолжая службу в правоохранительных ор-

ганах, он кого-то спасает, рискует жизнью, идет под пули, а с кого-то берет административный штраф себе в карман (например, за регистрацию), одновременно оправдывая себя. В конце концов, возникает ситуация, когда появляется предложение или возможность заработать на криминале более существенные денежные средства. Именно эта схема перерождения сотрудника в «оборотня» предлагается в средствах массовой информации. В общем и целом это так, однако психологические механизмы, которые приводят того или иного сотрудника к окончательной криминализации личности, существенно различаются. Их исследованию и описанию в форме психологических портретов «оборотней в погонах» и посвящена данная статья.

Исследование специфики формирования криминального поведения сотрудников правоохранительных органов осуществлялось на основе сравнительно-психологического анализа трех категорий сотрудников: осужденных - бывших сотрудников правоохранительных органов; сотрудников, работающих в правоохранительных органах, но отнесенных к группе риска; сотрудников, не склонных к деструктивному поведению.

В процессе исследования было установлено, что противоправные поступки, в основном, совершают сотрудники в возрасте от 18-30 лет. Данная информация говорит о необходимости осуществления дополнительного контроля в виде сопровождения вновь принятых на службу и оказания им помощи в адаптации в начальный период службы, а также о разработке и осуществлению мероприятий по предупреждению формирования деструктивных отклонений, что будет способствовать снижению риска со-

вершения ими поступков антисоциальной направленности.

Опровергая распространяемую СМИ информацию о слабой информированности сотрудников ПОО в области своих профессиональных обязанностей, мы установили, что выделенные нами три категории сотрудников на достаточно квалифицированном уровне ориентируются в своих должностных обязанностях. Более того, сотрудники, имеющие деструктивные отклонения в поведении, показывают лучшие результаты, и это обстоятельство никак не мешает им совершать противоправные поступки. Следует отметить, что осужденные - бывшие сотрудники ПОО, в основном, имели положительные характеристики с места работы и находились на хорошем счету у своего руководства как высококлассные специалисты. Поэтому такой факт, как знание или незнание должностных обязанностей, не является определяющим фактором в прогнозировании формирования криминального поведения сотрудников ПОО.

В данном исследовании мы посчитали необходимым остановиться и на рассмотрении встречающихся деструктивных отклонений, проявляющихся в должностном поведении сотрудников. Под деструктивностью должностного поведения мы будем понимать все возможные нарушения, которые позволяет себе сотрудник в должностном поведении, начиная с опоздания на работу, грубости в общении с начальником, ненадлежащего исполнения обязанностей по должности и заканчивая нарушением закона, за которым следует уголовное наказание. Конечно, степень выраженности этих действий существенно отличается, хотя даже мелкие нарушения, их

привычность, повседневность повышают общий уровень деструктивности личности, тем самым усиливая вероятность совершения сотрудником более тяжелых асоциальных действий.

Рассматриваемая нами выборка сотрудников была подвергнута сравнительному анализу по применяемым к ним мерам дисциплинарной ответственности со стороны руководства организаций, в которых они несут или несли свою службу. Источником полученных данных стал анализ личных дел сотрудников правоохранительных органов, информация по осужденным - бывшим сотрудникам правоохранительных органов - была получена с их слов.

Сравнительный анализ распределения сотрудников правоохранительных органов, в зависимости от количества привлечений к дисциплинарной ответственности, показывает, что существенных различий по группам опрошенных не выявлено. Однако к исполнительной ответственности чаще привлекаются сотрудники, отнесенные к группе риска.

Изучение индивидуально-психологических характеристик сотрудников проводили по таким позициям, как деструктивные установки, склонность к агрессии, предпочитаемые типы психологических защит, индивидуальные профили личностных расстройств, особенности межличностного общения, мотивационная сфера, отношение к жертве преступления.

Изучая особенности межличностного общения сотрудников различной степени деструктивности личности, мы установили следующее.

1. Осужденные - бывшие сотрудники правоохранительных органов - замкнутые и недоверчивые люди, зависящие при принятии решений.

2. Сотрудники, отнесенные к группе риска, очень общительны, им нравится быть в центре внимания, у них проявляется потребность быть принятыми людьми. В поведении наблюдаются некоторые элементы бахвальства.

3. Сотрудники, не склонные к деструктивному поведению, общительны, осторожны при принятии решений, более открыты при установлении близких эмоциональных отношений.

Анализ отношения сотрудников к образу жизни, который они ведут в настоящее время, своему положению в обществе, а также особенностей их мышления показал, что большинство обследуемых всех выделенных нами групп находятся на переходной стадии, то есть в состоянии изменения социальной роли. Это временная форма личности, через которую проходит почти каждый человек в своей жизни. Скорее всего, они пытаются адаптироваться к тем условиям, в которых оказались в данный промежуток времени. Может быть, одни ожидали от своей профессии больших возможностей, например, более сжатых сроков раскрытия преступлений, а имеющаяся материально-техническая база этого не позволяет, другие - более высокой социальной защищенности, а на деле получили низкую заработную плату и в итоге ограниченные возможности в обеспечении семьи, третьи - иллюзию о суперсплоченности коллектива сотрудников ПОО, которые по первому зову бегут и спасают друг друга, а в реальной жизни - усталость и озлобленность как результат того положения, в котором они находятся. Однако это ни в коем случае не означает, что эти люди разочаровались в своей профессии, может быть, они ищут новые возможности реализа-

ции себя в новом для них статусе с учетом специфики службы в правоохранительных органах.

Проведенное исследование развеяло также миф о склонности большинства сотрудников к агрессивному поведению. Если они и проявляют агрессию, то только в ответ на негативное обращение в их адрес.

Но о некоторой специфике проявления агрессивности в поведении сотрудников хотелось бы рассказать. Так, для сотрудников, работавших на момент обследования в правоохранительных органах (не склонных к деструктивному поведению и отнесенных к группе риска) характерно наличие общей деструктивности в поведении, выражающейся в ощущении, что за проявленную ими агрессию по отношению к окружающим наступит расплата.

Сотрудники, имеющие деструктивные отклонения (в нашей выборке это две группы сотрудников: отнесенные отделом кадров к группе риска и осужденные - бывшие сотрудники ПОО), склонны к проявлению спонтанной агрессии, то есть оно характерно для них вследствие действия направленного на них какого-либо раздражителя.

Как видим, сотрудники, отнесенные к группе риска при формировании деструктивных отклонений в области агрессии, выступают как бы промежуточным звеном между сотрудниками, не склонными к деструктивному поведению, и осужденными - бывшими сотрудниками ПОО. Если в их поведении будет доминировать боязнь наступления расплаты за причиненную агрессию, то они будут ориентированы на стиль поведения сотрудников, не склонных к деструктивному поведению. Если же будет

более выражена спонтанная агрессия, то - сотрудников, склонных к деструктивным отклонениям при выполнении обязанностей по должности. Следовательно, мы можем утверждать, что во многом делинквентное поведение сотрудников ПОО, скорее всего, проявится у сотрудников, отнесенных к группе риска, чем у сотрудников, не имеющих деструктивных отклонений, а способствовать этому может наличие у них склонности к спонтанной агрессии.

Анализируя эту информацию, можно предположить, что удерживающим от совершения сотрудниками противоправных действий фактором будет ощущение наступления расплаты за причиненную агрессию, а стимулирующим - склонность к спонтанной агрессии.

Следует обратить внимание и на такой факт, что, в основном, сотрудники не склонны к анонимной агрессии, то есть для них нехарактерно затаить обиду и мстить своим оппонентам из-за возникновения спорных или проблемных ситуаций.

Наиболее выраженные деструктивные установки, хотя и находящиеся в пределах нормы у обследуемых трех групп сотрудников ПОО, - завуалированная жестокость и обоснованный негативизм; у сотрудников, склонных к деструктивному поведению, показатели по открытой жестокости чуть выше среднего.

Сотрудники, имеющие установку на завуалированную жестокость по отношению к людям, голословно не заявляют о своем негативном отношении, не демонстрируют в обществе агрессивные проявления, однако склонны думать о большинстве окружающих отрицательно, могут делать недемонстративные пакости по отношению к другим. Присут-

ствующий обоснованный негативизм в суждениях сотрудников об окружающих их людях выражается в объективно обусловленных отрицательных выводах о некоторых типах людей и отдельных сторонах взаимодействия. Учитывая специфику работы сотрудников и то, что им по роду своей деятельности приходится регулярно общаться с криминально настроенными гражданами, возникновение такой деструктивной установки, как обоснованный негативизм, не вызывает удивления. С завуалированной жестокостью психологу необходимо работать на протяжении всей карьеры сотрудника, в противном случае развитие этой деструктивной установки будет способствовать еще большему озлоблению сотрудников по отношению к окружающим людям и формированию профессиональной деформации.

В процессе исследования предпочитаемых сотрудниками ПОО типов психологических защит нами было установлено следующее:

- для сотрудников, не склонных к деструктивному поведению и отнесенных к группе риска, характерен отрицательно-интеллектуализированно-проекционный тип психологической защиты. Другими словами, они при одновременном отказе воспринимать и осознавать проблемные ситуации вынуждены в связи со спецификой своей деятельности использовать чрезмерно умственный способ преодоления фрустрирующей ситуации без ее эмоционального переживания с переносом своих негативных личностных черт на других людей, вполне возможно на своих оппонентов по конфликту;

- для осужденных - бывших сотрудников правоохранительных органов, напротив, характерен проекционно-интел-

лектуализированно-отрицательный тип психологической защиты. Не приемлемые для них качества, чувства и мысли они приписывают другим людям, прибегая к повышенной интеллектуализации своих проблем при одновременном отказе от восприятия неприятностей.

При исследовании особенностей мотивационной сферы сотрудников мы получили следующие данные. У всех трех рассматриваемых нами категорий сотрудников более выражена житейская направленность при исполнении обязанностей по должности, выражающаяся в их потребности общаться. Можно сказать, что основным мотивом работы в правоохранительных органах для них стало желание находиться среди людей и появление новых контактов. На основе этого мы можем предположить, что чрезмерно долгое нахождение на службе и, как результат, отсутствие в семье не всегда можно считать показателем необходимости выполнения приказов и распоряжений своих руководителей, оно, вероятно, связано и с желанием быть в центре общения, азартом, который возникает в процессе работы (например, в процессе раскрытия убийства), нежеланием возвращаться в неблагоустроенную квартиру и т. д. Тем не менее, самая частая причина разводов сотрудников правоохранительных органов - их практически постоянное отсутствие дома. Эту особенность поведения сотрудников на службе можно отнести к разряду деструктивных форм. За выполнением должностных обязанностей в нерабочее время иногда скрывается отсутствие опыта и желания налаживать семейную жизнь и общаться с женой и ребенком, которые не получают должного внимания с их стороны. Зная, что они

в семейной области не преуспели, то есть не смогли должным образом воплотить роль отца и мужа, обеспечить материально семью, обустроить быт, сотрудники прибегают к таким формам психологических защит, как «отрицание» и «интеллектуализация». Это проявляется в следующих высказываниях: «Я не вижу особых причин у моей жены быть недовольной мной. Да, я редко бываю дома, но ведь я работаю, защищаю сон граждан. Я не могу раскрывать убийство и одновременно делать уроки с сыном. Это глупо». Такой категории людей гораздо проще быть на работе, где приходится отвечать, в основном, только за себя и можно показать свою значимость.

Среди мотивов, обеспечивающих общежитейскую направленность сотрудников, менее значимы «жизнеобеспечение» и «комфорт». Данный факт и подтверждает все изложенное. Поступая на службу в правоохранительные органы, сотрудники уже имеют информацию о невысоких доходах в этой области профессиональной деятельности. Однако, зная, что другие их потребности будут удовлетворены, а именно возможность общаться, проявить творческую активность и быть социально полезными окружающим, не обращают внимания на такой факт, как отсутствие комфорта и удовлетворительного уровня жизнеобеспечения. Данное обстоятельство демонстрирует нам два типа людей. Одни с такими мотивационными особенностями готовы жить в любых условиях, где их основные потребности будут реализованы как в коммуналке, так и в походных условиях, в горячих точках и т. д. Другие ожидают, что все тяготы и невзгоды первых лет сторицей вернутся при накопле-

нии нужных знакомств и юридическо-го опыта и позволят впоследствии реализовать общежитийские потребности.

Анализ модальностей подсознания сотрудников правоохранительных органов еще раз подтвердил, что они не склонны к проявлению агрессии. Следовательно, в большинстве своем это обыкновенные граждане, которые хотят жить в мире с окружающими их людьми. И если не задевать их интересов, они готовы проявлять лояльность к окружающим. Однако установка на открытую и завуалированную жестокость по отношению к преступникам становится приоритетной в их профессиональной деятельности, и у общественности создается мнение о том, что в милиции работают одни садисты, которые знают лишь один способ борьбы с преступностью - применение по отношению к ним силы. В самом деле, какой нормальный человек будет работать по 18 часов в сутки за гроши? Ответ напрашивается сам собой - имеющий возможность удовлетворять свои интересы, прячась за «красной корочкой». Отметим, что это мнение общественности, но не автора. *Большинство сотрудников милиции не склонны к проявлению агрессии, а вот применение жестких мер по отношению к преступникам они иногда приравнивают к должностным обязанностям, то есть принимают как норму.* Более черствыми и эгоистически настроенными по отношению к людям являются сотрудники, отнесенные к группе риска.

По отношению к своему будущему более позитивно настроены осужденные - бывшие сотрудники ПОО, они уже точно знают, что их жизнь не может быть связана с работой в милиции, и поэтому подготовили себя морально к работе

в других организациях. Работающие же сотрудники, будучи уверенными в своих возможностях и силах, побаиваются покинуть ряды правоохранительных органов, опасаясь потерять то положение, которое они имеют. Но когда встает вопрос об уходе на более высокооплачиваемую работу (конечно же, не в милиции), почти не задумываясь, ощущая поддержку юридического опыта и приобретенных в правоохранительных органах связей, решают его положительно. Ничего удивительного в этом нет: зарплата у милиционеров, как они сами выражаются, «ниже плинтуса» (от 8-15 тыс. рублей). Жилья нет, легально подрабатывать запрещено, последние льготы и то отобрали. Загруженность такая, что приходится перерабатывать, задерживаться по 18 час., про выходные нет и речи. Часы переработки не оплачиваются, не смотря на то, что это положение закреплено в Трудовом кодексе РФ.

Одна из самых с психологической точки зрения трудных групп - осужденные - бывшие сотрудники ПОО. Многие из них не смогли принять ситуацию осуждения и факт отбывания наказания в исправительном учреждении. После освобождения из мест лишения свободы именно им будет сложнее всего адаптироваться к новой жизни. Обладая навыком работы в правоохранительных органах, не приняв, не согласившись с наказанием, они могут пойти работать в другой лагерь - криминальный. Наверное, это одна из причин того, что возникла необходимость создания на базе государственных структур социального института, осуществляющего помощь после освобождения осужденных - бывших сотрудников и контролирующего их первые шаги на сво-

боду в целях противодействия рецидиву преступлений.

Вследствие тяжелых условий работы, связанных с постоянным риском для жизни и здоровья, невысокой материальной обеспеченностью, у сотрудников, работавших на момент обследования в милиции, наблюдались признаки незрелости и беспокойства, усталости.

Ненормированный рабочий график, загруженность на работе способствуют тому, что сотрудникам остается совершаться только в рамках своей профессиональной деятельности, в результате у многих из них наблюдается незрелость установок и мировоззрения.

Сотрудники демонстрируют высокий показатель незащищенности перед обстоятельствами, в которых они находятся. Они не могут прыгнуть выше своей головы и прийти с работы домой в 19 часов, когда объявляют какой-нибудь «антитеррор» или «антивихрь», и либо компенировать свое частое отсутствие дома возможностью провести с семьей выходные на достойном уровне, например, двухдневным отдыхом в санатории, так как заработная плата не позволяет. Да и от более близкого общения с криминалом они не застрахованы, любой желающий может легко узнать телефон и адрес милиционера и посетить его и его семью дома. Несмотря на то что сотрудники не чувствуют себя защищенными, они не испытывают потребности в защите, так как обладают навыком приспособляемости к любым социальным условиям. Они знают, что беззащитны, но в то же время и не ждут ее ни от кого. Менталитет сотрудников по отношению к этой проблеме таков: главная наша профессиональная задача - это защищать мирных граждан, а себя мы защи-

тим сами. Они не надеются, что государственные люди вспомнят о них и начнут разрабатывать социальную программу по обеспечению достойных условий работы и уровня жизни милиционеров. Тем не менее, несмотря на все трудности, связанные со службой в правоохранительных органах, сотрудники позитивно воспринимают свою профессиональную деятельность и испытывают чувство удовлетворения от результатов своей работы, способны адекватно воспринимать любые проблемные ситуации, считая их обычным жизненным явлением.

Подводя итог, следует отметить, что кардинальное реформирование системы управления силовыми структурами и подготовки кадров возможно, в том числе при условии фундаментальных психологических исследований процессов формирования личности сотрудника в современных условиях российской действительности, в направлении как его профессионального и личностного роста, так и криминальной деструктивности его личности. Отдельной проблемой, которая не входит в предмет настоящего исследования, остается психология формирования образа сотрудника силовых структур и правоохранительных органов в коллективном сознании граждан России.

Психологические особенности потерпевших по преступлениям, связанным с торговлей людьми

О. И. Бродченко

Аннотация: в статье рассматриваются основные формы торговли людьми и использования рабского труда в России, на основе проведенных исследований выявлены психологические особенности потерпевших по преступлениям такого рода, разработаны социально-психологические портреты основных групп пострадавших и рекомендации по организации продуктивного общения с ними в интересах выявления, расследования и профилактики преступлений.

Ключевые слова: торговля людьми, психологические особенности потерпевших, рабский труд, социально-психологический портрет.

The summary: in article the basic forms of a human traffic and slave labour use in Russia are considered, on the basis of the spent researches psychological features of victims on crimes such are revealed, socially-psychological portraits of the basic groups of victims and the recommendation about the organisation of productive dialogue with them in interests of revealing, investigation and preventive maintenance of crimes are developed.

Keywords: human trafficking, psychological peculiarity victims, slave labour, socially-psychological portrait.

В Российской Федерации за последние годы наиболее распространенными формами торговли людьми с целью эксплуатации, по результатам проведенного исследования, являются:

- торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации (в проституции, сфере развлечений, услугах сексуального характера, производстве и распространении порнографии);
- торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда на производстве (в неформальной и теневой экономике, в «потогонном производстве», при производстве контрафактной продукции) и торговля людьми в целях эксплуатации рабского труда в домашнем хозяйстве;
- торговля людьми с целью попрошайничества;
- другие (менее распространенные и редко официально регистрируемые) формы торговли людьми.

Основные формы торговли людьми и использования рабского труда в России

1. Торговля людьми с целью сексуальной эксплуатации

Более 80% пострадавших от транснациональной торговли людьми составляют женщины и дети, из которых 70% продаются в другую страну в целях сексуальной эксплуатации. По оценкам специалистов и экспертов, большинство женщин, занимающихся проституцией в крупных городах, — это мигранты из других стран или приезжие из небольших городов и сел, что делает их положение более сложным с точки зрения любых нарушений прав человека. Даже если такие мигранты и начинают заниматься проституцией добровольно, они ока-

зываются более уязвимы перед лицом дальнейшей эксплуатации вплоть до ее крайних форм, таких как торговля людьми и сексуальное рабство. Также иногда несовершеннолетние девочки, ушедшие из дома, являются объектом повышенного интереса «секс-бизнеса». Именно эти категории лиц подвергаются наибольшей эксплуатации и дискриминации.

Кроме внутригосударственной торговли с целью сексуальной эксплуатации, Россия выступает как страна приема, транзита и как страна-донор. В России получил широкое распространение вывоз женщин за границу для занятия проституцией в европейские страны, страны Ближнего Востока и Азии (Израиль, Турцию, ОАЭ, Таиланд), Австралию, страны Африки, а также США и Канаду.

Чаще всего перевозка женщин через границу осуществляется вполне легально, например, по туристической визе.

Причем, около половины из них вводятся в заблуждение относительно действительной причины выезда. При вербовке женщин и детей, как правило, цель их дальнейшей сексуальной эксплуатации скрывается. Им в основном предлагается выгодная работа или обучение. Иногда им открыто говорят о предстоящем занятии проституцией (такая тактика применяется вербовщиком по отношению, например, к женщинам, которые уже заняты в сфере коммерческих секс-услуг), но на самом деле они попадают в сексуальное рабство. Для контроля над ними используется алкоголь, наркотики, а также угрозы, шантаж и прямое насилие.

2. Торговля людьми с целью использования рабского труда на производстве и в домашнем хозяйстве.

Как и в случае с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации, Россия является страной приема, вывоза и транзита в международном криминальном бизнесе по торговле людьми с целью использования рабского труда. Такая торговля существует и внутри России, распространяясь в основном на категории безработных, лиц без определенного места жительства, детей из неблагополучных семей и не имеющих родителей. Однако основной по масштабам «группой риска» для данного вида торговли людьми все же являются мигранты, в первую очередь из стран СНГ, нелегально занятых на неквалифицированных работах. В их число входят мужчины и женщины в основном молодого и среднего возраста, с невысоким уровнем образования.

3. Эксплуатация людей в качестве «попрошаек».

Распространенной формой рабского труда является эксплуатация людей в качестве попрошаек или нищих. Для этого организаторы криминальных манипуляций с людьми часто «используют» тех, чей путь в легальную трудовую занятость затруднен или фактически закрыт - инвалидов, нелегальных мигрантов, пожилых. Таких рабов используют, как правило, для попрошайничества и перевозки наркотиков. Кроме того, известны случаи организации брачных «агентств» для инвалидов, которые также в ряде случаев оказываются каналами торговли людьми.

Эксплуатация инвалидов в форме принуждения к попрошайничеству распространена в крупных городах России, а также на автомобильных трассах, автотрассах, железнодорожных станциях, вокзалах и т.п.

4. *Другие формы торговли людьми: в целях использования в вооруженных формированиях, изъятия органов и тканей, эксплуатация солдат, задержанных и т.п.*

Существуют факты принуждения (вербовки) к участию в вооруженных формированиях. Также известны случаи использования людей для изъятия органов и тканей, незаконной эксплуатации солдат, мигрантов, задержанных для обслуживания работников военных, административных и контролирующих организаций (постройка дач, бань, ремонт, ведение домашнего хозяйства и пр.).

Следует подчеркнуть, что торговля детьми используется во всех вышеперечисленных формах преступной деятельности: с целью коммерческой сексуальной эксплуатации (детская проституция, производство порнографии), с целью эксплуатации их труда (детский труд в сфере производства и услуг, детский труд в домашнем хозяйстве), с целью попрошайничества, для трансплантации органов и тканей.

Жертвами преступлений сексуального характера являются и мальчики, и девочки. Для облегчения совершения с ребенком действий сексуального характера и вовлечения его в изготовление порнографических материалов детей нередко побуждают к употреблению спиртных напитков, наркотических средств, одурманивающих или психотропных веществ.

Формы эксплуатации часто сопровождаются унижениями, избиениями, сексуальным насилием, угрозами ребенку или его близким, а также применением наркотических средств.

Характеристика лиц «групп риска» - потенциальных жертв торговли людьми.

Существуют индивидуальные факторы риска, облегчающие эксплуатацию и торговлю людьми:

- бедность (уровень дохода, не обеспечивающий минимальных жизненных потребностей);

- отсутствие стабильной занятости и стабильного дохода;

- низкий образовательный уровень, отсутствие доступа к образованию;

- отсутствие семьи или неблагоприятная ситуация в семье (алкоголизм, насилие и т.п.);

- низкие правовая грамотность и уровень правосознания, влекущие рискованные модели поведения, и др.

Обычно выделяется несколько групп повышенного риска по отношению к торговле людьми, в первую очередь, женщины и дети. Среди женщин особенно уязвимы молодые, с низким уровнем образования, не имеющие стабильной работы или источника доходов, одинокие матери, испытывающие насилие или неблагоприятное положение в семье, занимающиеся проституцией. Среди детей особенно уязвимы дети из семей «социального риска» (малоимущих, с родителями-алкоголиками, испытывающие насилие в семье, других неблагополучных семей), из детских домов, не имеющие родителей, беспризорные и безнадзорные и т.п.

К группе риска независимо от пола относятся также инвалиды, малоимущие, наркозависимые люди, мигранты, лица без определенного места жительства, этнические группы, не принадлежащие к «основному» населению региона, особенно малые этнические группы из наиболее бедных стран.

По возрасту это - дети и подростки (до 18 лет); молодежь (18-25 лет), заканчивающая образование; молодые женщины (до 30 лет).

По месту жительства - жители небольших городов, сел, приезжие из села

в город или из малого города в большой.

По образованию - имеющие низкий уровень образования, прерванное школьное образование (незаконченное среднее), без профессионального образования или с незаконченным профессиональным образованием.

По роду занятий - безработные, в том числе, выпускники школ, училищ, интернатов, не имеющие постоянной работы, живущие на случайные заработки, женщины, занимающиеся проституцией, женщины (реже мужчины), занятые в сфере развлечений и модельном бизнесе, студенты, особенно приезжие, проживающие в общежитии (вербовка на время каникул и т.п.), мигранты, работающие на временных работах.

По мотивационным намерениям - имеющие миграционные намерения, в том числе согласные на нелегальную миграцию, ориентированные на работу или замужество за рубежом (например, клиенты агентств по трудоустройству за рубежом, «невесты по переписке», клиентки брачных агентств).

Чаще всего это люди, психологически склонные к рисковому поведению, пережившие насилие, в том числе, сексуальное и т.п. К ним применялись различные формы принуждения (долговая кабала, изъятие документов, насилие и др.).

Социально-психологические особенности потерпевших от преступлений, связанных с торговлей людьми

Среднестатистический социальный портрет жертвы включает пол и возраст жертвы, данные о социальном происхождении, образовании и профессии, се-

мейном положении, трудоустройстве и уровне доходов.

Среднестатистический психологический портрет жертвы торговли людьми может быть основан на том, что в ситуацию рабства чаще попадают люди с характерными психологическими особенностями, а в результате применяемых к ним в процессе эксплуатации различных способов воздействия у данных лиц проявляются последствия специфических психологических травм. Опытный специалист может распознать признаки таких посттравматических стрессовых травм, использовать данную информацию для идентификации жертв торговли людьми и более правильного (эффективного, щадящего) общения с ними.

Наиболее явными подобными признаками являются: расстроенное мышление, спутанность сознания, расстройство памяти и сна, высокая степень возбуждения, компульсивное поведение (компульсивное поведение — поведение, не имеющее рациональных целей, а осуществляющееся помимо воли, на основе навязчивых внутренних побуждений). Характеризуется желанием выполнять бессмысленные действия, которые становятся ритуальными и стереотипными. Их значение человек не осознает и не может освободиться от них даже в том случае, когда они воспринимаются им как доставляющие беспокойство и страдание. Воздержание от подобных действий может вызывать состояние тревоги, а их выполнение приносит временное удовлетворение) и др.

Психологические особенности женщин-потерпевших от торговли с целью сексуальной эксплуатации и специфика общения с ними

Основная часть потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ, является женщинами, больше половины из которых находятся в возрасте от 18 до 25 лет.

По данным проведенного нами исследования, у потерпевших от преступлений данного вида женщин наблюдаются ряд характерных особенностей. Зачастую это женщины со «слабой» конституциональной структурой, у них преобладают повышенная чувствительность к средовым воздействиям (сензитивность), ориентация на авторитет более сильной личности, конформность (конформность - тенденция человека изменять свое поведение под влиянием других людей таким образом, чтобы оно соответствовало мнениям окружающих, стремление приспособлять его к их требованиям), боязливость, что проявляется в значительной зависимости от других, излишней тревожности, склонности переживать свои проблемы молча, не делаясь ими с окружающими. В значительном количестве случаев такие черты доходили до уровня мнительности, когда реальные угрозы преувеличиваются в силу личностных особенностей. На таких женщин угрозы и запугивания имеют гораздо большее влияние, чем на основную массу людей.

Кроме того, для психологического портрета таких женщин свойственна неуверенность в себе, неустойчивая мотивация поведения, изменчивость настроения в сочетании с индивидуализмом, который проявляется в ригидном (сложно корректируемом) внутреннем свое-

образии личности, ориентированности на собственные критерии поведения, которые могут неадекватно соотноситься с реальной обстановкой. Такие люди из поступающей к ним информации делают не достаточно логичные выводы, которые трудно поддаются изменению. Чаще всего в основе такого внутреннего своеобразия лежат психологические комплексы, возникшие в связи с пережитыми психологическими конфликтами в детстве (юности). В дальнейшем поступающая информация преломляется через привычные страхи и усвоенные в прошлом стереотипы психологической защиты от психотравмирующих воздействий, что затрудняет рациональное мышление.

Среди данной категории пострадавших для объективного представления следует выделить несколько принципиально различных групп:

1. Женщины, искренне верившие в возможность выполнять обозначенную при вербовке нейтральную работу, но впоследствии сломленные физически и морально и вынужденные заниматься проституцией.

2. Женщины, рассчитывающие на предлагаемую нейтральную работу, но в случае хорошего приработка готовые оказывать сексуальные услуги отдельным мужчинам. Однако их принуждали заниматься проституцией со всеми и эксплуатировали.

3. Женщины, которые предполагают заниматься проституцией, но не рассчитывающие на нещадную эксплуатацию, выражающуюся как ущемление в оплате, несвобода в выборе, принуждение, издевательства, необходимость обслуживать большое количество клиентов, плохие условия содержания и т.д.

4. Женщины, повторно попадающие в подобную ситуацию. Зачастую - это профессиональные проститутки, которые знают, на что идут, готовые ради заработка терпеть любую эксплуатацию и не считающие себя жертвами торговли людьми. Если они попадают в условия особо жестокой эксплуатации, то считают, что им просто «не повезло».

Для характеристики пострадавших женщин (в большей степени относящихся к первым двум группам) следует учитывать, что условия жесткой сексуальной эксплуатации и систематического насилия оказали на них сильное стрессовое воздействие. Результатом этого могут быть: 1) фрагментация памяти, трудности в произвольном воссоздании картины событий, представлений о последовательности действий преступников; 2) потеря реального чувства времени; 3) апатия, вплоть до безразличия к своей судьбе; 4) возможность принимать решения, неадекватные сложившейся ситуации; 5) некоторые нарушения психики (могут проявляться в постоянном чувстве страха, горя, отчаяния, плаксивости или замкнутости, в нежелании общения, иногда в агрессивном поведении, гневливости и пр.).

Зачастую полученная психологическая травма не позволяет пострадавшим адекватно оценивать произошедшее, предпринимать оптимальные действия и правильно строить свое поведение. Они очень боятся огласки и мести со стороны торговцев людьми.

Из-за характерной потери веры в хорошие качества людей, боязни обсуждения произошедшего с ними (чтобы избежать неприятных воспоминаний, разглашения сообщенных ими сведений), рациональный ход мыслей таких потерпев-

ших в значительной степени блокирован, что мешает продуктивному общению.

При установлении психологического контакта с такими женщинами важно сначала выяснить вопросы об их устройстве, сомнениях и проблемах. В ходе общения нужно не торопить их с ответами, делать перерывы, ни в коем случае не оказывать давления, не допускать проявлений осуждения и предвзятого отношения (даже при наличии возможных выраженных неприятных личностных особенностей пострадавшей и ее поведения), демонстрировать определенное сочувствие, которое не должно переходить в жалость или вызывать сомнения в искренности.

В процессе всего общения следует соблюдать вежливый, уважительный тон и обращение, избегать сексуального жаргона, фамильярности, пристального разглядывания. Можно принять специфические термины, употребляемые пострадавшей, но если они не грубые, вульгарные или аморальные. Нельзя переходить на шуточный тон, улыбаться в серьезных для допрашиваемой моментах, но не стоит напускать на себя и излишнюю серьезность.

Психологические особенности потерпевших от использования рабского труда и специфика общения с ними

Потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 127.2 УК Российской Федерации, в большинстве случаев следственной практики в настоящее время являются безработные мужчины. В среднем их возраст превышает 30 лет, уровень дохода низкий.

На основании проведенного исследования также были выявлены характер-

ные психологические особенности таких людей. Чаще всего их отличает ориентация на внешние впечатления (экстраверсия), отсутствие склонности к анализу и обдумыванию своих реакций и поступков. Они обычно поступают спонтанно под влиянием окружающей обстановки и своих потребностей. При этом у них отмечена значительная степень социальной неконформности (слабой приверженности к общепринятым канонам и нормам поведения) в сочетании с зависимостью от более сильной личности.

Такие люди склонны к рискованному спонтанному поведению, особенно если это делается в группе и под влиянием уверенного лидера. Глубокие размышления, внутренние копания (самоанализ), критическая оценка окружающей ситуации, прогнозирование для них не характерны, чаще всего не удобная (настораживающая) информация быстро вытесняется из сознания. При низком уровне развития или наличии у данных лиц психической патологии возможны проявления асоциального поведения. Их настроение лабильно (может быстро меняться), а поступки сильно зависят от внешних воздействий, настроений группы или авторитетного человека.

Часто лица, пострадавшие от рассматриваемых преступлений, не знают о правах человека и (или) не осознают, что эти права нарушены.

Пострадавшие, как и в предыдущем случае, страдают из-за значительно увеличенного чувства вины - самообвинения в том, что с ними произошло. Это может быть одним из симптомов синдрома посттравматического стресса или результатом повторной виктимизации, возникающей из-за неправильного отношения окружающих (осуждения,

грубости и т.п.). Иногда такому человеку надо предоставить достаточно времени для принятия решения о необходимости его сотрудничества с правоохранительными органами.

Пострадавшие от таких преступлений часто считают себя недостойными помощи общества, так как нередко они на своем опыте убеждались, что окружающие к ним не испытывают сочувствия, обвиняя в произошедшем самих жертв.

В случаях юного возраста жертв торговли людьми, отсутствия у них полноценного жизненного опыта или недостаточного развития интеллектуальных способностей (дефекта личностного или интеллектуального развития) может потребоваться помощь квалифицированного специалиста (психолога), имеющего опыт работы с детьми или лицами с психическими дефектами.

Основные принципы обращения с пострадавшими от торговли людьми

Необходимо учитывать важность основных принципов, от которых зависит успешность построения отношений сотрудничества с пострадавшими:

- пострадавшие от торговли людьми должны рассматриваться как жертвы серьезного преступления, и необходимо избегать их ревиктимизации и криминализации представителями правоохранительных органов;
- безопасность пострадавших от торговли людьми и их близких должна быть важным приоритетом правоохранительных органов. Физическая безопасность, экстренная медицинская и психологическая помощь должны обеспечиваться независимо от согласия человека сотрудничать со следствием;

- необходимо отслеживать состояние потерпевшего и проводить оценку риска его безопасности и безопасности его близких на всех этапах следствия и судебного разбирательства, а также после их завершения (в том случае, если человек давал показания в суде);

- следует честно и открыто информировать потерпевшего о риске и ответственности, связанными с тем или иным решением, которое он должен принять (о даче свидетельских показаний и т.п.);

- полезно иметь контактную информацию специалистов государственных, негосударственных и международных организаций, с которыми сотрудники правоохранительных органов могут связываться, и куда они могут направить потерпевшего от торговли людьми для консультации или помощи.

Изучение позволило выявить основные условия, положительно влияющие на решение потерпевших о сотрудничестве с правоохранительными органами:

- личная безопасность и безопасность своих близких;

- наличие легального статуса в стране пребывания;

- дистанцированность от обвиняемых (возможность аудио- и видео-свидетельств, дача показаний без демонстрации лица);

- сохранение конфиденциальности персональных данных (особенно в случае эксплуатации в проституции).

В работе с такими потерпевшими полезно бывает обеспечить возможность присутствия независимого консультанта (психолога, человека, которому потерпевший доверяет), который может советовать и помогать ему справляться со сложными психологическими ситуациями.

Сегодня российское законодательство пока еще не представляет достаточных гарантий безопасности для пострадавших, признанных жертвами торговли людьми.

Данное положение дел нужно учитывать при разговоре с потерпевшими от подобных действий. Необходимо не допускать проявлений предвзятого отношения к таким людям. Это особенно важно в условиях, когда сама жертва часто не хочет быть «раскрыта», а наоборот старается по разным причинам скрыть свою ситуацию. Причем это характерно не только для женщин, пострадавших от сексуальной эксплуатации, но и для пострадавших от трудового рабства. Как показывают исследования, такие люди, во-первых, часто запуганы и сами вовлечены в криминальную деятельность (от нелегальной миграции и использования поддельных документов до распространения наркотиков и других преступлений). А во-вторых, часто предпочитают оставаться в ситуации рабства, так как видят в ней единственную возможность выжить. Они не верят, что государство обеспечит им помощь и защиту, и соответственно, не имеют достаточной заинтересованности в сотрудничестве со следствием.

Как уже говорилось, для создания атмосферы сотрудничества жертве торговли людьми должен быть обеспечен определенный уровень защиты и оказана первоначальная поддержка. Это необходимо хотя бы с той точки зрения, что от предоставления такой помощи зависит и само отношение к правоохранительным органам. Психологическое и физическое состояние потерпевших от торговли людьми после получения ими необходимой помощи нормализу-

ются. Получив поддержку, пострадавшие начинают более доверительно относиться к сотрудникам правоохранительных органов, давать более откровенную информацию о том, что действительно с ними произошло. Их поведение, как свидетелей преступления, становится более стабильным.

Государственные социальные службы - важное звено системы помощи и защиты лиц, пострадавших от торговли людьми. Эту работу в России ведет Министерство здравоохранения и социального развития в соответствии с ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» № 195-ФЗ от 10 декабря 1995 г. Этот закон впервые сформулировал понятие «трудной жизненной ситуации», объективно нарушающей жизнедеятельность гражданина, куда входит и ситуация насилия в семье или других видов насилия. На основании данного закона по договоренности можно включать и ситуации, в которые попадают лица, признанные пострадавшими от торговли людьми. Так-

же в этих вопросах возможно взаимодействие с неправительственными международными организациями. Возможна разработка протоколов о порядке сотрудничества правоохранительных органов и других (государственных неправительственных) организаций, оказывающих помощь жертвам торговли людьми, в ходе выявления, расследования и профилактики преступлений, судебного разбирательства и ресоциализации таких пострадавших.

Литература

1. Демидова Н.А. Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми/Учебное пособие. М. 2008. 312 с.
2. Журавлев С.Ю., А.М. Пигаев. Торговля людьми: механизм преступной деятельности/Научно-практическое пособие. М., Юрлитинформ, 2006.
3. Иванов С.А. Торговля людьми: уголовно-правовые аспекты и сравнительный анализ//Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 10. Ставрополь, СГУ 2005. Стр. 93-99.
4. Медицинские и психологические последствия торговли людьми/Prevention of human trafficking in the Russian Federation/www.iom/int.

Теоретические и практические основы исследования личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН России

Н. А. Харина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №07-06-00079а.

Аннотация: в статье подчеркивается актуальность исследований личностно-адаптационного потенциала сотрудников ФСИН; рассматриваются теоретические аспекты указанной проблемы; подчеркивается интегральный характер данного психологического феномена, обосновывается выделение его

ются. Получив поддержку, пострадавшие начинают более доверительно относиться к сотрудникам правоохранительных органов, давать более откровенную информацию о том, что действительно с ними произошло. Их поведение, как свидетелей преступления, становится более стабильным.

Государственные социальные службы - важное звено системы помощи и защиты лиц, пострадавших от торговли людьми. Эту работу в России ведет Министерство здравоохранения и социального развития в соответствии с ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в РФ» № 195-ФЗ от 10 декабря 1995 г. Этот закон впервые сформулировал понятие «трудной жизненной ситуации», объективно нарушающей жизнедеятельность гражданина, куда входит и ситуация насилия в семье или других видов насилия. На основании данного закона по договоренности можно включать и ситуации, в которые попадают лица, признанные пострадавшими от торговли людьми. Так-

же в этих вопросах возможно взаимодействие с неправительственными международными организациями. Возможна разработка протоколов о порядке сотрудничества правоохранительных органов и других (государственных неправительственных) организаций, оказывающих помощь жертвам торговли людьми, в ходе выявления, расследования и профилактики преступлений, судебного разбирательства и ресоциализации таких пострадавших.

Литература

1. Демидова Н.А. Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми/Учебное пособие. М. 2008. 312 с.
2. Журавлев С.Ю., А.М. Пигаев. Торговля людьми: механизм преступной деятельности/Научно-практическое пособие. М., Юрлитинформ, 2006.
3. Иванов С.А. Торговля людьми: уголовно-правовые аспекты и сравнительный анализ//Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 10. Ставрополь, СГУ 2005. Стр. 93-99.
4. Медицинские и психологические последствия торговли людьми/Prevention of human trafficking in the Russian Federation/www.iom/int.

Теоретические и практические основы исследования личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН России

Н. А. Харина

Исследования проведены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №07-06-00079а.

Аннотация: в статье подчеркивается актуальность исследований личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН; рассматриваются теоретические аспекты указанной проблемы; подчеркивается интегральный характер данного психологического феномена, обосновывается выделение его

различных компонентов; анализируются данные эмпирического исследования ЛАП сотрудников ФСИН; обосновывается классификация сотрудников по уровню развития ЛАП.

Ключевые слова: личностный адаптационный потенциал; адаптационные возможности; уровень стрессоустойчивости; нервно-психическая устойчивость; профессиональная адаптация; стрессогенные ситуации; регуляция психической деятельности; психическое здоровье личности.

The summary: in article the urgency of researches of personal adaptable potential of employees FSIN is underlined; theoretical aspects of the specified problem are considered; integrated character of the given psychological phenomenon is underlined, allocation of its various components is proved; the data of empirical research of PAWS of employees FSIN is analyzed; classification of employees by a level of development of PAWS is proved.

Keywords: personal adaptable potential; adaptable possibilities; level stability on stress; psychological stability; professional adaptation; stressogenic situations; regulation of mental activity; mental health of the person.

Профессиональная деятельность сотрудников ФСИН связана с выраженным психоэмоциональным напряжением, приводящим к переутомлению, возникновению различных эмоционально-стрессовых состояний, нервно-психическим и соматическим заболеваниям и, как следствие, снижению эффективности профессиональной деятельности. Не случайно к физическому и психологическому состоянию сотрудников ФСИН предъявляются по-

вышенные требования. Особую значимость в данном аспекте приобретает проблема развития различных адаптационных возможностей личности.

Традиционно в психологических исследованиях выделяют комплекс характеристик личности, определяющих успешность адаптации человека в самых разнообразных условиях жизнедеятельности, в частности, в экстремальных ситуациях. Данные характеристики взаимосвязаны и представляют собой один интегральный феномен - **личностный адаптационный потенциал (ЛАП)**, который рассматривается как системное свойство, заключающееся в способности личности адаптироваться к условиям окружающей среды. Чем выше уровень развития данного свойства, тем к более экстремальным условиям социальной и природной среды может приспособиться человек [1].

В числе характеристик, образующих ядро адаптационных возможностей личности, в первую очередь выделяют высокий уровень нервно-психической и эмоциональной устойчивости, соответствующий тип темперамента и свойств нервной системы, низкий уровень тревожности, адекватную самооценку личности, высокий уровень развития волевой регуляции, особенности Я-концепции, систему установок и смысложизненных ориентаций личности, уровень социальной референтности, особенности общения, наличие определенных черт характера и отсутствие явно выраженных акцентуаций, высокий уровень морально-нравственной ответственности личности и другие.

Личностный адаптационный потенциал представляет собой взаимосвязь физиологических, психологических и

социально-психологических особенностей человека, наиболее значимых для регуляции психической деятельности и процесса адаптации. Являясь интегральной характеристикой психического развития личности, ЛАП определяет границы ее адаптационных возможностей и уровень устойчивости к воздействию факторам. Характерно, что детальное исследование различных уровней данного психологического феномена позволяет строить обоснованные прогнозы относительно диапазона ответных реакций личности, в частности, ответных реакций в экстремальных ситуациях. Выявление уровня развития ЛАП - это в значительной мере выявление и латентных адаптационных способностей, которые могут быть явно не выражены в поведении субъекта достаточно длительное время, но обязательно проявят себя в тех или иных жизненных обстоятельствах, особенно в ситуациях стрессогенных, экстремальных.

Лица, обладающие высоким адаптационным потенциалом, наделены большими возможностями в социально-психологической адаптации к разнообразным условиям деятельности, а также имеют больше шансов по сравнению с другими восстановить функциональное состояние организма и вернуться к нормальной жизни после воздействия экстремальных факторов.

Основой профессиональной деятельности психолога-практика ФСИН должны являться знания в области диагностики, развития и коррекции личностного адаптационного потенциала сотрудников [2].

В проведенном нами исследовании (2007-2009 гг.) обобщены результаты комплексных теоретических и прак-

тических исследований по выявлению физиологических, психологических и социально-психологических особенностей, определяющих уровень развития личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН. Главная цель исследования заключалась в осуществлении классификации сотрудников ФСИН (на примере сотрудников отдела охраны) по критерию развития личностного адаптационного потенциала и разработке на основе данной классификации коррекционной программы по развитию личностного адаптационного потенциала.

В исследовании предполагалось обосновать и апробировать комплекс психодиагностических методик для изучения физиологических, психологических и социально-психологических составляющих личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН, а также разработать специализированную коррекционную программу (на примере специализированной психологической подготовки сотрудников отдела охраны), способствующую повышению уровня развития личностного адаптационного потенциала. Для решения поставленных задач использовались следующие методы: опрос (анкетирование), беседа, наблюдение, обобщение независимых характеристик, биографический метод, тестирование. Сформулированные в ходе исследования выводы, рекомендации и предложения были использованы в теоретической и практической подготовке будущих психологов-практиков на психологическом факультете Академии ФСИН России.

Остановимся на теоретических основах исследования личностного адаптационного потенциала.

В отечественной психологии накоплен немалый опыт в области изучения адаптационных возможностей личности. Большое внимание данной проблеме уделено в работах А.М. Богомолова, В.А. Бодрова, Н.Е. Водопьяновой, С.Ю. Добряка, Н.Л. Коноваловой, Д.А. Лентоньева, А.Г. Маклакова, А.А. Налчаджяна, С.Т. Посоховой, А.А. Реана, М.Е. Сандомирского, Е.С. Старченковой, Ю.В. Щербатовых и других ученых.

Анализ публикаций, посвященных ЛАП, показывает растущую частоту применения данного термина при констатации адаптационных возможностей личности. Вместе с тем, заметна неоднородность выводов подобных исследований, а также разноплановость определений данного психологического феномена [3].

Представляется весьма важной в рассматриваемом аспекте точка зрения А.Г. Маклакова, подчеркивающего, что личностный адаптационный потенциал - это взаимосвязь психологических особенностей человека, наиболее значимых для регуляции психической деятельности и процесса адаптации; интегральная характеристика психического развития личности, включающая: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, являющуюся ядром саморегуляции и определяющую степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности; опыт социального общения. Все перечисленные характеристики А.Г. Маклаков считает значимыми при оценке и прогнозе успешности адапта-

ции к трудным и экстремальным ситуациям, а также при оценке скорости восстановления психического равновесия. Личностный адаптационный потенциал обеспечивает эффективность процесса социально-психологической адаптации и определяется степенью соответствия «нормальному интервалу» психической и социально-нравственной нормативности [2].

Личностный адаптационный потенциал, по мнению С.Т. Посоховой, это интегральное образование, объединяющее в сложную систему социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности. С.Т. Посохова предполагает, что в адаптационном потенциале заложена латентность адаптационных способностей, своевременность и вектор реализации которых зависит от активности личности [4].

Самым общим и распространенным подходом к классификации адаптационных ресурсов является деление их на внутренние (личностные) и внешние (средовые). Так, А.А. Реан выделяет в структуре ЛАП два класса свойств личности. С одной стороны, это комплекс качеств, обеспечивающих приемлемость самовосприятия адаптанта, его внутреннюю комфортность (эмоциональное самочувствие, удовлетворенность собой, уверенность в своих силах и др.). С другой стороны, выделяется группа качеств личности, проявляющихся в различных аспектах взаимодействия адаптанта с социальным и предметным окружением (коммуникативная компетентность, практический интеллект, направлен-

ность на творческое достижение конструктивных целей и др.) [5].

Обобщая взгляды отечественных психологов на проблему личностного адаптационного потенциала, можно констатировать, что структурную основу данного феномена составляют ряд биологических (уровень нервно-психической устойчивости, тип темперамента, свойства нервной системы, уровень тревожности, уровень эмоциональности и др.), психологических (уровень развития волевой регуляции, тип самооценки личности, особенности Я-концепции, жизненные ценности, система установок, черты и акцентуации характера, ориентация на требования ближайшего окружения или на свое мнение и др.) и ряд социально-психологических факторов (социальная референтность, знание морально-нравственных норм, коммуникативные способности, уровень конфликтности, социальная и моральная поддержка, наличие/отсутствие морально-нравственной ориентации, особенности межличностных отношений, особенности общения, уровень групповой идентификации и др.).

Психологический уровень личностного адаптационного потенциала составляют в своей совокупности различные проявления основных сфер личности: сферы познавательных процессов, мотивационной сферы, эмоционально-волевой сферы, особенностей проявления характера, специфики способностей личности. Следует особо подчеркнуть, что значимость влияния различных психологических особенностей личности на уровень развития адаптационных возможностей, зависит, в первую очередь, от специфики деятельности субъекта. В нашем исследовании был сделан ак-

цент на особенностях профессиональной деятельности сотрудников ФСИН (сотрудники отдела охраны), в соответствии с чем и анализировалась специфика влияния различных психологических особенностей личности на развитие ее адаптационного потенциала. Детальный анализ влияния различных личностных психологических проявлений на адаптивные возможности личности в конкретных видах деятельности, в которые включен человек, играет ключевую роль в обосновании комплекса психодиагностических методик, с помощью которых возможно осуществление объективного и всестороннего исследования уровня развития личностного адаптационного потенциала. Учет специфики деятельности, в которой наиболее важно в конечном итоге повысить уровень адаптационного потенциала, влияет на вариативность составляющих указанного психодиагностического комплекса.

Следует подчеркнуть, что немалый опыт в изучении адаптационных возможностей личности накоплен в юридической психологии. Интерес к данной проблеме обусловлен, прежде всего, сложностью и напряженностью профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Длительное пребывание и функционирование в сложных экстремальных условиях часто является причиной возникновения стрессовых реакций, способствующих истощению адаптационных возможностей личности. Указанные факторы во многих случаях являются причиной психических и соматических нарушений. Сложностью и напряженностью отличается профессиональная деятельность сотрудников пенитенци-

арных учреждений. Их служба связана с постоянным контактом с криминогенным контингентом и вследствие этого несет в себе мощный негативный фактор - чрезмерное нервно-психическое напряжение, зачастую принимающее хронический характер.

Крайне необходима разработка практических мер по увеличению адаптационного потенциала сотрудников, который мог бы полностью отвечать сложным и динамичным ситуациям, связанным с выполнением профессиональной деятельности.

Проблемой адаптационных возможностей личности в юридической психологии занимались Ю.А. Александровский, Ю.А. Алферов, В.И. Белослудцев, А.А. Волков, М.Г. Дебольский, О.Г. Ковалев, В.Г. Козюля, В.М. Литвишников, С.А. Лузгин, В.С. Медведев, А.И. Папкин, А.В. Пищелко, В.М. Поздняков, В.И. Серов, Д.В. Сочивко, А.М. Столяренко, В.А. Семенов, А.Н. Сухов, А.А. Ушаков, А.И. Ушатиков, С.Д. Хачатурян, Г.С. Човдырова и другие ученые. В частности, осуществлен глубокий анализ проблемы профессиональной пригодности сотрудников, проблемы пограничных психических расстройств, состояний психической дезадаптации и профессиональной деформации и основы их профилактики, описаны механизмы регуляции эмоциональной устойчивости сотрудников, особенности коррекции и профилактики стрессогенных нарушений в экстремальных условиях профессиональной деятельности, исследован синдром выгорания и другие важные проблемы.

Особенности профессиональной адаптации сотрудников ФСИН к службе в различных учреждениях и под-

разделениях, проанализированные в работах А.М. Столяренко, М.Г. Дебольского, А.И. Папкина, А.И. Ушатикова, А.Н. Сухова, С.А. Лузгина, В.М. Позднякова, Е.Е. Гавриной, О.В. Стариковой, А.В. Чечковой и других исследователей, заключаются, прежде всего, в совокупности факторов, влияющих на успешность адаптации к службе, а также определенных личностных качеств сотрудников. Данные особенности профессиональной адаптации, по мнению исследователей, закономерно определяют успешность адаптации к профессии и в целом результативность профессиональной самореализации личности [6].

К внутренним условиям, обеспечивающим развитие личностного адаптационного потенциала, следует относить совокупность психологических свойств личности и особенности структуры личности. Так, А.И. Ушатиков и Б.Б. Казака, в психологической структуре деятельности сотрудников ИУ считают необходимым выделять побуждающий, познавательный, эмоциональный, коммуникативный, волевой блоки [7].

Побуждающий блок характеризуется профессиональными ценностями, целями и мотивами сотрудника, которые между собой тесно взаимосвязаны. Мотивы обеспечивают степень проявления активности и волевых усилий сотрудника при решении служебных задач. Эмоциональный блок связан с переживанием и проявлением чувств, обусловленных служебными обязанностями. Коммуникативный блок обеспечивается взаимоотношениями участников совместного труда («сотрудник-руководитель», «сотрудник-сотрудник»). Познавательный блок предусматривает знание личности и среды осужденных, процесса ис-

полнения наказания, конкретных условий деятельности. Его особенность проявляется в том, что зачастую сотрудник работает с недостаточной и неполной информацией, так как осужденные скрывают свои истинные намерения и цели.

Большое внимание в юридической психологии уделено изучению уровня стрессоустойчивости различных категорий сотрудников. А.М. Столяренко приравнивает понятие «стрессоустойчивость» к понятию «психологическая устойчивость», причем последняя понимается как свойство личности сотрудника не поддаваться неблагоприятным психологическим обстоятельствам решаемых задач, не снижать под их влиянием качество выполнения профессиональных действий. Это - сложное свойство. Оно зависит от многих других свойств личности, укрепление которых способствует повышению психологической устойчивости. Психологическая устойчивость сотрудников ФСИН индивидуальна, и тем выше у конкретного работника, чем больше сила внешнего психологического воздействия нужна, чтобы вызвать у него отрицательные изменения в психике и результатах служебной деятельности [8].

Подчеркнем значимость проблемы прогнозирования поведения людей в экстремальных условиях деятельности, а также оценки вероятности сохранения их здоровья и работоспособности после воздействия экстремальных факторов. Исследователи отмечают, что длительное напряжение биологических, физиологических, психологических сил организма ведет к истощению процессов управления регуляции организмом и к развитию состояния перенапряжения. Это, в свою очередь, может привести к

скованности психической деятельности, нарушению координации движений и действий и к искажению оценки информации об обстановке, времени, пространстве, снижению скорости и точности реакций, ухудшению памяти, мышления [9].

А.А. Деркач, О.А. Конопкин занимались исследованием готовности человека адекватно и быстро реагировать на возникновение экстремальных ситуаций. В.И. Лебедев указывает на то, что под экстремальными условиями следует понимать условия, которые могут оказывать на человека пагубное воздействие, представляя реальную угрозу его жизни и здоровью (психическому и физическому). Также, изучая поведение человека в экстремальных условиях, он обнаружил, что психическое стрессовое состояние может действовать даже положительно на психику человека, если в процессе профессиональной подготовки сформировалась своеобразная готовность к действию.

Успешные действия сотрудников ФСИН в экстремальных ситуациях во многом зависят от того, насколько они знают и учитывают свои собственные психологические особенности, влияние которых на поведение и деятельность наиболее активизируется именно в экстремальных ситуациях. В случае незнания указанных психологических особенностей, а также неумения эффективно управлять своим поведением и деятельностью, повышается вероятность снижения успеха, срыва действий, наступления нежелательных последствий в них весьма велика. Таким образом, успешность деятельности в экстремальных условиях, вероятность ошибок, срывов в работе во многом зависит от индивидуально-личностных

особенностей, характеристик нервной системы, особенностей интеллектуальной и мотивационной сфер, психических процессов и состояний [10]. Установлено, что лишь 12-25% из числа личного состава сотрудников правоохранительных органов сохраняют способность разумно действовать в экстремальных условиях, 75% - временно утрачивают ее, 10-12% - утрачивают на длительное время. Профессиональную активность в служебной деятельности проявляют обычно не более 20% сотрудников, 20% сотрудников - обречены на профессиональные психологические травмы.

Таким образом, успешность действий сотрудников органов, исполняющих наказания, в экстремальных ситуациях во многом зависит от того, насколько они знают и учитывают свои психологические особенности и обладают способностью сознательно регулировать свое поведение и деятельность.

Прокомментируем данные, полученные в ходе проведенного нами эмпирического исследования личностного адаптационного потенциала сотрудников ФСИН России. В исследовании использовались следующие методики:

1. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛОАМ) (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин) использовался в качестве базовой методики для изучения адаптационных возможностей личности. С помощью данной методики возможна объективная оценка значимых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития испытуемых.

Экспериментальным путем установлено существование тесной взаимосвязи между эффективностью выполнения

профессиональной деятельности личности и уровнем развития ее адаптационных возможностей. Наличие подобной взаимосвязи явилось определяющим фактом при выборе данной методики в качестве базовой для исследования особенностей личностного адаптационного потенциала. С помощью данной методики возможно осуществление классификации испытуемых на группы по критерию развития адаптивности (высокая, средняя, низкая), причем уровень общей адаптивности определяется при учете следующих психологических проявлений: адаптивные способности, нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность.

2. Методика «Определение эмоциональности» (В.В. Суворова) направлена на определение общего уровня эмоциональности личности: высокий, средний, низкий. Представляется важным использование данной тестовой методики для определения уровня развития личностного адаптационного потенциала.

3. «Опросник на выгорание» (МВІ) (К. Маслач, С. Джексон; адаптация Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой) предназначен для измерения степени «выгорания» в профессиях типа «человек-человек». Тест-опросник имеет три субшкалы: «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «редукция личных достижений». Чем больше сумма баллов по каждой субшкале, тем в большей степени у испытуемого выражены различные стороны «выгорания». О тяжести «выгорания» можно судить по сумме баллов всех субшкал. Мы предполагали выделение трех групп испытуемых по критерию выраженности профессионального выгорания (высокий, средний и низкий уровень выгорания).

4. Для изучения индивидуальных особенностей мотивации достижения испытуемых был использован «**Опросник потребности в достижении**» (Ю.М. Орлов). Тест направлен на выявление степени выраженности потребности человека в достижении успеха в любой деятельности (т.е. степени заряженности на успех). По сути, это потребность, превратившаяся в личностное свойство, установку. Методика направлена на изучение психологических компонентов ЛАП. Целью использования методики, в первую очередь, послужила необходимость разделения испытуемых на три группы по критерию выраженности потребности в достижении успеха: высокая, средняя и низкая. Чем выше данная потребность, тем в большей степени проявляются адаптационные возможности личности.

5. Исследование волевой сферы испытуемых мы проводили с помощью методики «**Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль)**» (Г.С. Никифоров, В.К. Васильев, С.В. Фирсова).

В результате применения вопросника в нашем исследовании были выделены три группы испытуемых по степени сформированности общей способности к произвольному самоконтролю (высокий, средний и низкий уровень самоконтроля). Общий показатель способности к самоконтролю является результатом обобщения данных по трем субшкалам теста: выраженность самоконтроля в сфере эмоций; выраженность самоконтроля в деятельности; выраженность социального самоконтроля (в поведении). Высокий уровень развития самоконтроля является основой для развития

адаптационных возможностей человека.

6. Уровень стрессоустойчивости испытуемых был определен по тесту «**Методика диагностики типа поведенческой активности**» (Л.И. Вассерман, Н.В. Гуменюк). Методика позволяет выделить три типа личности по поведенческой активности: 1) Тип А (коронарный тип) - сильно выраженное стремление к первенству, социальному превосходству, восприятие жизни как арены конкурентной борьбы, всегда актуальное желание быть неизменно первым, лучшим во всем. Кроме того, для личности данного типа на поведенческом уровне характерно яркое проявление активности, напряженности, амбициозности, часто несдержанности в чувствах, напористости и нетерпеливости в достижении цели (мотивация на успех). При встрече с препятствиями на пути к достижению поставленной цели личность типа А часто может проявлять не только настойчивость, но и агрессивность; 2) тип АВ (промежуточный (переходный) - активная и целенаправленная деловитость, разносторонность интересов, умение сбалансировать деловую активность, напряженную работу со сменой занятий и умело организованным отдыхом. Лица типа АВ не показывают явной склонности к доминированию, но в определенных ситуациях и обстоятельствах уверенно берут на себя роль лидера; для них характерна эмоциональная стабильность и предсказуемость в поведении, относительная стрессоустойчивость, хорошая приспособляемость к различным видам деятельности; 3) тип В - определенная тенденция к поведенческой активности, характерна рациональность.

С помощью данной методики мы классифицировали испытуемых на соответствующие группы.

7. Для определения различных свойств внимания в нашем исследовании применялась методика **«Коррекционная проба»** (Бурдон), предназначенная для диагностики показателей продуктивности и устойчивости внимания. Данная методика удобна для первоначального ознакомления с особенностями психических процессов испытуемого, для прогнозирования успешности профессиональной деятельности в тех областях, где предъявляются высокие требования не к отдельным характеристикам внимания, а ко всем. Также к достоинствам этой методики можно отнести ее чрезвычайную компактность, оперативность, что позволяет использовать ее при экспресс-диагностике сотрудников отдела охраны, заступающих на службу с оружием. Испытуемым предъявляется бланк с различными буквами, в котором они должны в каждом ряду вычеркивать определенную букву согласно инструкции. Работа проводится на время с требованием максимальной точности.

8. «Метод цветовых выборов - МЦВ» (Л.Н. Собчик; за основу взят тест М. Люшера) с использованием восьмицветового ряда пользуется широкой популярностью как инструмент для выявления эмоционально-характерологического базиса личности и тонких нюансов ее актуального состояния. Данный тест в нашем исследовании использовался в диагностических целях до и после проведения специальной коррекционной программы, с целью отслеживания динамики изменения состояния испытуемых по синему и черному цвету. Синий и черный цвет из вось-

мицветовой палитры М. Люшера были выбраны не случайно. По В. Кандинскому, синий цвет - «небесная краска», черный - «ничто» (Б.А. Базыма). Синий и черный цвет в тесте М. Люшера занимают практически полярные позиции: синий цвет, или «первый» цвет, символизирует полное спокойствие и является предпосылкой умения сопереживать, эстетических переживаний и медитативной созерцательности. Черный цвет, или «восьмой» цвет говорит о стремлении к разрушению, враждебном отношении, отказе от выполнения требований. Сочетание синего цвета - (на первой позиции) и черного (на восьмой) свидетельствует о стремлении к избеганию конфликта за счет повышения самоконтроля при самостоятельности и независимости.

Для обработки тестовых данных, полученных в ходе экспериментального исследования личностного адаптационного потенциала, нами была использована компьютерная программа Psychometric Expert 6, направленная на получение, хранение и обмен экспериментальными данными для формирования единой научно-исследовательской среды.

Количественная обработка полученных данных осуществлялась с помощью математических методов исследования: STATISTICA 6.0 и SPSS 15, а также с помощью методов математической статистики (корреляционный анализ, коэффициент Стьюдента).

Основная цель собственно экспериментального исследования состояла в классификации испытуемых по критерию развития личностного адаптационного потенциала и разработке на основе данной классификации коррекционной программы по развитию ЛАП сотрудников ФСИН.

Исследование ЛАП сотрудников отдела охраны проводилось в четыре этапа:

Первый этап - информационно-аналитический. На данном этапе проводился анализ теоретических источников с целью осмысления проблемы исследования, степени ее разработанности, подбор соответствующего диагностического инструментария в соответствии с определенными целями и задачами, формулировка теоретических положений исследования.

Второй этап - эмпирический. В целях проверки выдвинутых гипотез проводился эмпирический сбор материала - диагностика психологических составляющих ЛАП сотрудников. Проводилась обработка полученных эмпирических данных методами математической статистики с помощью корреляционного анализа. Для обработки данных мы использовали компьютерную программу Psychometric Expert 6, STATISTICA 6.0 и SPSS 15.

Третий этап - опытно-развивающий. На данном этапе разрабатывалась и осуществлялась реализация коррекционной программы по развитию ЛАП сотрудников ФСИН.

Четвертый этап - заключительный, на котором была проведена обработка и осмысление полученных эмпирических данных, их анализ, интерпретация, систематизация и обобщение, сформулированы выводы.

В нашем исследовании участвовало 80 сотрудников младшего начальствующего состава отдела охраны УФСИН России по Кировской области.

На основании проведенного эмпирического исследования была осуществлена классификация сотрудников отдела охраны по уровню развития ЛАП. Выделены три группы испытуемых:

Первая группа (50%) отличается высоким уровнем адаптированности, низким уровнем эмоциональности и низким уровнем выгорания. Испытуемые этой группы достаточно легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения, в том числе и в новых, сложных условиях жизни и деятельности. Отличаются активностью в поведении с окружающими. Как правило, не конфликтны, достаточно адекватно оценивают свои личностные ресурсы и возможные последствия конфликтов. Обладают высокой эмоциональной устойчивостью.

Потребность в достижении - высокая. Сотрудники могут успешно справляться с большей частью организационной и руководящей деятельности. Присуща потребность изобретать новые приемы работы в исполнении самых обычных дел, творческое отношение к любому виду деятельности. Хорошо работают в коллективе, готовы принять помощь и помогать другим, чтобы совместно испытать радость успеха и удовлетворение от конечного результата деятельности.

Самоконтроль в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль) находится на высоком уровне. Это объясняется высоким уровнем персональной ответственности, который еще больше возникает в условиях несения службы с оружием, постоянно меняющейся оперативной и служебной обстановки, контролем поведения как в служебное время, так и в остальное (личное). Также характерна определенная тенденция к поведенче-

ской активности типа В, рациональность в поведении, способность к длительной и устойчивой концентрации внимания, терпеливость.

Внимание расценивается в основном как высокопродуктивное и устойчивое.

Вторая группа (38,75%) отличается средним уровнем адаптированности, средним уровнем эмоциональности и средним уровнем выгорания. Большинство лиц этой группы обладают признаками различных акцентуаций. Характерными проблемами этой группы сотрудников являются нарушения в зоне контакта со значимыми людьми (начальством, сослуживцами). Они устанавливают контакты достаточно легко, но избирательно. Достаточно адекватно оценивают свою роль в коллективе, ориентируются на соблюдение общепринятых норм поведения, но не всегда способны их соблюдать. Чрезмерный контроль со стороны руководства является значимым фактором, определяющим напряженность труда и угрозу социальному благополучию, так как велика вероятность совершить ошибку в деятельности, которая повлечет за собой санкции вплоть до увольнения.

Средний уровень потребности в достижении: стараются так распределить силы, чтобы в случае неудачи иметь путь к отступлению. Рассчитывают скорее на себя, чем на поддержку коллектива. Не силен дух соперничества. Их больше привлекает спокойная, размеренная деятельность. Достаточно упорны, целеустремленны, хотя нельзя сказать, что полностью подчиняют свои интересы стремлению достичь цели.

Могут успешно справляться с работой, не требующей значительных орга-

низаторских усилий. Иногда им может не хватать настойчивости. Преобладающие стремления к избеганию неудач; в достаточной степени выражен самостоятельный мотив. Большое значение придается общечеловеческим ценностям, однако, стремление к профессиональному росту незначительное. Присутствует понимание собственных возможностей в достижении поставленных целей, однако, при этом не всегда проявляется инициатива и находчивость при решении поставленных задач.

Также характерна определенная тенденция к поведенческой активности типа АВ: не показывают явной склонности к доминированию, но в определенных ситуациях и обстоятельствах уверенно берут на себя роль лидера; для них характерна эмоциональная стабильность и предсказуемость в поведении, относительная устойчивость к действию стрессогенных факторов, хорошая приспособляемость к различным видам деятельности. Характерно внимание, которое по началу является ослабленным, но по мере вхождения человека в работу, усиливается.

Третья группа (11,25%) - низкий уровень адаптированности, высокий уровень эмоциональности и высокий уровень выгорания. Проблема сменного графика охранной службы, присутствие длительных ночных смен в графике выключают сотрудников из социального окружения и усиливают их отстраненность и ослабление социальных связей, усиливая дезадаптивное поведение. Сюда вошли лица, у которых были проблемы со служебной дисциплиной (опоздания, прогулы, злоупотребления алкогольными напитками, неисполнительность), а также проблемы личного ха-

рактера (грубость, конфликтность и т.д.). Сотрудники этой группы обладают признаками явных акцентуаций характера, низкой нервно-психической устойчивости и целеустремленности, понижения работоспособности и ухудшения состояния здоровья. Могут допускать асоциальные поступки.

Присущ в основном низкий, ниже среднего, уровень потребности в достижении. Придерживаются точки зрения, что невозможно достичь успеха в любом начатом деле. В своей работе использует проверенные методы, дающие не лучший, но надежный результат. Испытывает чувство удовлетворения, когда задача оказывается проще, чем ожидалась, и успех пришел легко. Карьерный рост и материальное благополучие достигается только при помощи удачного стечения обстоятельств, а не за счет собственных усилий. Реальными мотивами выполнения служебных обязанностей выступает стремление избежать личной ответственности и отрицательной оценки результатов своей работы. Появляется пессимизм в оценке результатов своего труда. Явно не хватает целеустремленности, настойчивости, работоспособности, что отрицательно сказывается на деловых качествах. В то же время, возможно, присущи такие положительные качества, как мягкость, доброта, чувствительность, способность сопереживать, сочувствовать. Непонимание и недооценка собственных возможностей в достижении поставленных целей, отсутствие инициативы и находчивости при решении поставленных задач. Низкая увлеченность служебной деятельностью и низкий интерес к ее результатам. Практически полное отсутствие состязательного мотива; ярко выражен мотив

избегания неудачи. Отсутствие стремления к профессиональному росту и самосовершенствованию. Результаты служебной деятельности не относятся к личностно значимым. Появляется пессимизм в оценке результатов своего труда. Для испытуемых выражена поведенческая активность - тип А: преувеличенная потребность в деятельности; постоянное напряжение душевных и физических сил; нетерпеливость, стремление делать все быстро; импульсивность, эмоциональная несдержанность; склонность к соперничеству и признанию, амбициозность, агрессивность по отношению к субъектам, противодействующим осуществлению планов. Характерно неустойчивое, утомляемое внимание. Лица этой группы требуют индивидуального подхода, постоянного наблюдения, коррекционных мероприятий.

Особое внимание практическому психологу исправительного учреждения необходимо уделять работе с так называемой «проблемной» группой - сотрудниками, у которых выявлен низкий уровень развития ЛАП. Также необходима соответствующая работа с сотрудниками, принадлежащими ко второй группе - лица со средним уровнем развития ЛАП (38,75% от общей выборки), поскольку некоторые компоненты указанного психологического феномена у них, как правило, находятся на достаточно низком уровне развития. Весьма важной представляется проблема развития уровня личностного адаптационного потенциала сотрудников указанных групп, и решение данной проблемы возможно лишь при достаточном уровне развития основных составляющих ЛАП, представленных на биологическом, психологическом и социально-психологическом

уровнях. Вышеуказанная классификация сотрудников явилась основой для разработки специализированной психокоррекционной программы по развитию ЛАП сотрудников отдела охраны.

Литература

1. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб, 2005. С. 466.
2. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях//Психологический журнал. 2001. Т. 22. №1.
3. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа//Психологическая наука и образование, 2008, № 1. С. 67.
4. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: монография. СПб., 2001.
5. Реан А.А. Психологическая адаптация личности/А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. СПб, 2008. С. 82.
6. Старикова О.В. Психология развития профессионального адаптационного потенциала младших инспекторов отдела охраны и безопасности исправительных учреждений: Дис. ...к. пс. н.: 19.00.06 - Рязань, 2007.
7. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Рязань, 2003.
8. Столяренко А.М. Психологическая подготовка личного состава ОВД: Учебное пособие. М., 1987. С. 8.
9. Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003. С. 19.
10. Литвишков В.М., Семенов В.А., Корнеева Г.К., Корнеев В.Н. Психология деятельности сотрудников федеральной службы исполнения наказаний в экстремальных условиях. М., 2008.

Возможности юмора как регулятора стресса

М. М. Абдуллаева

Аннотация: данная статья посвящена изучению возможности юмора как регулятора стресса. Целью нашего исследования было изучение эффективности использования юмора для смягчения эмоциональных последствий умеренно сильных стрессоров. Основная идея исследования заключалась в сравнительном анализе сдвигов в состояниях респондентов, принимавших участие в просмотре специально подобранных видеороликов. Полученные результаты позволяют подтвердить действие юмора как механизма регулирования эмоций - усиливать положительные чувства (удовольствие, комфорт, радость) и ослаблять негативные - тревогу, подавленность, гнев. Но дополнительные возможности которого еще предстоит изучать.

Ключевые слова: юмор, стресс, комические видеоролики, трагические видео-

ролики, эмоциональные состояния, тревога, гнев, депрессия, радость, удовольствие.

The summary: we report here on humor as a regulator of stress. We supposed that humor can be effective mean for reducing of negative emotional consequences of middle-strength stressors. We compared emotional states of subjects (36 persons in total) before and after the demonstration of two video - comic and tragic. It was confirmed that humor intensified psychological well-being and reduced negative emotions such as anxiety, anger, depression. The results show the necessity to work out detailed and specific principles of using humor as a stress regulator.

Keywords: humor, resources of comic, stress, emotional states, comic video, tragic video, anxiety, anger, depression,

уровнях. Вышеуказанная классификация сотрудников явилась основой для разработки специализированной психокоррекционной программы по развитию ЛАП сотрудников отдела охраны.

Литература

1. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб, 2005. С. 466.
2. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях//Психологический журнал. 2001. Т. 22. №1.
3. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа//Психологическая наука и образование, 2008, № 1. С. 67.
4. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: монография. СПб., 2001.
5. Реан А.А. Психологическая адаптация личности/А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. СПб, 2008. С. 82.
6. Старикова О.В. Психология развития профессионального адаптационного потенциала младших инспекторов отдела охраны и безопасности исправительных учреждений: Дис. ...к. пс. н.: 19.00.06 - Рязань, 2007.
7. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Рязань, 2003.
8. Столяренко А.М. Психологическая подготовка личного состава ОВД: Учебное пособие. М., 1987. С. 8.
9. Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003. С. 19.
10. Литвишков В.М., Семенов В.А., Корнеева Г.К., Корнеев В.Н. Психология деятельности сотрудников федеральной службы исполнения наказаний в экстремальных условиях. М., 2008.

Возможности юмора как регулятора стресса

М. М. Абдуллаева

Аннотация: данная статья посвящена изучению возможности юмора как регулятора стресса. Целью нашего исследования было изучение эффективности использования юмора для смягчения эмоциональных последствий умеренно сильных стрессоров. Основная идея исследования заключалась в сравнительном анализе сдвигов в состояниях респондентов, принимавших участие в просмотре специально подобранных видеороликов. Полученные результаты позволяют подтвердить действие юмора как механизма регулирования эмоций - усиливать положительные чувства (удовольствие, комфорт, радость) и ослаблять негативные - тревогу, подавленность, гнев. Но дополнительные возможности которого еще предстоит изучать.

Ключевые слова: юмор, стресс, комические видеоролики, трагические видео-

ролики, эмоциональные состояния, тревога, гнев, депрессия, радость, удовольствие.

The summary: we report here on humor as a regulator of stress. We supposed that humor can be effective mean for reducing of negative emotional consequences of middle-strength stressors. We compared emotional states of subjects (36 persons in total) before and after the demonstration of two video - comic and tragic. It was confirmed that humor intensified psychological well-being and reduced negative emotions such as anxiety, anger, depression. The results show the necessity to work out detailed and specific principles of using humor as a stress regulator.

Keywords: humor, resources of comic, stress, emotional states, comic video, tragic video, anxiety, anger, depression,

joy, fun, psychological well-being, psychological assistance.

Современные условия жизни и деятельности человека часто связаны с негативным воздействием на него экологических, социальных, профессиональных и других факторов. Усложнение информационно-среды, нехватка времени, интенсивное общение с людьми, рост ответственности за принятые решения на фоне экономической нестабильности мира в целом приводят к повышению физических и эмоциональных нагрузок на человека, ухудшению функционального состояния, изменению личностного статуса, нарушению профессиональной эффективности, развитию психосоматических заболеваний или невротических расстройств. Это обуславливает интерес исследователей к изучению природы стресса, развитию и формированию стрессоустойчивости, способностей человека совладать с трудностями, предъявляющими повышенные требования к его адаптационным возможностям [1, 2 и др.]. При этом сфера изучения профессионального стресса наиболее востребована практикой, поскольку непосредственно связана с сохранностью трудоспособности и психического здоровья квалифицированной части населения [5]. Психологическое благополучие человека с точки зрения позитивной психологии - это не просто отсутствие у него психических или невротических нарушений, это возможность контролировать свою эмоциональную жизнь, акцентируясь преимущественно на переживании позитивных эмоций, способность устанавливать и поддерживать доверительные и длительные отношения со значимыми людьми, и наконец, уметь совла-

дать со стрессом, трудными жизненными ситуациями.

Существует множество способов преодоления и компенсации последствий стресса, увеличения психологических ресурсов человека в его профессиональной деятельности [7]. Одним из таких способов, которому уделено мало внимания при общем признании его источником силы и энергии в любых экстраординарных жизненных и профессиональных ситуациях, является юмор. О лечебных свойствах юмора люди говорят с древнейших времен, в исторических и литературных источниках прошлого и современности мы находим множество размышлений о пользе юмора и смеха, разработку типологии форм и средств юмора, рассуждения об объектах и субъектах юмора и т.п. Нетрудно предположить, что юмор поднимает привлекательность, престиж источника сообщения и обеспечивает хорошее настроение окружающим, но в реальности все не так однозначно в связи с потенциалом комического актуализировать различные значения. Юмор зачастую не универсален и не переносится из одной культуры в другую. Если к этому добавить характеристики ситуации, ее пространственно-временные, национальные особенности, то задача генерации смешного, его восприятия и понимания субъектами социального взаимодействия становится более сложной. Существуют различные подходы, пытающиеся объяснить предпочтения тех или иных форм юмора в коммуникации. Например, разная выраженность потребности в познании приводит к появлению аффективного юмора, обыгрывающего очевидные слабости людей, излишества, агрессивные или эротиче-

ские темы, и противоположного ему познавательного юмора, юмора «тонкого вкуса», требующего специальной «работы» по его пониманию [8]. Возможно, именно поэтому грубые и простые шутки популярны среди детей и подростков, в то время как сатира и ирония ценятся более взрослыми и образованными людьми. Выделяют множество различных способов выражения юмористического: сарказм, преувеличение или преуменьшение, самоирония, поддразнивание, парадокс, оксюморон или игра слов, двусмысленность, остроумие, ирония, сатира, пародия [15]. Юмор имеет различные литературные формы - анекдот или шутка, монолог, диалог, рассказ и т.п. Юмор может быть представлен в виде карикатуры, рисунка, фото. Юмор может быть: оружием, средством нападения (насмешка); средством установления контакта и передачи информации (шутка, юмореска, фельетон); воспитателем, стремящимся донести до воспринимающего субъекта «вечные истины», нравственные нормы (пословицы, поговорки); своеобразным щитом, за которым можно скрыть свое отношение, мнение, состояние в случаях, когда это необходимо (анекдот, каламбур) [3].

В связи с отсутствием строго однозначного, единого и удовлетворительного определения в нашей работе «юмор» употребляется в самом широком значении, в качестве родового понятия, как синоним «комического». В этом смысле юмор содержит в себе не только «добродушное, забавное, шутливое», но и «саркастическое, ироническое, сатирическое». Многие современные авторы противопоставляют юмор и сатиру как позитивный (жизнеутверждающий) и негативный (деструктивный) виды комиз-

ма. Н. Куипер, Ж. Керш и др. (2004) выделили три типа юмора: 1) социальный юмор, направленный на установление эмоционально теплых межличностных отношений; 2) сальный, агрессивный юмор; 3) нарочитый юмор, ориентированный на демонстрацию собственного остроумия. Если первый тип юмора, как правило, имеет позитивный смысл точки зрения адаптации личности в социуме, то следующие два — негативный [14].

Юмор и смех - феномены, присутствующие во всех культурах, свойственные каждому человеку, возникающие в любой ситуации общения. Комическое — это мощный способ укрепления социальных связей, повышения групповой сплоченности за счет совместного переживания сильных положительных эмоций, высмеивания недостатков «чужой» группы и подчеркивания превосходства «своей». Это основа этнического юмора у представителей меньшинств, служащего укреплению национальной солидарности и морального духа. В повседневных социальных взаимодействиях юмор возникает случайно или когда люди рассказывают друг другу анекдоты с целью развеселить, вызвать смех и преднамеренно используют шутки для улучшения атмосферы общения. Но пока мало работ, демонстрирующих компенсаторные возможности юмора в силу сложности его изучения, связанной с ситуативностью смешного (то, что смешно в одной ситуации, обязательно будет смешным в другой), индивидуальными различиями в восприятии и создании смешного. Неслучайно, один из специалистов в области психологии юмора Р. Мартин (2009) сетует на то, что результаты экспериментальных лабораторных исследований смягчающего вли-

яния юмора на стресс «не всегда можно воспроизвести», а «их довольно искусственный характер не позволяет перенести полученные результаты на повседневные переживания» [7, С. 326]. И тем не менее, исследователями в этой области отмечаются 4 основных позитивных эффекта использования юмора в разных его формах: 1) улучшение физического самочувствия со стороны сердечной, дыхательной, эндокринной систем и текущего состояния, которое связывается с хорошим настроением, желанием улыбаться и позитивно относиться к миру; 2) рост творческой активности, креативности в решении задач в связи с шутливым обыгрыванием трудностей, ведущим к уверенности в достижении успеха, 3) катализирующий эффект в перенесении и облегчении всех видов боли и страданий; 4) повышение адаптивных возможностей в любой трудной ситуации, ресурс сопротивления стрессу [7, 11]. В работе группы психологов из Центров управления полетами на основе проведения контент-анализа переговоров с космонавтами было показано, что соотношение рабочих и нерабочих (шутливых по тематике) тем было приблизительно 1 : 2,5 в ситуации изоляции команды из 4-х мужчин от 27 до 42 лет в течение 110 суток. Исследователи по этим данным и данным субъективных отчетов утверждают, что добрый юмор, шутки способствуют снятию напряжения и выполняют регуляционно-коммуникативную функцию общения в профессионально-стрессовой ситуации [10].

Юмор как комплексный феномен включает несколько аспектов его рассмотрения специалистами из разных областей - лингвистами, социологами,

психологами, этологами: 1) создание юмористического, изучение его природы, заложенное еще в трудах Аристотеля, 2) оценивание юмора, понимание смешного, 3) чувство юмора как персональная черта, как естественная склонность смеяться над разными вещами, включая самого себя. И ядром, объединяющим все три аспекта изучения комического, является личность, создающая, понимающая и использующая юмор в своей жизнедеятельности. Хотя на поведение людей во многом влияют ситуативные факторы, например, шутки на вечеринке ожидаемы с большей вероятностью, чем на похоронах, все-таки одни люди используют юмор с большей готовностью, чем другие.

Для описания характерных особенностей этих людей исследователи используют понятие «чувство юмора», «не-что подобное чувству прекрасного в искусстве или тонкому слуху для восприятия музыки», как очень желательное, но плохо определенное свойство личности [7, С. 226]. По Л. Омуйк (1939), чувство юмора «настолько всеобъемлюще и высоко ценимо, что сказать о человеке: «У него замечательное чувство юмора», - почти синонимично высказыванию: «Он интеллигентный, компанейский человек, и я его очень люблю»» [Цит. по: 7, С. 227]. При этом большинство людей считают, что обладают чувством юмора, которое связывается с другими желательными качествами и характеристиками - дружелюбием, отзывчивостью, богатым воображением, креативностью, проницательностью и др. Возможно, поэтому 94 % участников исследования оценили собственное чувство юмора как среднее или выше среднего [16].

Сложность и методологическая трудность изучения разных аспектов юмора при его очевидной важности в различных областях человеческой жизни привела к отсутствию общепсихологической концепции комического, которая позволила бы связать разного рода исследования на единой основе. Можно только отметить смену подходов к юмору от рассмотрения его как преимущественно агрессивного и отчасти социально неуместного к психологически здоровому и социально одобряемому. Подтверждением тому в настоящее время является обилие телепередач юмористической направленности, популярность писателей-сатириков, комедийных героев и фильмов. Ни одно периодическое издание, экспертное или популярное, не обходится без элемента комического - анекдота или карикатуры. Все чаще встречается использование приемов комического в рекламе, несмотря на запрет небожителя рекламного бизнеса Д. Огилви на его использование [9].

Подводя краткие итоги, можно утверждать, что разные подходы в исследованиях личности предполагают различные способы концептуализации и измерения чувства юмора:

а) как привычный паттерн поведения (склонность часто шутить, развлекать других и смеяться в ответ на юмор других людей);

б) как способность (генерировать, понимать и запоминать шутки);

в) как черта характера (смешливость, жизнерадостность, игривость);

г) как эстетическая реакция (получение удовольствия от конкретных типов юмористического материала);

д) как установка (положительное отношение к юмору и веселым людям);

е) как мировоззрение (несерьезный взгляд на жизнь);

ж) как стратегия совладания или защитный механизм (склонность сохранять юмористическую точку зрения перед лицом неприятностей) [12, 13, 15 и др.].

Амбивалентность природы юмора, с одной стороны, помогающей преодолевать стрессовые (напряженные) ситуации путем редукции угрожающих факторов, укреплять социальные связи за счет улучшения эмоциональной атмосферы, повышать личностный статус человека, использующего юмор, а с другой, - затрудняющей ситуацию общения в случаях неприятия юмора, отсутствия чувства юмора у собеседников, использования стратегии высмеивания других людей и мешающей принимать конструктивные решения в сложных обстоятельствах вследствие «ухода» в юмор, обусловила наш интерес к исследованию возможностей юмора как регулятора стресса.

Предпринятое нами эмпирическое исследование носило поисковый характер и в теоретическом, и методическом плане. **Целью нашего исследования** было изучение эффективности использования юмора для смягчения эмоциональных последствий умеренно сильных стрессоров. Основная идея исследования (проведено совместно с И. Брук) заключалась в сравнительном анализе сдвигов в состояниях респондентов, принимавших участие в просмотре специально подобранных видеороликов. Программа исследования включала «заметы» состояния участников эксперимента до предъявления стимульного материала и после. В соответствии с поставленной целью и проведенным анализом ли-

тературных данных нами были использованы следующие, хорошо зарекомендовавшие себя в качестве чувствительных инструментов диагностики переживаний острого и хронического стресса [5] методики описания состояний:

1. «Шкала состояний» (русскоязычная адаптация А.Б. Леоновой, 1984 оригинальной версии E. Groll & M. Neider, 1964), направленная на оценку степени субъективной комфортности переживаемого функционального состояния в данный момент времени;

2. «Шкала ситуативной тревожности» (русскоязычная адаптация Ю.Л. Ханина, 1977; В.Л. Марищук и др., 1984 оригинальной версии C.D. Spielberger, 1971), с помощью которой фиксируются разные степени эмоционального напряжения, сопровождающего развитие психологического стресса;

3. «Шкала личностной тревожности» (русскоязычная адаптация Ю.Л. Ханина, 1977; А.Б. Леонова и др., 1987 оригинальной версии C.D. Spielberger, 1971), направленная на диагностику устойчивых проявлений тревожности в различных ситуациях, которые интерпретируются как сформировавшаяся черта личности;

4. «Шкалы личностного и ситуативного гнева» Ч. Спилбергера (русскоязычная адаптация А.Б. Леоновой, 2004 оригинальной версии C.D. Spielberger, 1991), предназначенные для оценки проявлений раздражения, обиды, ярости как устойчивой личностной черты и как текущего состояния;

5. «Шкалы личностной и ситуативной депрессии» Ч. Спилбергера (русскоязычная адаптация А.Б. Леоновой, 2004 оригинальной версии C.D. Spielberger, 1996), также разработанные в парадиг-

ме «эмоция как состояние и устойчивая личностная черта», направленные на оценку подавленности, тоски и отчаяния [6].

Таким образом, описание состояний включало оценку устойчивых личностных характеристик и замеров текущего состояния до и после предъявления стимульного материала, в качестве которого были использованы видеоролики, по содержанию рассчитанные на молодежную аудиторию и включавшие разные по стилю - «смешные» (гэги, отрывки юмористических передач) и «трагические» (военная хроника, автомобильные катастрофы) ситуации. Продолжительность демонстрации роликов по времени была по возможности уравнена (около 15 минут), длительность каждого ролика составляла примерно от 2 до 4 минут.

В нашем исследовании приняли участие 36 девушек в возрасте от 17 до 26 лет, студенты московского вуза. Всем до начала эксперимента предлагалось заполнить личностные опросники. Затем общая выборка была случайным образом разбита на три группы по 12 человек в каждой: одна - экспериментальная, две контрольные. Респонденты каждой из групп участвовали в разных вариантах предъявления видеороликов для чистоты эксперимента и возможности качественного анализа ожидаемых сдвигов в их функциональных состояниях. Так, программа исследования в *экспериментальной группе* включала: 1) заполнение набора ситуативных тестов - «замер 1»; 2) просмотр трагического ролика; 3) «замер 2»; 3) просмотр смешного ролика; 4) «замер 3». Схема проведения эксперимента в *контрольных группах* различалась характером содержания предъявляемого ролика, в пер-

вой группе - смешные, во второй - трагические, сопровождавшиеся заполнением тестов на оценку текущего состояния до и после просмотра.

В разработке программы исследования мы исходили из предположения, что демонстрация смешного ролика, направленного в целом на усиление положительных эмоций и повышение настроения, вызовет сдвиг в состояниях респондентов в позитивную сторону даже после просмотра трагического сюжета. В связи с психологическими, возрастными, гендерными особенностями нашей выборки мы также ожидали более значительные изменения в состояниях во второй контрольной группе (просмотр трагических роликов) по сравнению с первой.

Обработка результатов включала подсчет диагностических показателей и оценку степени выраженности измеряемого качества по всем методикам. На основе этого была составлена сводная матрица данных, включившая все значения диагностических показателей по замерам 1, 2 и 3. Дальнейшая статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS for Windows,

версия 15 в соответствии с выдвинутыми гипотезами. В целом, на разных этапах статистической обработки данных применялись следующие методы и процедуры: 1. Подсчет параметров описательной статистики (средних и среднеквадратичных отклонений - σ) для количественной и качественной характеристики общевыборочных и групповых тенденций; 2. Непараметрический критерий Вилкоксона для определения значимости различий между показателями диагностических методик в парных (внутригрупповых) сравнениях; 3. Непараметрический критерий Манна-Уитни для определения значимости различий между показателями диагностических методик в непарных (межгрупповых) сравнениях.

Рассмотрим полученные результаты. Заполнение респондентами тестов на диагностику гнева, депрессии, тревожности как сформировавшейся индивидуальной особенности позволило контролировать возможные индивидуальные различия в реагировании на стрессогенное воздействие с точки зрения личностного статуса участников исследования (см. табл. 6).

Таблица 6. Полученные показатели по личностным тестам по всей выборке и их интерпретация

Показатели	Среднее (стандартное отклонение)	Интерпретация
Личностная тревожность	44,42 (7,31)	умеренный уровень
Личностный гнев	32,58 (7,31)	высокий уровень
Личностная депрессия	20,81 (5,18)	слабовыраженный уровень

Психоэмоциональный статус, формирующийся в процессе накопления жизненного опыта, играет решающую роль в формировании стрессовых реакций и состояний [4]. В связи с этим выраженные

или высокие уровни проявления гнева, депрессии, тревожности на фоне низкого уровня субъективного комфорта и плохого самочувствия у наших респондентов могли явиться факторами, снижающими

или усиливающими эффект стимуль-ного воздействия. Полученные результаты позволяют утверждать, что респонденты, принимавшие участие в исследовании, отмечают у себя умеренную склонность переживать напряжение, беспокойство, мрачные предчувствия, характерные для чувства тревожности, слабовыраженные степени грусти, тоски, подавленности как устойчивой формы аффективного реагирования на ситуацию.

Эмоциональный комплекс переживаний гнева, несмотря на его социальную нежелательность, является ожидаемым чувством, возникающим у человека как ответ на препятствие, позволяющим активно преодолевать угрозу и мобилизовать свои ресурсы в ситуации, воспринимаемой как провоцирующая. Высокая выраженность «гневных» поведенческих реакций у наших респонден-

тов естественна и ожидаема скорее как показатель мобилизации дополнительных ресурсов для участия в эксперименте. Добровольное участие респондентов в эксперименте мотивировалось интересом и желанием оказать помощь коллеге, но требовало от них дополнительных временных и энергетических затрат.

Первой контрольной группе демонстрировались смешные ролики. Выраженность ситуативных показателей тревожности, гнева, депрессии, субъективного комфорта до и после просмотра падает в диапазон умеренных, средних значений, хотя сравнение средних данных по методикам говорит об улучшении текущего состояния после просмотра. Статистический анализ показывает наличие значимых различий в замерах тревожности и самочувствия до и после (см. табл. 7).

Таблица 7. Статистически значимые различия между показателями до и после просмотра смешных роликов в контрольной группе 1

Показатели	Среднее (стандартное отклонение)		Статистически значимые различия	
	до	после	Значения Т-теста	Уровень значимости
Ситуативная тревожность	36,50 (4,54)	33,83 (3,95)	3,024	,012
Ситуативный гнев	15,33 (0,89)	15,08 (0,29)		
Ситуативная депрессия	18,17 (3,38)	18,08 (3,80)		
Шкала состояний	47,33 (5,73)	52,00 (6,33)	-2,590	,025

На основании полученных данных мы можем утверждать, что настроение и общее эмоциональное состояние испытуемых значительно улучшилось, а тревожность уменьшилась после просмотра юмористических роликов.

Второй контрольной группе предлагалось отсмотреть трагические ролики.

«Замеры» текущих состояний респондентов проводились до и после просмотра, но для того, чтобы уменьшить ожидаемый негативный эффект с целью соблюдения принципов профессиональной этики, после «основного» просмотра уже «вне рамок» эксперимента им демонстрировались смешные ролики. Согласно полу-

ченным данным текущее состояние наших респондентов после просмотра ролика с эмоционально негативным содержанием статистически значимо ухудшилось, практически все средние показатели по ситуативным методикам после про-

смотра попали в диапазон выраженных (высоких и низких) значений (см. табл. 8). Тревожно-депрессивные чувства респондентов усилились, они отмечают у себя плохое самочувствие и негативное субъективное состояние в целом.

Таблица 8. Статистически значимые различия между показателями до и после просмотра трагических роликов в контрольной группе 2

Показатели	Среднее (стандартное отклонение)		Статистически значимые различия	
	до интерпретация	после интерпретация	Значения Т-теста	Уровень значимости
Ситуативная тревожность	39,17 (5,73) умеренный	46,92 (7,08) высокий	-3,167	,009
Ситуативный гнев	17,17 (4,09)	16,17 (1,40)		
Ситуативная депрессия	20,17 (5,32) умеренный	25,50 (4,79) высокий	-2,795	,017
Шкала состояний	45,50 (7,28) умеренный	36,83 (7,02) низкий	2,920	,014

Переживание комплекса гневных чувств после просмотра трагических роликов уменьшилось, что косвенно подтверждает наше предположение о внутренней мобилизации, повышенной собранности респондентов до включения в ситуацию исследования. Демонстрация эмоционально «трудного» материала привела к заметному снижению активного сопротивления ситуации, хотя и не на значимом уровне.

Сравнение сдвигов в двух контрольных группах позволяет отметить два качественных различия - «силу» и «тотальность» изменений в текущих состояниях после краткого эмоционального воздействия. В ситуации «юмористического» воздействия мы можем отметить незначительные изменения текущего состояния в целом (средний диапазон выраженности состояний до и после) и значимые сдвиги только некоторых выделен-

ных нами характеристик (субъективный комфорт и тревожность). В группе смотревших «трагические» ролики мы получили картину сильного (переход выраженности диагностических показателей из диапазона средних в высокие и низкие значения) и тотального (статистически значимые различия между показателями тревожности, депрессии и самочувствия до и после просмотра) изменения субъективного состояния на текущий момент наших респондентов.

Сравнение замеров состояний после эмоционального воздействия между группами подтвердило значимость наблюдаемых различий (см. табл. 9).

После просмотра трагических роликов значимо ухудшается настроение и общее эмоциональное состояние, повышается тревога и депрессия, что вполне объяснимо. Возможно, это связано с тем, что демонстрация сцен войны яв-

ляется реальной угрозой ощущению стабильности, безопасности, защищенности, благополучия. Значимость сдвигов по всем диагностическим характеристикам текущего состояния свидетельствует

о меньшем влиянии юмористических роликов на изменение состояний по сравнению с трагическими, что понятно с точки зрения обеспечения выживаемости человеческого рода.

Таблица 9. Статистически значимые различия по показателям текущего состояния «после» стимульного воздействия между первой и второй контрольными группами

Показатели	Z	Уровень значимости
Ситуативная тревожность	-3,702	,000
Ситуативный гнев	-3,168	,002
Ситуативная депрессия	-2,597	,009
Шкала состояний	-3,672	,000

Если контрольные группы продемонстрировали специфику воздействия разного по эмоциональному полюсу материала на респондентов, то схема эмпирического исследования влияния юмора на стресс в экспериментальной группе предполагала изучение «компенсаторных», «совладающих» возможностей

смешного. Полученные диагностические показатели по ситуативным методикам подтвердили нашу основную гипотезу об улучшении состояния от просмотра юмористических роликов, предъявленных после демонстрации трагических по содержанию (см. табл. 10).

Таблица 10. Данные описательной статистики по ситуативным показателям экспериментальной группы

Показатели	Среднее (стандартное отклонение)		
	до	между	после
Ситуативная тревожность	41,33 (6,19)	49,75 (10,47)	37,08 (7,05)
Ситуативный гнев	17,25 (3,65)	16,75 (2,30)	15,25 (0,62)
Ситуативная депрессия	21,50 (4,52)	25,17 (6,48)	18,75 (4,18)
Шкала состояний	39,50 (11,4)	35,33 (8,17)	49,08 (9,08)

Анализ динамики показателей трех замеров состояний в экспериментальной группе (исходных, затем после просмотров трагического и юмористического роликов) показывает: умеренный уровень выраженности тревожности, депрессии и достаточно низкий индекс субъективного комфорта в начале

эксперимента; ухудшение текущего состояния респондентов, выражающееся в высоких степенях тревожности и подавленности, снижении общего самочувствия после негативного воздействия и рост степени субъективного комфорта, уменьшение тревожности и депрессии после просмотра комического ма-

териала даже по сравнению с исходным уровнем.

Различия между показателями разных замеров на достоверном уровне значимости подтверждает наше предположение о том, что юмор (в нашем

случае демонстрация смешных роликов) может оказаться одним из действенных способов совладания с «подавленным» состоянием и переживанием «трудных» жизненных ситуаций (см. табл. 11).

Таблица 11. Полученные значимые различия между замерами состояний респондентов экспериментальной группы.

Попарно сравниваемые показатели	Значение Т-теста	Уровень значимости
Ситуативная тревожность: «замер 1» - «замер 2»	-3,232	0,008
Ситуативная тревожность: «замер 2» - «замер 3»	4,882	0,000
Ситуативная депрессия: «замер 1» - «замер 3»	3,717	0,002
Ситуативная депрессия: «замер 2» - «замер 3»	4,831	0,001
Шкала состояний: «замер 1» - «замер 3»	-5,095	0,000
Шкала состояний: «замер 2» - «замер 3»	-5,265	0,000

Значимость полученных различий «сдвигов» в описаниях текущих состояний после эмоциональных воздействий в экспериментальной группе приобретает дополнительный вес, если рассматривать эти результаты в контексте данных, полученных в контрольных группах, когда трагические ролики продемонстрировали большую силу и тотальность влияния на состояния по сравнению с комическими.

Следует отметить, что проведенное эмпирическое исследование возможностей юмора как регулятора стресса оставляет открытыми вопросы о критериях выбора и определения специфики юмористического материала с учетом личностных, профессиональных особенностей респондентов, временной продолжительности действия комического материала для получения ощутимых сдвигов, о длительности сохранения позитивного эффекта, об отсроченных по времени реакций на стимулы. Однако полученные результаты позволяют

подтвердить действие юмора как механизма регулирования эмоций - усиливать положительные чувства (удовольствие, комфорт, радость) и ослаблять негативные - тревогу, подавленность, гнев. В целом, согласно полученным данным, юмор действительно можно считать одним из серьезных средств преодоления негативных, стрессовых состояний, дополнительные возможности которого еще предстоит изучать.

Литература

1. Бодров В.А. Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000. 352 с.
2. Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 352 с.
3. Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. Психологические исследования чувства юмора//Вопросы психологии: Научный журнал. 2006. №4. С. 122-133.
4. Леонова А.Б., Костикова Д. На грани стресса// В мире науки. 2004. №10. С. 62-72
5. Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса//Психологический журнал, 2004. Т. 25 (2). С. 75-85.
6. Леонова А.Б., Капица М.С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека//

- Практикум по инженерной психологии и эргономике (под ред. Ю.К. Стрелкова). М.: Академия, 2003. С. 136-166.
7. Мартин Р. Психология юмора. СПб: Питер, 2009. 480 с.
8. Мозер К. Психология маркетинга и рекламы. Пер. с нем. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. 380 с.
9. Огилви Д. Откровения рекламного агента. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 160 с.
10. Сопладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 474 с.
11. Jourdan-Ionescu С. Юмор как фактор защиты молодежи от рисков в их окружении//Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма. Сб. науч.статей Первого Международного Форума.- СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. 304 с. С. 73-76.
12. Eysenk, H.J. (1972). Foreword. In: J.H. Goldstein & P.E. McGhee (Eds.), The psychology of humor: Theoretical perspectives and empirical issues. New York: Academic Press. Pp. 12-17.
13. Hehl, F.-J., & Ruch, W. (1985) The location of sense of humor within comprehensive personality spaces as exploratory study. Personality & Individual Differences, 6 (6). Pp. 703-715.
14. Kuiper, N.A., Grimshaw, M., Leite, C., & Kirsh, G.A. (2004). Humor is not always the best medicine: Specific components of sense of humor and psychological well-being. Humor: International journal of Humor Research, 17 (1-2). Pp. 135-168.
15. Martin R.A. Humor, laughter, and physical health. Methodological issues and research findings//Psychol. Bull. 2001. V. 127. №4. Pp. 504-519.
16. Lefcourt, H.M., & Martin, R.A. (1986) Humor and life stress: Antidote to adversity. New York: Springer-Verlag.

Психологические особенности личности сотрудников спецподразделений ФСИН России в период выполнения служебных и служебно-боевых задач

Ю. Ю. Красикова, О. А. Усанова

Аннотация: в статье рассмотрены этапы психологического обеспечения сотрудников ОСН ФСИН России УФСИН России по Рязанской и Московской области в период выполнения служебных и служебно-боевых задач. Также представлен сравнительный анализ психологических особенностей личности сотрудников, выполняющих служебные и служебно-боевые задачи.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, служебная деятельность, эмоционально - волевая устойчивость, реабилитация, психологическая подготовка.

The summary: in article stages of psychological maintenance of employees of OSN FSIN of Russia UFSIN of Russia on Ryazan and Moscow Region in perform-

ance of office and sluzhebno-fighting problems are considered. Also the comparative analysis of psychological features of the person of the employees, carrying out office and sluzhebno-fighting problems is presented.

Keywords: psychological maintenance, office activity, emotionally - strong-willed stability, rehabilitation, psychological preparation.

Специфика служебной деятельности сотрудников спецподразделений ФСИН России в последнее время предъявляет значительно более высокие требования не только к профессиональной подготовленности сотрудников, но и к их личностным качествам, эмоционально-волевой устойчивости, характеру поведения, осо-

- Практикум по инженерной психологии и эргономике (под ред. Ю.К. Стрелкова). М.: Академия, 2003. С. 136-166.
7. Мартин Р. Психология юмора. СПб: Питер, 2009. 480 с.
8. Мозер К. Психология маркетинга и рекламы. Пер. с нем. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2004. 380 с.
9. Огилви Д. Откровения рекламного агента. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 160 с.
10. Сопреобладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 474 с.
11. Jourdan-Ionescu С. Юмор как фактор защиты молодежи от рисков в их окружении//Психологическая безопасность, устойчивость, психотравма. Сб. науч.статей Первого Международного Форума.- СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. 304 с. С. 73-76.
12. Eysenk, H.J. (1972). Foreword. In: J.H. Goldstein & P.E. McGhee (Eds.), The psychology of humor: Theoretical perspectives and empirical issues. New York: Academic Press. Pp. 12-17.
13. Hehl, F.-J., & Ruch, W. (1985) The location of sense of humor within comprehensive personality spaces as exploratory study. Personality & Individual Differences, 6 (6). Pp. 703-715.
14. Kuiper, N.A., Grimshaw, M., Leite, C., & Kirsh, G.A. (2004). Humor is not always the best medicine: Specific components of sense of humor and psychological well-being. Humor: International journal of Humor Research, 17 (1-2). Pp. 135-168.
15. Martin R.A. Humor, laughter, and physical health. Methodological issues and research findings//Psychol. Bull. 2001. V. 127. №4. Pp. 504-519.
16. Lefcourt, H.M., & Martin, R.A. (1986) Humor and life stress: Antidote to adversity. New York: Springer-Verlag.

Психологические особенности личности сотрудников спецподразделений ФСИН России в период выполнения служебных и служебно-боевых задач

Ю. Ю. Красикова, О. А. Усанова

Аннотация: в статье рассмотрены этапы психологического обеспечения сотрудников ОСН ФСИН России УФСИН России по Рязанской и Московской области в период выполнения служебных и служебно-боевых задач. Также представлен сравнительный анализ психологических особенностей личности сотрудников, выполняющих служебные и служебно-боевые задачи.

Ключевые слова: психологическое обеспечение, служебная деятельность, эмоционально - волевая устойчивость, реабилитация, психологическая подготовка.

The summary: in article stages of psychological maintenance of employees of OSN FSIN of Russia UFSIN of Russia on Ryazan and Moscow Region in perform-

ance of office and sluzhebno-fighting problems are considered. Also the comparative analysis of psychological features of the person of the employees, carrying out office and sluzhebno-fighting problems is presented.

Keywords: psychological maintenance, office activity, emotionally - strong-willed stability, rehabilitation, psychological preparation.

Специфика служебной деятельности сотрудников спецподразделений ФСИН России в последнее время предъявляет значительно более высокие требования не только к профессиональной подготовленности сотрудников, но и к их личностным качествам, эмоционально-волевой устойчивости, характеру поведения, осо-

бенностям реагирования в экстремальных ситуациях.

Так как сотрудники ОСН ФСИН России помимо служебных задач выполняют и служебно-боевые задачи, которые заключаются в восстановлении конституционного порядка на территории Северо-Кавказского региона.

Психологическое обеспечение сотрудников спецподразделений ФСИН России при выполнении служебно-боевых задач в зоне вооруженного конфликта предполагает проведение системы взаимосвязанных и непрерывных мероприятий, которые осуществляет психологическая служба. Во временном интервале эти мероприятия разбивают на три этапа:⁴

- первый этап - подготовительный - психологической подготовки;
- второй этап - психологического сопровождения в период служебной командировки;
- третий (заключительный) этап - реабилитации после возвращения к постоянному месту службы (реадаптация), включая, в первую очередь, психологическую помощь.

На подготовительном этапе - перед выездом в зону вооруженного конфликта, психологи проводят психологическое обследование сотрудников спецподразделений, которое включает:

- индивидуально-психологические беседы с кандидатом (учет автобиографических данных, оценка внешних поведенческих проявлений, подтвержде-

ние добровольного участия в работе отдела, оценка состояния взаимоотношений в семье);

- применение методов психодиагностики. Несмотря на то, что при поступлении на службу в УИС сотрудники проходят психологический отбор, перед комплектованием подразделений, которые будут направлены в «горячие точки», вновь проводится специальное изучение личности. Это объясняется, во-первых, тем, что деятельность в экстремальных условиях предъявляет высокие требования к личности, нежели при выполнении служебных обязанностей на месте постоянной дислокации; во-вторых, в процессе выполнения служебно-боевых задач может меняться не только психическое состояние человека, но и его личностные качества. С целью выявления личностных особенностей сотрудников, которые позволят сотруднику осознать некоторые дезадаптивные моменты своего поведения.

Особое внимание, по мнению ученых,⁵ психологическая служба должна уделить вопросам комплектования подразделений, направляемых в зону вооруженного конфликта. В поле зрения психологов должны быть вопросы психологической совместимости сотрудников, их социально-психологический статус, авторитет командиров.

Также психологи отделов специальных назначений выделяют основные психологические «противопоказания» к командированию для несения служ-

⁴ Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения: сборник методических рекомендаций и статей пенитенциарных психологов. Раздел 2. психологическая подготовка сотрудников ОСН к действиям в экстремальных ситуациях. М.: ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2004. 161 с.

⁵ Столяренко А.М., Карпов В.С. Морально-психологическая подготовка сотрудников ОВД к действиям в экстремальных условиях//Проблемы, пути становления и дальнейшего развития психологической службы органов внутренних дел. Часть 2. М., 1998. С. 60

бы в зону контртеррористической операции: неадекватные установки и искаженная мотивация (например, преобладание утилитарных (материальных) мотивов — командировка как возможность подзаработать); низкая стрессоустойчивость; слабый самоконтроль; агрессивность; дезадаптивные защитные механизмы; низкий социометрический статус.⁶

2. Мероприятия по психологической подготовке сотрудников к работе в экстремальных условиях. Это и обучение приемам психологической саморегуляции и самоконтроля в сложных условиях, проведение обучающих тренингов, направленных на развитие внимания, памяти, групповой сплоченности, также проводится просветительская работа.

Психологическая подготовка направлена не только на повышение эффективности выполнения профессиональных задач, но и обеспечение личной безопасности,⁷ сохранение физического и психического здоровья сотрудников.⁸

Для выявления психологических особенностей сотрудников ОЧН, они были обследованы в разные периоды службы по шестнадцатифакторному личностному опроснику Кеттелла.

Рассмотрим средние показатели по шестнадцатифакторному личностному опроснику Кеттелла группы сотрудников спецподразделений, непосредственно принимавших участие в боевых действиях на территории Северо-Кавказского региона (до и после служебной командировки), они представлены на рис. 2.

Рис. 2. Средние показатели по 16-ти факторному личностному опроснику Кеттелла до и после служебной командировки в Чеченскую Республику

⁶ Кокурин А.В. Психологическое обеспечение служебно-боевой деятельности ОЧН УИС//Закон и право, №5, 2003.

⁷ Папкин А.И. Личная профессиональная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. С. 116.

⁸ Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Профессиональная психологическая подготовка персонала исправительных учреждений: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. С. 97.

Из рисунка видно, что имеются различия средних оценок по нескольким факторам. Статистически значимыми (по t-критерию Стьюдента) являются следующие различия:

Фактор А (замкнутость - общительность) - результаты свидетельствуют, что до служебной командировки сотрудникам ООН свойственна непринужденность в поведении, деликатность, добродушие и оптимизм. Они испытывают яркие эмоции и с легкостью откликаются на любые события. После служебной командировки у сотрудников ООН вышеперечисленные качества становятся более выраженными (повышение по фактору), сотрудники ООН активны в установлении межличностных контактов, непринужденны, открыты. В поведении проявляют экспрессивность, импульсивность, социальную смелость, склонность к риску, также предпочитают деятельность, где есть ситуации, связанные с социальным значением. Это свидетельствует о наличии такого критерия личностного роста, как социализированность, который ведет ко все более эффективному проявлению фундаментального стремления сотрудников к конструктивным социальным взаимоотношениям.

Фактор Е (доминантность - подчиненность) - до служебной командировки сотрудники ООН характеризуются, как самостоятельные, независимые, упрямые и напористые. После командировки показатели несколько снижаются, это характеризует сотрудников ООН как уступчивых, зависимых от мнения и требований группы, несамостоятельных в принятии решений. По отношению к окружающим отмечается насто-

роженность, дипломатичность, житейская проницательность. Этот фактор не существенно коррелирует с достижениями лидерства, однако связан с социальным статусом. Сотрудники хотят иметь более высокий статус, чем был раньше, выражающийся в более уважительном отношении к ним, как к участникам боевых действий, признании их и их заслуг. Сотрудники готовы открыто встречать жизненные проблемы и справляться с ними, не упрощая, а проявляя «творческую адаптацию к новизне конкретного момента» и «умение выразить и использовать все потенциальные внутренние возможности»,⁹ но их потребности остаются неудовлетворенными, что отражает активизацию защитных механизмов.

Фактор G (низкая нормативность поведения - высокая нормативность поведения) - до служебной командировки у сотрудников отмечается некоторая склонность к неорганизованности, безответственности, импульсивности поведения. Отсутствию гибкости по отношению к социальным нормам. Им свойственна некоторая эгоистичность, подверженность влиянию случая и обстоятельств, несформированность духовно-нравственной сферы, моральных ценностей. После служебной командировки значения повышаются, что говорит о росте ответственности, уравновешенности, настойчивости, развитии чувства долга. Это означает, что в период служебной командировки произошли психодинамические изменения личности сотрудников ООН в направлении личностного роста, который формируется по критерию «ответственная сво-

бода», что означает ответственность за выбор ценностей, независимость от давления внешних оценок. И ответственность за актуализацию своей индивидуальности, что говорит о формировании у сотрудников ООН новой системы духовно-нравственных ценностей.

Фактор L (доверчивость - подозрительность) - до служебной командировки сотрудники ООН открыты, терпимы, покладисты, уступчивы. Испытывают чувство собственной незначительности. После командировки (фактор повышается) у сотрудников наблюдается настороженность по отношению к людям, раздражительность, иногда они могут проявлять самостоятельность и независимость в социальном поведении. Здесь также можно говорить о наличии критерия личностного роста - социализированности. Сотрудники хотят, чтобы их приняло общество, как самостоятельных и независимых, они способны разрешать межличностные противоречия и «жить с другими в максимально возможной гармонии»,¹⁰ но подавление этой несознаваемой потребности отражает активизацию защитных механизмов, выражающуюся в раздражительности и стремлении возложить ответственность за свои поступки на окружающих (проекция).

Фактор Q1 (консерватизм - радикализм) - до служебной командировки сотрудники ООН стремятся быть более информированными по всем вопросам. Спокойно воспринимают новые неустоявшиеся взгляды и перемены. Им свойственна независимость суждений, взглядов и поведения. После служебной командировки средние показатели

понижаются. Сотрудники ООН склонны к морализации и нравоучениям, имеют сомнения по основным жизненным вопросам, проявляют устойчивость по отношению к традициям, консервативны во взглядах. Они по-другому воспринимают мирные условия жизнедеятельности: что было для них значимо до командировки, уходит на второй план, что говорит о формировании новых мировоззренческих ценностей, то есть формирование новой системы духовно-нравственных ценностей.

Полученные данные свидетельствуют, что после выполнения служебных боевых задач в зоне вооруженного конфликта, у сотрудников ООН происходят психодинамические изменения в направлении личностного роста, который проявляется в потребности быть принятым в общество с более высоким социальным статусом (фактор E), чем был раньше, в потребности независимости (фактор L), в формировании новых мировоззренческих ценностей (фактор Q1). Подавление этих потребностей со стороны социального окружения ведет к формированию механизмов психологических защит (фактор E). Таким образом, при анализе показателей личностных свойств по тесту Кеттелла мы видим нарастание вышеобозначенного конфликта между внешней самодостаточностью и внутренней неосознаваемой потребностью принятия со стороны окружения. Учет этих фактов при оказании психологической помощи должен обеспечить качественный скачок личностного роста в осознании насущных потребностей во взаимопонимании с окружением.

Средние показатели по шестнадцатифакторному личностному опроснику Кеттелла группы сотрудников спецподразделений, выполняющих служебно-боевые задачи (не участвующих в боевых действиях), представлены на рис. 3.

Из рис. 3 видно, что имеются различия средних оценок по следующим факторам:

Фактор С (эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность) по данному фактору сотрудни-

ки недостаточно организованы и целеустремленны, не способны контролировать свои эмоциональные импульсы, переменчивы в настроениях, неустойчивы в своих интересах. Низкая толерантность по отношению к фрустрации, преобладает раздражительность и утомляемость.

Фактор Е (доминантность - подчиненность): сотрудники ОСН характеризуются как самостоятельные, независи-

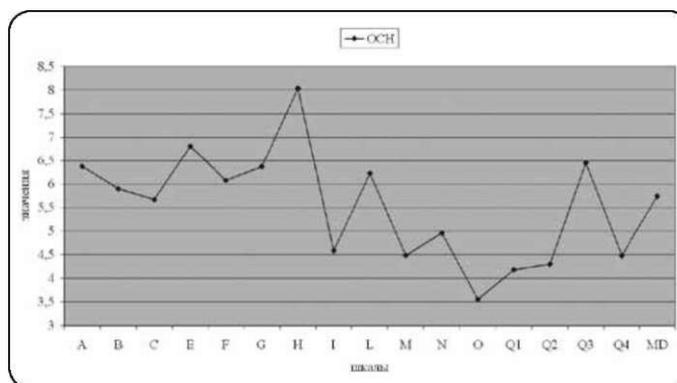

Рис. 3. Средние показатели по 16-ти факторному личностному опроснику Кеттелла сотрудников ОСН, не принимавших участия в боевых действиях

мые, упрямые и напористые. Они настойчивы, с чувством соперничества, проявляется своеобразие, иногда конфликтны, агрессивны, склонны к авторитарному поведению, контролю и критике. Им свойственно «принимать вызовы» и чувствовать превосходство над другими, они борются за более высокое положение в обществе, которое выражается в стремление к самоутверждению.

Фактор G (низкая нормативность поведения - высокая нормативность поведения) характеризует сотрудников ОСН как добросовестных, настойчивых, уравновешенных, склонных к морализирова-

нию, обязательных и достаточно требовательных к себе. Их поведение хорошо организовано, у них развито чувство долга и ответственности, они настойчивы в достижении цели.

Фактор H (робость - смелость): сотрудники ОСН решительны, стрессоустойчивы, способны принимать самостоятельные решения, склонны к авантюризму и проявлению лидерских качеств. Имеют тягу к новым переживаниям, риску и новым ощущениям, не теряются при столкновениях с неожиданными ситуациями, быстро забывают о неудачах, не делая надлежащих выводов.

Фактор L (доверчивость - подозрительность) - у сотрудников наблюдается ориентировка на собственное мнение, установки недостаточно гибкие. Они осторожны в поведении, упрямы, с высокой самооценкой, честолюбивы, склонны к соперничеству, эгоцентричны. Они относятся настороженно по отношению к людям, никому не доверяют, избирательны в контактах, держатся независимо, склонны к соперничеству. Считают, что их успехи недооцениваются, не могут реализовать себя.

Фактор M (практичность-мечтательность) отличает сотрудников ООН как личностей зрелых, уравновешенных. Они практичны, склонны к прагматизму, реалистичны, прозаичны, надежны в решении практических вопросов.

Фактор N (прямолинейность - дипломатичность): у сотрудников ООН отсутствует проницательность, отмечается нечеткость в поведении, ведут себя несколько прямолинейно, просто и естественно, порой грубовато и бестактно, не умеют хитрить и ловчить, естественны и спонтанны, откровенны.

Фактор O (спокойствие - тревожность) характеризует сотрудников ООН как личностей эмоционально устойчивых, гибких, уверенных в собственных возможностях, у них высокая способность справляться с трудными задачами. Преобладает чувство отсутствия угрозы, они безмятежны, хладнокровны. Умеют легко переживать жизненные неудачи, верят только в себя и в свои возможности, не склонны к страхам, самоупрекам и рассказыванию.

Фактор Q1 (консерватизм - радикализм): сотрудникам ООН свойственны консерватизм, ригидность, уважение к установленным правилам, нормам,

традициям, идеям, принципам, сомнения в отношении новых идей и принципов, сопротивление переменам, соблюдают субординацию; наблюдается узость интеллектуальных интересов, ориентация на конкретную реальную деятельность.

Фактор Q3 (низкий самоконтроль - высокий самоконтроль) - сотрудники ООН имеют достаточно развитый волевой самоконтроль поведения, стремятся придерживаться установленных норм и правил поведения, настойчивость в поведении носит целенаправленный характер. Они упорно преодолевают препятствия, склонны доводить начатое дело до конца, не дают обещаний, которые не могут выполнить.

Таким образом, анализ полученных данных по шестнадцатифакторному личностному опроснику Кеттелла показал следующие особенности.

Уже на подготовительном этапе служебной командировки у сотрудников ООН появляется потребность в любви и понимании со стороны близких, что подталкивает их к социальным взаимодействиям, с относительно низкой откликаемостью на проблемы социального микроклимата. Это отражается в их поведении отсутствием необходимой «дипломатичности». Они с трудом достигают понимания глубинных причин своего поведения. Сотрудники стремятся к более конструктивным социальным взаимоотношениям, способны компетентно разрешать межличностные противоречия. Обладая хорошим уровнем самоконтроля, придерживаются общепринятых норм поведения. У них низкий уровень тревожности, они решительны в поступках, у них выраженная потребность быть среди людей. Такой тип внутренней психодинамики личностных

свойств мы предлагаем назвать «готовность к личностным изменениям». Резкое повышение экстремальности в данном случае не должно привести к болезненным невротическим реакциям, которых почему-то все ожидают от сотрудников ОСН по возвращении из служебной командировки. Личностный рост в данном случае гораздо более вероятен и станет возможным при правильной организации психологической помощи.

Мы также видим, что у сотрудников ОСН появляется потребность в принятии близкими, своего социального статуса, что говорит о направленности личностного роста по двум критериям - социализированности и динамичности, то есть способность сохранять свою идентичность, развиваться через разрешение актуальных противоречий и проблем. В связи с этим Вахов В.П. отмечает: «...малоизученными представляются варианты естественной положительной динамики постстрессовых изменений у лиц психически здоровых».¹¹

Сотрудники спецподразделений ФСИН России помимо служебных задач выполняют и служебно-боевые, заключающиеся в восстановлении конституционного порядка на территории Северо-Кавказского региона.

После прибытия из «горячей точки» сотрудники ОСН стремятся уйти от излишней откровенности. Проявляют оборонительную позицию со стремлением скрыть свое эмоциональное напряжение, чувство тревоги, которое они испытывают (повышение шкал L, F), что сви-

детельствует о напряженной психодинамике, наличии внутреннего конфликта. В поведении они стремятся соответствовать нормативным критериям, как в социальном окружении, так и в сфере физиологических функций своего организма.

Для большинства профилей характерен смешанный тип реагирования, в котором сталкиваются разнонаправленные тенденции: мотивация достижения с мотивацией избегания неуспеха, склонность сотрудников ОСН к активности и решительным действиям со склонностью к блокировке в ситуации стресса, повышенное чувство достоинства и стремление к доминированию, в неуверенности в себе и избыточной самокритичностью, стеничный регистр эмоций гнева, восхищения, гордости и презрения с эмоциями астенического регистра - страхом, чувством вины, тревогой.

У сотрудников ОСН преобладает мотивация, направленная на самореализацию. Независимость в отстаивании своего мнения, императивное давление окружающих вызывает внутренний протест. Они стремятся подчеркнуть свою бесконфликтность. В связи с этим активизируются защитные механизмы по типу отрицания трудностей, вытеснение психологических проблем. Сотрудники ОСН стремятся подчеркнуть спокойствие и уверенность в себе.

Несмотря на то, что внешнее поведение сотрудников спецподразделений может выглядеть как сбалансированное,

¹¹ Вахов В.П. Программа психопрофилактики и реабилитации членов семей тех сотрудников, которые пребывали в экстремальных ситуациях, в зонах вооруженных конфликтов/Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения. Раздел 4. Психологическая работа с сотрудниками ОСН и их реабилитация по возвращении из «горячих точек». М.: ГУИН МЮ РФ, НИИ УИС МЮ РФ, 2004. С. 39.

мы можем говорить о наличии внутриличностного конфликта, который сформировался в период пребывания в зоне вооруженного конфликта.

Полученные результаты говорят о том, что у сотрудников спецподразделений происходят психодинамические

изменения личности, которые выражаются в конфликте между несоответствием личностных ценностей (поведения) и внутренней картины мира.

Полученные данные свидетельствуют, что после выполнения служебно-боевых задач в зоне вооруженного кон-

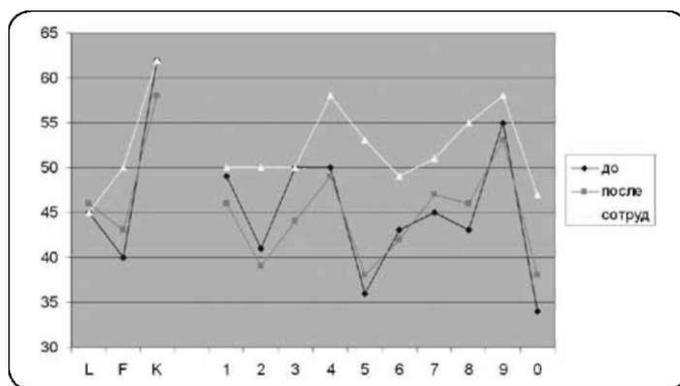

Рис. 4. Профиль средних показателей по опроснику СМИЛ сотрудников ОШН до и после служебной командировки (г. Нальчик) и сотрудников ИУ

фликта, у сотрудников ОШН происходят психодинамические изменения в направлении личностного роста, который проявляется в потребности быть принятым в общество с более высоким социальным статусом (фактор Е), чем был раньше, в потребности независимости (фактор L), в формировании новых мировоззренческих ценностей (фактор Q1). Подавление этих потребностей со стороны социального окружения ведет к формированию механизмов психологических защит (фактор Е). Таким образом, при анализе показателей личностных свойств по тесту Кеттелла с психодинамических позиций, мы видим нарастание вышеобозначенного конфликта между внешней самодостаточностью и внутренней неосознаваемой потребно-

стью принятия со стороны окружения. Учет этих фактов при оказании психологической помощи должен обеспечить качественный скачок личностного роста в осознании насущных потребностей во взаимопонимании с окружением.

Полученные результаты изменений личностных свойств сотрудников ОШН в период пребывания в зоне вооруженного конфликта говорит о накоплении личностных изменений (личностного роста первого - постепенного - типа) в сторону уверенности в себе, внутренней собранности, целостности личности.

Таким образом, по сравнению с сотрудниками ОШН, участвовавшими в боевых действиях, у сотрудников ОШН, несущих службу в менее экстремальных условиях, наблюдаются более направ-

ленные и интенсивные личностные изменения с меньшей напряженностью внутреннего конфликта.

Но чрезмерная активность, переоценка своих возможностей, недостаточная сдержанность, низкий интеллектуальный контроль над эмоциями, говорят о затруднении социальной адаптации. Но на самом деле сотрудники обеспокоены реакциями окружающих на их поведение, своим положением и безопасностью, в связи с этим относятся

к себе критично. Они неудовлетворены тем, что получают от жизни.

Показанные нами экспериментально изменения психодинамики свидетельствуют о готовности к скачку в личностном развитии, т.е. о текущем личностном росте. Сам момент расширения осознания своих реальных проблем (инсайт, завершения инсайта, собственно личностный рост) может успешно произойти с привлечением адекватной психологической помощи и психотерапии.

Сравнительный анализ личностных особенностей законопослушных граждан и преступников с позиций гуман структурологии Гюнтера Аммона

В. М. Труш, А. В. Румянцев, А. И. Астрелин

Аннотация: в статье предпринята попытка проведения сравнительного анализа типологического и гуман-структурологического подходов при рассмотрении личности преступника. Рассмотрены философские основы и принятые в современных отечественных психолого-криминологических исследованиях схемы типологизации лиц, ставших на противоправный путь бытийной самореализации. Сделан акцент на тех противоречиях, которые существуют при рассмотрении личности преступника, исходя из мотивов совершенных преступлений. Предпринята попытка рассмотрения личности преступника, исходя из позиций, принятых в психодинамически ориентированном подходе Г. Аммона - основных гуман-функций личности и последующих производных шкал. Освещены основные положения данной

концепции. Проведена сравнительная оценка гуман-структурологического среза законопослушных граждан и лиц, совершивших противоправные действия, осужденных на различные сроки отбывания наказания. Осуществлен математический анализ достоверности полученных данных. Предложен подход, позволяющий определить степени криминальной зараженности, как индивида, так и групп различной социальной наполненности.

Ключевые слова: типология, мотив, особенности личности преступника, гуман-структурологическая концепция Г. Аммона, теория диссипативных структур И. Пригожина, тенденция гуман-факторов, коэффициент правовой устойчивости).

The summary: in article attempt of carrying out of the comparative analysis typology

ленные и интенсивные личностные изменения с меньшей напряженностью внутреннего конфликта.

Но чрезмерная активность, переоценка своих возможностей, недостаточная сдержанность, низкий интеллектуальный контроль над эмоциями, говорят о затруднении социальной адаптации. Но на самом деле сотрудники обеспокоены реакциями окружающих на их поведение, своим положением и безопасностью, в связи с этим относятся

к себе критично. Они неудовлетворены тем, что получают от жизни.

Показанные нами экспериментально изменения психодинамики свидетельствуют о готовности к скачку в личностном развитии, т.е. о текущем личностном росте. Сам момент расширения осознания своих реальных проблем (инсайт, завершения инсайта, собственно личностный рост) может успешно произойти с привлечением адекватной психологической помощи и психотерапии.

Сравнительный анализ личностных особенностей законопослушных граждан и преступников с позиций гуман структурологии Гюнтера Аммона

В. М. Труш, А. В. Румянцев, А. И. Астрелин

Аннотация: в статье предпринята попытка проведения сравнительного анализа типологического и гуман-структурологического подходов при рассмотрении личности преступника. Рассмотрены философские основы и принятые в современных отечественных психолого-криминологических исследованиях схемы типологизации лиц, ставших на противоправный путь бытийной самореализации. Сделан акцент на тех противоречиях, которые существуют при рассмотрении личности преступника, исходя из мотивов совершенных преступлений. Предпринята попытка рассмотрения личности преступника, исходя из позиций, принятых в психодинамически ориентированном подходе Г. Аммона - основных гуман-функций личности и последующих производных шкал. Освещены основные положения данной

концепции. Проведена сравнительная оценка гуман-структурологического среза законопослушных граждан и лиц, совершивших противоправные действия, осужденных на различные сроки отбывания наказания. Осуществлен математический анализ достоверности полученных данных. Предложен подход, позволяющий определить степени криминальной зараженности, как индивида, так и групп различной социальной наполненности.

Ключевые слова: типология, мотив, особенности личности преступника, гуман-структурологическая концепция Г. Аммона, теория диссипативных структур И. Пригожина, тенденция гуман-факторов, коэффициент правовой устойчивости).

The summary: in article attempt of carrying out of the comparative analysis typology

logical and guman-strukturologicheskogo approaches is undertaken by consideration of the person of the criminal. Philosophical bases and accepted, in modern domestic psihologo-kriminologicheskikh researches, schemes typology persons become on an illegal way existent self-realisation are considered. The emphasis is placed on those contradictions which exist by consideration of the person of the criminal proceeding from motives of perfect crimes. Attempt of consideration of the person of the criminal, proceeding from a position accepted in psychodnameis G. Amona's focused approach - the basic guman-functions of the person and the subsequent derivative scales is undertaken. Substantive provisions of the given concept are shined. The comparative estimation humane - strukturologicheskogo a cut of legislative citizens and the persons who have made illegal actions, condemned on various terms of serving of punishment is spent. The mathematical analysis of reliability of the received data is carried out. It suggested allowing to define the approach degrees crime contamination, both the individual, and groups of various social fullness.

Keywords: typology, motive, features of the person of the criminal, guman-strukturologicheskaja G. Amona's concept, the theory dissipative IPrigozhin's structures, the tendency of guman-factors, factor of legal stability.

Человек не рождается, а становится преступником, и механизм криминальной зараженности весьма сложен. Но при этом в самом общем виде можно отметить, что человек не просто чистый лист бумаги, на котором окружающая среда может начертать все, что

угодно. Личность преступника не существует вне общества, только общество может отнести какие-то поступки к ряду преступных, а само понятие преступника производно от преступления. Иначе говоря, вне преступления нет личности преступника. А совершение любого противоправного действия - это, в конечном счете, определенный итог его возможных выборов при взаимодействии с окружающей средой. Необходимо подчеркнуть, что внешние условия отнюдь не на прямую порождают преступное поведение. Они обуславливают внутренний мир личности и в свою очередь становятся самостоятельными и активными факторами, опосредующими влияние социальной среды на нее. По оценке практиков-криминологов, индивид усваивает те из них, которые в большей степени соответствуют его природе. По мнению М.И. Еникеева: «традиционно эти факторы подразделяются на две группы - социальные и биологические. ...Анализ многочисленных проявлений отклоняющегося поведения подводит ...к необходимости рассмотрения вышеозначенных подходов в ином, системно-интегрированном плане» [6]. Дилемма - социальное или биологическая - может быть разрешена введением «системообразующего фактора «психическое», и весь комплекс проблем детерминации человеческого поведения обозначить как **социопсихобиологическую** детерминацию. При этом срединное положение фактора «психо» означает его интегрирующую функцию в отношении как социального, так и биологического факторов» [6]. Поскольку личность преступника является важнейшим звеном всего механизма преступного поведения, образно го-

воря, носителем причин такого поведения, его источником, глубинное изучение и всесторонний учет личностных особенностей является необходимой предпосылкой успешности профилактических усилий. Более того, психологический аспект таких действий представляется едва ли не основным для их понимания.

В отечественной криминологии изучение личности преступника осуществляется исходя из мотивов совершенных преступлений. Мотив, как осознанная потребность, является внутренним побуждением к деятельности. Но почему именно таким образом это побуждение реализуется? Недостаточно констатировать, что личность является носителем причин преступного поведения, необходимо знать, почему эти личностные признаки привели именно к преступному поведению, а не к иному другому.

Целесообразно рассмотреть несколько типологических схем личности преступника. (Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е., 1996) **По признакам антиобщественной направленности** поведения в основу типологии личности положены ее отношения к различным общественным ценностям. На основании такой классификации [1] отношений выделены следующие типы преступников:

- **«случайный»** - впервые совершивший преступление, противоречащее общей социально-положительной направленности, характеризующейся всем предшествующим нравственным поведением;
- **«ситуационный»** - совершивший преступление под воздействием неблагоприятной для преступника внешней ситуации при общей социально-положительной направленности;
- **«неустойчивый»** - совершивший преступление впервые, но допускавший

и раньше различные правонарушения и аморальные проявления;

- **«злостный»** - неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе ранее судимый.

- **«особо опасный»** - неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе признанный особо опасным рецидивистом.

По степени общественной опасности личности и ее криминогенной активности мы предлагаем выделить типы преступников:

1. «Особо опасные» («активные антисоциальные») - многократно судимые рецидивисты, устойчивое преступное поведение которых носит характер активной оппозиции обществу и его ценностям.

2. «Десоциализированные опасные» («пассивные асоциальные») - деклассированные лица, выпавшие из системы нормального общения, длительное время ведущие паразитическое, часто бездомное, существование. В основном это лица, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, тунеядцы, многие из них неоднократно судимы и являются алкоголиками.

3. «Неустойчивые» - лица, отличающиеся частичной криминогенной зараженностью и совершающие преступления (порой не один раз) не в силу стойких антиобщественных установок, а из-за включенности в такие группы, образ жизни которых находится на грани социально приемлемого и антиобщественного.

4. «Ситуативные» - лица, чья общественная опасность выражена в поведении незначительно. Преступления совершаются ими не потому, что ситуации имеют решающее значение.

Приведем типологию личности **корыстных преступников** (совершающих корыстные, имущественные преступления), созданную по мотивационным критериям.

Среди них выделены следующие типы:

1. «Утверждающийся» («самоутверждающийся») тип, к нему относятся лица, смыслом преступного поведения которых является утверждение себя, своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном уровнях. Разумеется, здесь присутствует и корыстный мотив, который выступает как параллельный, сопутствующий, в большинстве случаев равнозначный.

2. «Деадаптивный» (или «асоциальный») тип включает в себя лиц, у которых нарушена социальная адаптация, т. е. приспособляемость к условиям социальной среды. Эти преступники ведут антисоциальный, часто бездомный образ жизни, выключены из нормальных связей и отношений, многие из них являются бродягами и алкоголиками.

3. «Алкогольный» тип очень близок к «деадаптивному», но не сливается с ним. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных преступлений ради получения средств для приобретения спиртных напитков. По мере роста зависимости от алкоголя этот мотив приобретает в структуре личности все более доминирующее место, подчиняя себе все иные мотивы. Корыстные преступления, совершаемые ворами и расхитителями алкогольного типа, обычно не отличаются повышенной общественной опасностью. Чаще всего это мелкие кражи или мелкие хищения на производстве для удовлетворения потребности в спиртных напитках.

4. «Игровой» тип личности корыстных преступников весьма сложен с психологической точки зрения. Представителей «игрового» типа отличает постоянная потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в различного рода операциях, неожиданных контактах и т. д.

5. «Семейный» тип корыстных преступников; он выделяется в связи с той огромной, в том числе стимулирующей, ролью, которую играет семья. Этот тип обычно встречается среди расхитителей и взяточников и крайне редко среди лиц, совершающих кражи. Его представители характеризуются тем, что хищения совершаются не столько для самого себя, сколько для достижения необходимого, по их мнению и мнению близких и значимых для них людей, уровня обеспеченности материальными и духовными благами семьи и отдельных ее членов.

Рассматривая индивидуально-личностные особенности осужденных, склонных к девиантным формам поведения, сотрудниками НИИ ФСИН России (А.И. Мокрецов, В.В. Новиков, 2006) предложена дифференциация [8] на **6 подгрупп** в зависимости от выраженности их индивидуально-личностных особенностей и характера взаимоотношений в среде ближайшего социального окружения:

- активно-оптимистические экстраверты;
- спонтанно-некомфортный тип;
- стенично-агрессивный тип;
- эмотивно-впечатлительный тип;
- ригидно-педантичный тип;
- пассивно-интровертированный тип.

В представленных подгруппах даны диагностические критерии, описаны типичные поведенческие реакции, указаны ведущие стереотипы в сфере межличностных взаимоотношений, даны рекомендации по организации оптимальных форм взаимодействия в звене сотрудник - осужденный. Представленные рекомендации по психокоррекции носят в основном информационный характер.

Проводя анализ оснований в представленных типологических подходах несложно определить доминирование социально-средовой составляющей при выраженном забвении структуры психологических особенностей личности, совершившей преступление. Таким образом, развитие личности преступника пока остается побочным продуктом естественного функционирования деятельности правоохранительных структур. (Ю. Шаранов, 2000).

Целесообразно более подробно остановиться на самой философии типологического описания. Без сомнения (А. Сосланд, 1999), «этот род теоретизирования является крайне притягательным. Это связано с обретением иллюзии обладания исчерпывающим знанием о субъекте - особенностях его межличностных отношений, привычек и предпочтений, способов реагирования и слабых мест» [12]. Это в большей степени связано с влиянием, воздействием, управлением на другого, т.е. внешним воздействием с целью получения желаемого результата для воздействующего, так как описание того либо иного типа основано на убеждении в неизменности существующих черт и их обязательному наличию у каждого из тех, кто к нему относится. Иллюзия типологической компетентности является выра-

жено востребованной, т.к. она позволяет снизить страх\тревожный компонент, который бессознательно сопровождает любую силовую структуру. Способствует ли данный подход реализации **цели исполнения наказания** (см. ст. 43 ч. 2 УК РФ) - восстановлению социальной справедливости, исправлению, предупреждению совершения новых преступлений? Ведь исправление, как процесс, в узком смысле слова предполагает деятельность объекта, самого осужденного, по своему исправлению. Здесь, по существу, идет речь о самоисправлении, самовоспитании или **самоперевоспитании**. Попытка решения этой задачи, если индивид ставит ее перед собой, невозможна без осознания глубинных основ своего бытия. Психокоррекция, в данном рассмотрении, представляется не только как «умственное излечение», но объемней, как «путь самопознания». Рассчитывать на позитивный результат при примате принуждения там, где необходима «подлинная встреча с самим собой», весьма проблематично.

Вопрос решающей роли мотива в общем, психологическом механизме совершения преступления также требует более подробного рассмотрения. Современная криминальная психология рассматривает мотивационную сферу личности преступника как системообразующий фактор всего преступного деяния. Как таковое, преступление может характеризоваться сложной системой побуждений. Какой из них в общей структуре является доминирующим, возможно определить исходя из перспективного результата, к которому стремится преступник. По мнению М.И. Еникеева, «мотив деяния, это, прежде всего, личный смысл его результата» [6]. Комплекс

взаимодействия внешних и внутренних факторов, обуславливающий возникновение и развитие преступного деяния. характеризуется таким понятием, как **механизм преступления**, являющегося по своей сути совокупностью системообразующих элементов последнего. Рассматривая сознательное поведение индивида как результат взаимодействия целого комплекса побуждений, необходимо учитывать следующие вопросы. Почему индивид пришел в состояние активности? На что направляется его активность? Какова динамика данного поведенческого акта? И возможно, что наиболее существенно - какова глубинно-личностная основа производимого действия? В чем ее потребностный смысл и необходимость, если, несмотря на неоднократный негативный опыт, человек с неумолимой силой продолжает самореализовываться именно преступным образом? Какие механизмы взаимодействия с окружающей средой сформированы и как они реализуются в типически устоявшихся стереотипах поведения? Необходимо преодолеть упрощенное понимание **мотива** преступного поведения как изолированного, одномерного психического акта. Мотивация поведения выступает как системообразующий фактор всего механизма преступного деяния. «Модель мотивационной стороны преступления, описываемую в уголовном законе, следует считать весьма условной. Она охватывает, да и то выборочно, лишь отдельные мотивационные факторы, что естественно, не совпадает с фактической моделью мотивационной стороны, присущей реальному преступному поведению» [6].

Иными словами, речь идет о свойствах личности преступника, о тех субъ-

ективных качествах, которые послужили ближайшей и непосредственной причиной совершения преступления. Внешняя среда, ситуация способны создать благоприятные условия для совершения преступления, даже провоцировать на это, но не выступать в качестве причин. Если человек однозначно попадает в жесткую психологическую зависимость от конкретной ситуации, то значимы особенности его **личности**. При этом возникает вопрос: какова базовая психологическая основа формирования личности, вставшей на ассоциально-преступный путь самореализации? Для определения направления проводимого исследования необходимо вспомнить принцип, высказанный Л.С. Выгодским: «каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической, первоначально в своем развитии является функцией интерпсихической» [4].

Современные психолого-криминологические исследования [1, 6, 8, 9, 11] выделяют следующие основные причины, оказывающие существенное влияние на формирование личности преступника на стадии раннего детства - это первичная социализация. В этот период ребенок еще бессознательно усваивает манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы и также недостаток семейного воспитания, когда при отсутствии теплых эмоциональных отношений и целенаправленного воспитания в психике ребенка формируется враждебный образ окружающего его мира. В результате влияния этих причин в психике ребенка на бессознательном уровне формируется **тревожность, беспокойство, боязнь, потеря себя, своего «Я»**, неуверенность в своем бытии, ощущение и чувство враждеб-

ности окружающего мира. Ведущей чертой в данном случае является постоянное стремление к самоутверждению, защите своего «Я», отстаивание своего места в жизни. Наличие глубинной тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия является фундаментальной особенностью, отличающей преступника от законопослушного гражданина.

В психологии **тревожность** понимается как повышенная индивидуальная склонность испытывать беспокойство в самых различных жизненных ситуациях, в том числе и таких, которые объективно не содержат никаких для этого причин. Она обычно повышена при нервнопсихических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживающих последствия психотравмы. Очень важно отметить, что тревожность - это выражение субъективного неблагополучия личности, и необходимо различать ситуативную тревожность, связанную с конкретной внешней ситуацией, и личностную, являющуюся стабильным свойством личности. Тревога - эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. Такое ощущение может приводить к дезорганизации поведения, изменению его направленности. Очень часто это приводит к совершению преступлений, но если тревожность является личностной чертой, ее удовлетворение с помощью, например, хищений не может привести к ее снятию вообще.

Отсюда вывод, что тревожность способна активно стимулировать преступное поведение, но это происходит тогда, когда человек начинает ощущать необ-

ходимость защиты от людей или явлений, субъективно воспринимаемых как угрожающие или деструктивные. Так как в своем субъективном проживании тревога трансформируется в страх, наделяя угрожающими, враждебными характеристиками окружающую среду.

*Отчужденный от враждебного и опасного ему мира человек обречен на постоянное переживание депрессивного состояния с выраженностью следующих основных компонентов: **тоска, одиночество и тревога**. Особо значимое место в спектре тревожных проявлений занимает **страх смерти**. По мнению Е.Г. Самовичева, «именно отвержение родителями ребенка создает у него специфическое психологическое образование - полностью неосознаваемый страх смерти. Это не клинический симптом, его очень редко можно наблюдать в форме прямого, открытого высказывания преступника. Страх смерти связан с наиболее глубокими онтологическими основаниями бытия личности - чувства, права и уверенности в существовании, в своей самоидентичности, автономии «я» от «не-я»»[1]. Эти фундаментальные основы индивидуального бытия в норме никогда не рефлексированы сознанием, и должны сложиться определенные условия, чтобы человек начал **осознавать** эти основы.*

Психическое отражение индивидом факта собственного существования образуется на стадии отделения «я» от «не-я». В основе этого отделения лежит чувство безопасности, формирующееся как способ индивидуального бытия в условиях полного принятия ребенка другими людьми, прежде всего его родителями. Совершенно иная жизненная ситуация складывается в случае неприятия

ребенка другими. Можно полагать, что отвержение, как крайняя форма неприязни, ведет к отсутствию чувства безопасности, к несформированности или дефектности психического отражения существования и как результат личностной диспозиции, выраженной в понятии страха смерти.

Страх может приводить к распаду целостного ощущения «я». Поэтому внешние факторы, порождающие такой распад, отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять, включить в свое «я», поскольку он сам недостаточно включен в структуру той социальной среды, которая это «я» создает, и прежде всего, семьи. Индивид формирует свои субъективные **границы**, как **внешние**, так и **внутренние**, в рамках которых он осуществляет сознательно и (или) бессознательно свое бытийное существование.

Криминогенность тревожности заключается в том, что она включает в себя беспокойство, субъективное ощущение своей уязвимости, незащищенности, личностной неопределенности, и уровень ее внутриспсихической выраженности таков, что она детерминирует специфическое восприятие окружающей среды тоже как неопределенной, расплывчатой, неясной, чуждой и даже враждебной. Поэтому непонятны и чужды ее нормы и запреты, перестающие играть регулируемую роль. Именно совокупность всех этих моментов образует тревожность не только как состояние, но и как устойчивую психологическую черту, личностную позицию, формирующую, в конечном счете, дезадаптивное поведение индивида, его отношение к миру. Очень важно подчеркнуть, что тревожная личность бессознательно прое-

цирует свои состояния и переживания на среду и воспринимает ее уже таковой.

*Основной поведенческий фонд человека **стеретипизирован**. Упрочившиеся, обобщившиеся способы поведения данной личности являются ее характерологическими качествами. Е.Э. Газарова, рассматривая условия формирования человеческой телесности, подчеркивает: «...только значимая информация формирует основные телесные особенности, и чем более эмоционально пережита эта информация, тем сильнее она «вращается» в человека (психосомато-висцеральный паттерн полностью охватывает всю структуру человека)» [5]. По принципу консолидации и активации следов памяти паттерн будет запускаться в каждой ситуации, даже отчасти аналогичной эталонным психологическим конструктом, психическим состоянием, напряжением конкретных мышц, определенными изменениями параметров сосудистой, эндокринной, иммунной систем. Таким образом, как утверждает М.И. Еникеев, «не изолированные отдельные сознательные мотивы, а общая направленность и обобщенный способ поведения определяют поведение устойчивых преступников» [6]. Степень их **осознанности** в своей общей совокупности весьма проблематична. Для понимания механизмов поведения преступников введено понятие «**тип личности**» преступника, при этом возникает очень важный вопрос. Что должно лечь в основу данной типологии, и каким критериям она должна отвечать?*

Резюмируя вышеизложенное, возможно утверждение, что в основе рассмотрения личности преступника при изучении ее формирования, выявления ин-

дивидуальных особенностей в зависимости от вида совершения противоправных действий и возможных путей ресоциализации целесообразна модель, объединяющая следующие составляющие:

- агрессия;
- страх;
- границы;
- субъективный образ «Я».

Наиболее полно данным требованиям отвечает гуман-структурологическая концепция Гюнтера Аммона [2,3,10,15]. Методика адаптирована и рестандартизирована специалистами Санкт-Петербургского НИИ им. В.М. Бехтерева, как русскоязычная версия ISTA - Я-структурного теста Гюнтера Аммона (Тупицин, Бочаров и др., 1998). Решая задачи психологического сопровождения деятельности сотрудников ОВД, осуществлен принципиально новый психодинамический ориентированный подход (В.А. Шаповал, 2000), позволяющий целостно описать структуру личности в совокупности ее структурных компонентов. Нами была предпринята попытка сравнительного анализа типологического и психодинамического подходов в оценке личности преступника (см. www.socialworks.ru).

Согласно концепции Г. Аммона основополагающим понятием личности является «Я-идентичность» - ядерное психологическое образование, обеспечивающее ее целостность и опосредованное структурой центральных личностных образований, находящихся в области бессознательного (Я-функций), но проявляющихся через вторичные сознательные функции, определяющие содержание способностей и навыков человека. В этой связи в тестовом психодиагностическом аспекте впервые предприня-

та попытка измерения бессознательно-го с помощью сознательного самоотчета в виде самооценок собственных переживаний и поступков в представленных ситуациях отношений.

Из потенциально бесконечного количества Я-структур бессознательного в качестве тестовых «мишеней» (шкал) были отобраны образования, репрезентативно отражающие его целостную структуру и наиболее информативные для решения практических психодиагностических задач. В рассматриваемой версии Я-структурного теста такими образованиями являются: 1) агрессия, 2) страх (тревога), 3) внешнее Я-отграничение (контроль внешних границ Я), 4) внутреннее Я-отграничение (контроль внутренних границ Я), 5) нарциссизм (степень целостного принятия себя) и 6) сексуальность.

При этом центральные Я-функции содержательно понимаются как изначально данная конструктивная сила:

- агрессия - потенциал активности;
- страх - способность совладания с тревогой;
- внешнее Я-ограничение - автономия с гибкой границей;
- внутреннее Я-ограничение - гибкая граница осознающего Я и неосознаемых побуждений;
- нарциссизм - позитивное самопринятие;
- сексуальность - взаимообогащающее единение.

Будучи сформированными «нормально», «патологически» или «задержанными» в своем развитии, центральные Я-функции проявляют себя либо *конструктивно*, способствуя развитию Я-идентичности и оптимальной адаптации к среде; либо *деструктивно*, приво-

для деформации личностной структуры, дезинтеграции процесса становления Я-идентичности и дезадаптации либо *дефицитарно*, препятствуя становлению личности и необходимой дифференциации психических функций.

Я-идентичность, как ядерное психологическое образование, обеспечивающее целостность личности, теснейшим образом связана с другими центральными психическими функциями, деятельность которых опосредуется идентичностью и в свою очередь обеспечивает ее сохранение и развитие.

Процесс развития человека, возникновение психических расстройств и их преодоление понимаются динамической психиатрией как процесс преобразования Я-идентичности.

В отличие от большинства психологических концепций, вкладывающих в понятие **«структура»** личности статичное представление, гуманструктуральная модель личности не может быть понята вне процесса взаимодействия индивида и окружающей среды. При этом в качестве важнейшего средового фактора выступает интегрированная совокупность отношений между индивидом и первичной группой, понимаемая не как сеть пересекающихся интеракций или транзакций (*по Э. Берну*), а как **групповое динамическое поле**, в которое вписывается индивид при обмене т.н. «социальной энергией» в процессе своего формирования и социализации.

В основе понятия **«социальная энергия»**, по Аммону, лежит описанный еще К. Левиным феномен силового межличностного взаимодействия психических полей, подчиняющегося групповым динамическим закономерностям. Обменные энергетические про-

цессы между группой и индивидом по своему характеру могут быть как позитивными, способствующими развитию Я-идентичности, так и негативными, препятствующими формированию «здоровой» личности.

Центральные Я-функции, как важнейшие интрапсихические образования, служат своего рода «органами», обеспечивающими характер такого взаимодействия и индивидуальную психологическую адаптацию. Как и всякий другой орган, эти функции могут быть сформированы «нормально», «патологически» или «задержаны» в своем развитии. Решающим здесь является характер взаимодействия, как в первичном симбиозе, так и в целом в группо-динамическом жизненном поле.

В свою очередь уровень сформированности Я-функций определяет особенности взаимодействия в последующих межличностных отношениях, или обмене «социальной энергией». Такой обмен может позитивно расширять возможности личности, способствовать ее интеграции и развитию Я-идентичности, обеспечивая оптимальную ее адаптацию к среде, т.е. иметь **конструктивный** характер, - с одной стороны; деформировать личностную структуру, дезинтегрировать процесс становления Я-идентичности, дезадаптировать, - т.е. действовать **деструктивно**, - с другой; или же препятствовать становлению личности, необходимой дифференциации психических функций, снижать интенсивность динамических межличностных взаимодействий, тем самым порождать **функциональный интрапсихический дефицит**.

В связи с этим динамическая психиатрия выделяет три качества социальной энергии и соответствующие им три

составляющие функциональной организации Я: **конструктивность, деструктивность, дефицитарность.**

Центральные личностные образования по Аммону находятся в области бессознательного и, являясь «гипотетическим конструктом», недоступны непосредственному наблюдению. Однако, как конденсат отношений, они могут проявляться через вторичные, осознаваемые психологические функции, деятельность которых в значительной мере ими определяется в каждой актуальной интеракции. В тестовом психодиагностическом аспекте такое понимание соотношения сознательного и бессознательного, а также функциональный характер последнего позволяют сформулировать, на первый взгляд, парадоксальное положение - о доступности измерения бессознательного с помощью сознательного самоотчета. Поскольку теоретически бессознательное может включать в себя потенциально бесконечное количество конструктов, с методологической точки зрения, особенно важен вопрос отбора ограниченного числа тестовых «мишеней», которые, репрезентативно отражая целостную структуру бессознательного, в то же время являются наиболее информативными образованиями для решения практических задач.

В психодиагностической системе Я-структурного теста в качестве таких мишеней были отобраны шесть центральных гуман-функций:

1) агрессия, 2) страх (тревога), 3) внешнее Я-отграничение (отмежевание Я от не Я, контроль внешних границ Я), 4) внутреннее Я-отграничение (отмежевание сознательного Я от Я неосознаваемого или контроль внутренних границ Я), 5) нарциссизм (степень целост-

ного принятия самого себя) и 6) сексуальность.

В совокупности конструктивной, деструктивной и дефицитарной составляющих каждой гуман-функции показатели соответствующих шкал теста в своей совокупности наглядно представляют психографический «срез бессознательной гуманструктуры» испытуемого.

Уровень психического здоровья испытуемого определяется как соотношение конструктивных (адаптационных) и деструктивно-дефицитарных (психопатологически измененных и недоразвитых) составляющих базисных неосознаваемых функций «Я» в гуман-структуре индивида, формирующихся в президипальный и эдипальный период под влиянием первичного симбиоза, т.е. контакта с матерью или лицом, ее заменяющим, и определяющих «*par exelens*» всю последующую душевную динамику личности. Это дает возможность получить количественную и качественную интегральную оценку ее структуры в совокупности здоровых и патологически измененных аспектов.

Психодиагностическая система оценки испытуемого включает в себя анализ блоков шкал четырех уровней:

Первый уровень представлен 18 основными шкалами, объединенными в 6 отдельных блоков для качественной и количественной диагностики основных гуман-функций личности испытуемого:

- агрессии (**A1, A2, A3**);
- страха (тревоги) (**C1, C2, C3**);
- внешнего «Я-отграничения» (контроль внешних границ Я) (**Q1, Q2, Q3**);
- внутреннего «Я-отграничения» (контроль внутренних границ Я) (**Q*1, Q*2, Q*3**);
- нарциссизма (степень целостности принятия себя) (**N1, N2, N3**);

• сексуальности (**S1, S2, S3**), каждая из которых включает в себя шкалы конструктивной (1), деструктивной (2) и дефицитарной (3) составляющих.

Второй уровень психодиагностической системы представлен 3 диагностическими показателями, являющимися суммарными производными от конструктивных, деструктивных и дефицитарных шкал всех шести вышеуказанных гуман-функций:

- общей конструктивности – **Co**;
- общей деструктивности – **De**;
- общей дефицитарности Я-структуры личности испытуемого – **Df**.

Третий уровень системы является производным разности показателей второго уровня и позволяет оценить:

- адаптационный потенциал – **Adp**;
- потенциал психической активности личности испытуемого – **Pac**.

Четвертый уровень системы представляет интегральный диагностический показатель «Я-идентичность», отражающий ресурс психического здоровья испытуемого и являющийся производным шкал второго и третьего уровней – **Re**.

Показатели второго, третьего и четвертого уровней рассчитываются по следующим формулам:

Co = $\sum K1$, где K – средние значения конструктивных, деструктивных и (**De** = $\sum K2$) дефицитарных шкал всех шести вышеуказанных (**Df** = $\sum K3$) гуман-функций.

$$Adp = Co - De;$$

$$Pac = Co - Df;$$

$$Re = Co - (De + Df).$$

Нами был проведен сравнительный анализ средних «сырых» оценок по всем 24 шкалам опросника данных при ретрандартизации опросника [10], проведенной на группе, включавшей 1000 испытуемых в возрасте от 18 до 53 лет, преимущественно со средним или средне-специальным образованием (Тупицын, Бочаров и др., 1998), и группы с осужденными колонии особого режима, включающей 300 испытуемых, совершивших насильственные, корыстные преступления, а также противоправные действия в сфере половой неприкосновенности и незаконного оборота наркотиков.

Таблица 12

№	A1	A2	A3	C1	C2	C3	Q1	Q2	Q3	Q*1	Q*2	Q*3
Ср зн\ зн	9,58	7,99	3,89	8,28	1,62	3,87	8,59	4,16	3,54	9,83	3,72	4,77
Ср зн\ прст	8,76	4,51	4,63	6,44	5,76	6,81	7,17	4,63	4,24	8,58	5,15	5,12
№	№1	№2	№3	S1	S2	S3	Co	De	Df	Adp	Pac	Re
Ср зн\ зн	8,86	3,47	2,48	8,53	4,33	2,97	53,67	21,59	21,52	30,08	32,15	10,5
Ср зн\ прст	7,99	3,66	3,74	7,31	4,35	2,33	46,25	28,03	26,87	18,22	19,38	-8,64

В табл.12 представлены численные значения средних «сырых» оценок по всем 24 шкалам у законопослушных

граждан (Ср зн\
зн) и лиц, совершивших преступления (Ср зн\
прст). Возможно выделить существенные различия уров-

ней выраженности деструктивным (С2) и дефицитным (С3) шкалам гуман-функции страха (выделено чертой), что подтверждает ранее указанное теоретическое положение о влиянии сформированной в раннем возрасте тревоги на правовую направленность первичной социализации индивида. Имеющиеся значимые различия в **адаптивных** возможностях, **психической активности** и **ресурсе психического здоровья** (выделено жирным шрифтом) могут являться маркерами при оценке степени криминализации личности и групп раз-личной криминальной принадлежности.

Дальнейшее рассмотрение требует изложения теоретического подхода применительно к психической реальности личности, который, на наш взгляд, наи-более приемлем для практической оценки степени криминализации индивида и определения эффективности мероприятий по ее ресоциализации.

По определению В.В. Козлова [7] человек понимается, как живая открытая, сложная, многоуровневая самоорганизующаяся система, обладающая способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и генерировать новые структуры и формы организации. Само обозначение психики, как сложной многоуровневой открытой живой системы носит генетический характер, как имманентно присущий человеку, а также социальным общностям на микро- и макроуровнях.

Наиболее адекватно и инструментально полезно описание проявления генетического процесса в развитии личности существует в теории диссипативных структур (Никлис, Пригожин И., 1990). Неравновесные (диссипативные) структуры проявляют следующие свойства:

- избирательная неустойчивость;
- вероятностный отбор состояний;
- автономность;
- независимость собственной эволюции системы от начальных условий ее возникновения.

Суть этих свойств состоит в следующем. Сложная многокомпонентная система, каковой является человеческая психика, имеет потенциально множество векторов своего развития. Эти пути определяются в критических точках - **точках бифуркации**, когда система колеблется перед выбором и затем принимает направление своего дальнейшего развития. На отрезке динамической стабильности даже значительные внешние средовые воздействия минимально влияют на общее направление движения системы. В точке бифуркации даже небольшое добавочное воздействие на систему может положить начало эволюции в совершенно ином направлении, которое также изменит все поведение макроскопической системы. До следующей возможной критической точки система будет функционировать на детерминистских началах в соответствии со своей природой.

Возможность практического применения гуман-структурологии Г. Аммона в анализе личности преступника возможна через введение понятия - **тенденции гуман-фактора** (Td gfk), которая определяется, как частное от деления конструктивной составляющей гуман-функции на сумму ее деструктивной и дефицитной части. Таким образом: $Td\ gfk = K1/K2 + K3$, где **K1** - конструктивная составляющая соответствующей гуман-функции; **K2** - деструктивная составляющая соответствующей гуман-функции; **K3** - дефицитная со-

ставляющая соответствующей гуман-функции.

Результаты расчетов **тенденций гуман-факторов** (Id gfk) по двум вышеназванным группам представлены в табл. 13. Если численное значение

гуман-факторной тенденции больше 1, то в структуре психической реальности преобладает конструктивная составляющая, если меньше 1, то превалируют деструктивная и дефицитарная составляющие.

Таблица 13

Td gfk	A	C	Q	Q*	N	S	ICo,De,Df
Id gfk зкн	1,17	1,51	1,11	1,15	1,48	1,16	1,24
Td gfk прст	0,95	0,51	0,8	0,83	1,07	1,09	0,84

В представленном варианте различия между группой законопослушных граждан (Id gfk зкн) и лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления (Td gfk прст), заключаются в том, что Id gfk зкн A,C,Q,Q*,N,S и интегрального показателя \Co,De,Df больше единицы, т.е. результирующим является способ жизнедеятельности с конструктивной основой. Во второй группе Td gfk прст, больше 1 только S и N, все остальные меньше 1, т.е. в процессе осуществляемой жизнедеятельности превалирует деструктивная и дефицитарная основа.

Сексуальность является функцией организма биологически присущей индивиду, т.е. онтогенетически и филогенетически самой древней и устойчивой психофизиологической структурой. В местах лишения свободы находятся только лица с положительным психиатрическим статусом. Психически здоровая личность, обладающая механизмами психологической защиты, всегда имеет утвердительно начало - положительную валентность [7]. Нет никакой разницы, какова структура или содержание личности. Важно, что любому качеству, любой маленькой подструктуре личности всегда есть оправдание. В зависимости от уровня развития ментальности, «Я» оправдывается

на уровне психологических, философских, религиозных, экономических, идеологических и духовных спекуляций. Индивид может просто ничего не знать о вышеперечисленных уровнях, а просто переживать состояние «правильности». Поэтому, несмотря на неоспоримую тяжесть совершенных преступлений, индивид всегда найдет себе оправдание, обещивающее позитивный образ себя.

Индивид может не считать себя преступником, более того, может порицать деструктивные формы поведения. Важно другое - пока его жизненные условия стабильны (удовлетворение первичных потребностей, наличие работы, позитивные межличностные отношения, социальный статус и приемлемая бытийная перспектива...), образ личностной самореализации может не выходить за рамки общепринятого правового поведения. В ситуации возникновения кризисного состояния (потеря работы, развод, неспособность реализовать личностно значимые цели.), как прохождение точки бифуркации, у лиц, обладающих тенденцией гуман-факторов < 1, значительно увеличивает вероятность совершения ими противоправных действий по сравнению с лицами, чья тенденция гуман-факторов > 1.

Достоверность полученных значений и оценку различий между двумя независимыми выборками законопослушных граждан и лиц, совершивших преступления, определяется U-критерием Манна-Уитни [13].

Вычисление значения U-критерия для каждой выборки производится по формуле:

$$U_{зак} = n_{зак} n_{прст} + \frac{n_{зак} (n_{зак} + 1)}{2} - T_{зак}$$

$$U_{прст} = n_{зак} n_{прст} + \frac{n_{прст} (n_{прст} + 1)}{2} - T_{прст}$$

где $n_{зак}$ – количество тенденций гуман- факторов законопослушных граждан, $T_{зак}$ – сумма рангов законопослушных граждан,

$n_{прст}$ – количество тенденций гуман- факторов преступников,

$T_{прст}$ – сумма рангов преступников.

$U_{эмп}$ равно наименьшему из значений $U_{зак}$ и $U_{прст}$: $U_{эмп} = \min (U_{зак}; U_{прст})$.

В соответствии с выбранным критерием, проранжируем объединенную выборку тенденций, приписывая меньшему значению меньший ранг. Полученные данные занесем в табл. 14:

Таблица 14

Знач.	0,51	0,8	0,83	0,84	0,95	1,07	1,09	1,11	1,15	1,16	1,17	1,24	1,48	1,51
Место	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
r	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Выборка	прст	зак												
r _з	1	2	3	4	5	6	7							
r _п								8	9	10	11	12	13	14

Подсчитаем сумму рангов законопослушных граждан и преступников: $T_{прст} = 28$, $T_{зак} = 77$.

Сформулируем гипотезы:

H_0 : различия между значениями в группах статистически недостоверны, то есть случайны.

H_1 : различия между значениями в группах статистически достоверны, то есть являются неслучайными.

Вычислим значения $U_{зак}$ и $U_{прст}$:

$$U_{зак} = n_{зак} n_{прст} + \frac{n_{зак} (n_{зак} + 1)}{2} - T_{зак} =$$

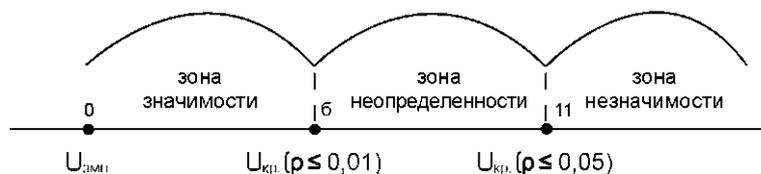
$$= 77 + \frac{7(7+1)}{2} - 77 = 0$$

$$U_{прст} = n_{зак} n_{прст} + \frac{n_{прст} (n_{прст} + 1)}{2} - T_{прст} =$$

$$= 77 + \frac{7(7+1)}{2} - 28 = 49$$

Найдем $U_{эмп} = \min (U_{зак}; U_{прст}) = 0$.

По табл. II приложения 1 [13] найдем $U_{кр. (p \leq 0,05)}$ и $U_{кр. (p \leq 0,01)}$. Изобразим на оси значимости все найденные значения критерия.

Так как $U_{эмт} < U_{кр.} (p < 0.01)$, то H_1 принимается с уровнем значимости $p < 0.01$, а H_0 отвергается. Следовательно, различия между значениями тенденций в группах законопослушных граждан и лиц, совершивших преступление статистически достоверны с достоверностью $\geq 99\%$, то есть являются **неслучайными**.

*Подытоживая вышеизложенное, представляется возможным определение степени криминогенной зараженности, как индивида, так и групп различной социальной наполненности путем введения **коэффициента правовой устойчивости – К пу**, который соответствует $[Co, De, Df]$, т.е.: **К пу = [Co, De, Df]**.*

Учитывая, что показатель К пу (см. табл. 13) для законопослушной группы является нормообразующим [10], то в сравнительной оценке как индивидуального, так и группового вариантов, при $K_{пу} \geq 1,24$ более вероятно законопослушное поведение; $K_{пу} < 1,24$ более вероятно противоправное поведение.

*Основываясь на данном подходе, возможно определение уровня выраженности криминальной зараженности и степени общественной опасности в отношении лиц, совершивших преступление в общем комплексе мероприятий превентивного характера и постпенитенциарного патронажа. При достаточной выборке 500-1000 **К пу** нормообразующее можно рассчитывать применительно к различным пространственно-временным условиям.*

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. 228 с.
2. Аммон Понтер. Динамическая психиатрия, изд. Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1995, 200 с.

3. Бочаров В.В., Шаповал В.А. «Я-структурный тест» Г. Аммона: Перспективы использования в медико-психологическом обеспечении учебно-воспитательного процесса в ВУЗе//200 лет МВД. Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28-29 мая 1998 года. СПб.: СПб Академия МВД России, 1998.

4. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

5. Газарова Е.Э. Психология телесности. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2002. 12 с.

6. Еникеев М.И. Юридическая психология. Учебник для вузов. М.: Издательская группа НОРМА - ИНФРА. М., 1999. 517 с.

7. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. Ярославль. 1999. 238 с.

8. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание: Учебно-методическое пособие. М.: НИИ ФСИН России, 2006. 220с.

9. Наказание и исправление преступников/Под ред. проф. Ю. Антоняна. М.: НИИ МВД РФ, 1998. 392 с.

10. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование/под ред. М.М. Кабанова, Н.Г. Незнанова. СПб.: Институт им. В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.

11. Психология и педагогика в профессиональной подготовке сотрудников ОВД. В 5-ти частях. Часть 1/ Под ред. А. Дунаева, А. Батыщева. М., 1992. 174 с.

12. Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999. 368 с.

13. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: ООО«Речь», 2000. 350с., ил.

14. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии. Учеб./Под ред. С.Н. Пономарева. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. 536 с.

15. Шаповал В.А. Концепция медико-психологического обеспечения процесса подготовки офицерских кадров в высших военно-учебных заведениях МВД России//Актуальные проблемы пограничной психиатрии. Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 3 апреля 1998 г. СПб.:ВМедА, 1998.

Психологическая профилактика делинквентного поведения подростков в семье

А. С. Душкин

Аннотация: психологические аспекты профилактики противоправного поведения несовершеннолетних правонарушителей. Участие психолога в профилактике семейного неблагополучия.

Ключевые слова: делинквентное поведение, психологическая профилактика, психологическое сопровождение, социально-психологическая помощь.

The summary: *psychological aspects of preventive maintenance of illegal behaviour of minor offenders. Participation of the psychologist in preventive maintenance of family trouble.*

Keywords: *illegal behaviour, psychological preventive maintenance, psychological support, socially – the psychological help.*

В условиях современного развития российского общества важное место занимают исследования и проблемы повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

В современной России преступность несовершеннолетних составляет значительную часть в общей структуре преступности. Основные причины тому известны – уход государства от решения проблем досуга детей и связанное с этим резкое сокращение общественных клубов, спортивных и оздоровительных центров, отсутствие внимания в решении вопросов общественно-полезной занятости подростков, распад существовавшей системы социальной профилактики правонарушений, низкий уровень

доходов значительной части населения и связанное с этим увеличение числа детей, оказавшихся без надлежащего родительского контроля. [1, С. 11-17].

Сегодняшние подростки будут через несколько лет определять жизнедеятельность нашего общества. Именно это обуславливает необходимость широкой профилактики делинквентного поведения. Установлено, что свыше 30% лиц, осужденных при особо опасном рецидиве, совершили первое преступление в несовершеннолетнем возрасте [3, С. 4]. В связи с этим можно представить размеры роста рецидивной преступности.

Учитывая, что подрастающее поколение является естественным резервом социального развития, будущего любой страны, нарушение его представителя уголовных и нравственных норм обнажают недостатки воспитания, образования и иных условий социализации подрастающего поколения. Кроме того, количественные показатели преступности несовершеннолетних могут служить своеобразным прогнозом состояния всей преступности. Не случайно международное сообщество рассматривает предупреждение преступности несовершеннолетних как важный аспект предупредительной деятельности общества в целом.

Сейчас вопросы профилактики стоят не только перед правоохранительными и иными государственными органами, общественными организациями, но в первую очередь, перед семьей.

Профилактика противоправного поведения несовершеннолетних составляет крупную проблему юридической психологии, особенно острую в сфере ранней профилактики. В юридической науке под ранней профилактикой понимается работа с группами лиц, относящихся к категории повышенного криминального риска. Законодательные и правоохранительные органы должны знать и учитывать механизмы поведения, обусловленные особенностями психической деятельности несовершеннолетних в ситуациях, значимых для правовой оценки [2, С. 136]. Таким образом, принцип научной обоснованности правового регулирования поведения включает и обязательность использования данных психологической науки. При этом надо учитывать, что эта сфера применения знаний должна строиться на одной методологической основе с общей психологией, поскольку общие законы детского развития и воспитания есть, вместе с тем, законы развития и воспитания трудного ребенка.

Субъекты системы уголовно-правового регулирования поведения должны не только знать и учитывать особенности психического состояния, психологические свойства личности, цели и мотивы инкриминируемых поступков, способность несовершеннолетнего осознавать значение своих действий и руководить ими, но и выявлять предпосылки к асоциальному поведению лиц группы повышенного криминального риска.

Одним из основных направлений в предупреждении преступности несовершеннолетних является психологическое сопровождение профилактической деятельности различных субъектов профилактики в семьях несовершеннолетних делинквентов.

Диагностика семейного неблагополучия должна осуществляться путем изучения документов, проведения бесед, наблюдения, консультаций, анкетного опроса, морально-психологического климата, взаимоотношений родителей между собой и с детьми, данные о поведении членов семьи, анализа собранной информации. К изучению семей для более объективной оценки семейных отношений необходимо привлекать опытных психологов, педагогов, юристов-криминологов, врачей-психиатров и других медицинских работников.

Профилактические мероприятия по нормализации обстановки в неблагополучных семьях предполагают осуществление различных мер социально-правовой, социально-педагогической и психологической помощи семьям. При этом необходимо подчеркнуть, что предупреждение неблагоприятных воздействий на несовершеннолетних со стороны семьи должно носить комплексный характер, соединяя в себе меры убеждения, принуждения и помощи.

Особое внимание субъектам профилактики следует уделять родительским семьям несовершеннолетних с деструктивными эмоционально-конфликтными отношениями супругов, родителей и детей (семьи, где постоянно возникают ссоры, скандалы, драки родителей, супружеские измены; семьи, в которых нарушены эмоционально-психологические взаимоотношения между супругами, отсутствует эмоциональная близость между родителями и детьми и др.), так как такая форма семейного неблагополучия особенно пагубно сказывается на формировании личности подростков. Зачастую подобные отношения в семье приводят к ее распаду, несущему для мате-

ри, с которой чаще всего ребенок остается жить после развода, огромную психологическую травму.

Несмотря на то, что около трети подростков, совершивших преступления и правонарушения, воспитывались в полных семьях, их неблагоприятные социальное, материальное положение и психологический климат зачастую все же способствуют негативному влиянию на детей. Неспособность семьи справиться с задачей воспитания личности подростка ставит его в зависимое и обезоруживающее положение перед различными трудностями и противоречиями в обществе, весьма уязвимую ситуацию, обуславливающую дезориентацию в социальной действительности и провоцирующее преступное поведение. Поэтому в первоочередном порядке субъектам профилактики необходимо все усилия направлять на нормализацию эмоционально-психологической обстановки в таких семьях, укреплению их, предупреждению распада, оказанию психологической помощи разведенным матерям и их детям.

Для эффективного решения выше указанных семейных проблем необходимо участие такого специалиста, как психолог. Поэтому для решения этих проблем необходимо совершенствование деятельности реабилитационных служб (центров) социально-психологической помощи семьям с нарушенными эмоционально-психологическими взаимоотношениями между ее членами, одиноким и разведенным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, а также женщинам и детям, подвергающимся насилию в семье, одиноким отцам и др. Активное участие психологов в деятельности данных служб будет способ-

ствовать устранению неблагоприятного эмоционально-психологического климата в семье, конфликтных отношений между родителями, снижению эмоциональной напряженности в отношениях между членами семьи за счет переосмысления ситуации и перестройки способов взаимодействия и т.д. Эти службы, кроме того, смогли бы оказывать психологическую помощь подросткам, подвергшимся преступным посягательствам со стороны других лиц. Также данные службы могли бы оказывать как психологическую помощь путем консультирования, проведения различного рода тренингов и других мероприятий, так и социальную помощь.

Литература

1. Бакаев А.А., Остапенко Н.И. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних. М., 2003. С. 11-17.
2. Иванова Е.С. Психологические проблемы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних//Преступность несовершеннолетних: психолого-юридические аспекты: Материалы науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во СПб университета МВД России, 2007. С. 136.
3. Профилактика правонарушений и преступлений несовершеннолетних/Под ред. А.В. Заряева, В.А. Лелекова, С.Т. Гаврилова. Воронеж: Изд-во Воронежского института МВД России, 2004. С. 4.

Новые книги по психологии

Сильвия Бринтон Перера. Комплекс козла отпущения. Миф и психология коллективной Тени. Издательство: НФ Класс, 2009. 160 с.

Термин «козел отпущения» хорошо известен каждому. Однако значение его гораздо глубже, чем нам кажется. Мы забыли о том, что изначально козел отпущения - это человек или животное, приносимые в жертву богам для того, чтобы умиротворить их гнев и исцелить сообщество.

Эта книга рассказывает о комплексе козла отпущения - комплексе, в той или иной мере присущем всем нам, - и поможет психотерапевтам найти ключ к исцелению людей, оказавшихся в его власти. Теоретические принципы и понятия иллюстрируются здесь наглядными примерами, взятыми из клинической практики.

Леонид Кроль. Острова психотерапии. Издательство: НФ Класс, 2009. 384 с.

Книга эта - пристрастные размышления о психотерапии и психотерапевтах, о том, какими они явились из своего прекрасного далека во времена диалога культур, надежд и свершившихся проектов, в том числе, проектов самого автора. О том, что жизнь проходит, но, может быть, не зря. О том, что жизнь продолжается, перетекает в иное. В этой череде изменений аутсайдеры становятся классиками, постепенно превращаясь в счастливых дилетантов новых земель.

Леонид Кроль знакомит читателей с яркими профессионалами, которых узнал за многие годы работы, находит неожиданные общие точки в историях и портретах, рассказывает случаи из своей практики коучинга, поворачивает сюжеты в странном и порой парадоксальном ракурсе. И все это для того, чтобы познакомить людей разных профессий и поколений с архипелагом психотерапии, который, как и жизнь, разбросан на разных островах.

Линда Шиерз Леонард. Эмоциональная женская травма: исцеление детской травмы, полученной дочерью в отношениях с отцом. Издательство: НФ Класс, 2009. 224 с.

Автор на собственном опыте и опыте других женщин с эмоциональной травмой, а также на основе анализа сновидений, мифов, сказок, фильмов, произведений известных писателей с позиций «юнгианской диагностики» исследует причины и следствия эмоциональной травмы. Линда Леонард приводит свою символическую классификацию проявления эмоцио-

А. И. Фролов

нальной травмы, исходя из полярностей: пуэлла («вечная девушка») и деловая женщина («амазонка в панцире»), рассматривает возможные их разновидности в зависимости от характера травматических отношений отца и дочери. Предлагаются пути и способы исцеления, а это важно, т.к. от отношений с отцом в дальнейшем зависит и социальная успешность женщины, и развитие ее творческих способностей, а также проявление здоровой сексуальности и формирование зрелых отношений с мужчинами. Книга будет полезна не только психологам различных школ и направлений, но и всем, кого интересуют отношения родителей и детей.

Николаева Е.И. 111 баек для детских психологов. Издательство: Питер, 2009. 160 с.

В изящной занимательной форме изложены ключевые вопросы психологии детского возраста. Описаны сто одиннадцать ситуаций (мифы, притчи, были и т.д.), имеющих отношение к воспитанию детей. К каждой ситуации дан соответствующий комментарий в виде краткого психологического анализа, а также указана область применения.

Книга предназначена для профессионалов (психологов, воспитателей, педагогов), а также для студентов вузовских факультетов психологического и педагогического профилей.

Грабе Мартин: Синдром выгорания - болезнь нашего времени. Издательство: Речь, 2008. 96 с.

Синдром выгорания - болезнь нашего времени, приобретающая национальные масштабы. Как правило, она настигает тех, кто совсем не брал ее в расчет, - по причине своей чрезмерной занятости. В особой группе риска находятся идеалисты, которые с полной ответственностью уходят в работу с головой. Как протекает это нарушение, как можно распознать симптомы на ранних стадиях, как оказать действенную помощь себе и другим? Для вас это жизненно важная информация, так как синдром выгорания - не просто болезнь. На карту поставлены наше здоровье и организация нашей жизни, поэтому стоит посвятить время этой теме.

Добряков И.В. Перинатальная психология. Издательство: Питер, 2010. 272 с.

Книга посвящена новому разделу психологической науки - перинатальной психологии.

Автор касается вопросов истории ее формирования за рубежом и в России, приводит и анализирует различные подходы, показывая предпочтительность биопсихосоциального. В монографии освещены психологические особенности всего репродуктивного процесса: зачатия, беременности, родов, ранних этапов постнатального онтогенеза. Особое внимание уделено организации перинатальной психологической помощи женщинам и членам их семей, в том числе и при перинатальных утратах.

Рамси Н. Психология внешности. Издательство: Питер, 2009. 256 с.

В уникальной книге известных английских психологов Николы Рамси и Дианы Харкорт изложены ключевые вопросы современной психологии внешности. Книгу отличает подробное и всестороннее рассмотрение психологических проблем, связанных с внешностью, а также описание эффективных способов их решения. Представленные разделы посвящены теоретическим и прикладным аспектам психологии внешности, нормальному и аномальному принятию своей внешности людьми, имеющими видимые отличия разной степени выраженности или испытывающими тревогу и неудовлетворенность своей внешностью. Издание предназначено для психологов, психотерапевтов, психиатров, пластических хирургов и представителей смежных специальностей, работающих в сфере красоты и здоровья.

Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности. Издательство: Питер, 2009. 240 с.

Что значит красота в современном обществе? Какую роль играет физическая привлекательность? Как интерпретируется красота с позиций социальной и эволюционной психологии? Замечательная книга, написанная известными английскими психологами Виреном Суэми и Адрианом Фернхемом, дает подробные высокопрофессиональные ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся теоретических и практических аспектов психологии красоты и привлекательности.

Ильин Евгений Психология общения и межличностных отношений. Издательство: Питер, 2009. 576 с.

Для данного пособия характерна подлинная «многоаспектность» изложения материала, что выгодно отличает его от аналогичных публикаций. К бесспорным достоинствам книги следует отнести колоссальную проработку отечественной и зарубежной литературы, а также широчай-

ший охват вопросов. Это настоящая энциклопедия теоретической и практической психологии общения и межличностных отношений. Издание предназначено для психологов, педагогов, руководителей и многих других специалистов, для которых знакомство с этой книгой станет залогом успешной профессиональной деятельности.

Стрижов Е.Ю. Психология нравственной надежности и мошенничества: монография. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. 305 с.

В монографии обоснована необходимость создания нового направления исследований - психологии нравственной надежности. Показаны историческая преемственность нравственного подхода в отечественной юридической психологии, проведен анализ психодиагностических методов определения нравственной надежности личности и склонности персонала к мошенничеству.

Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009, 268 с.

В книге представлены результаты исследований негативных тенденций формирования личности современного молодого человека, которые являются трудно сопоставимыми с общекультурными основами образования и воспитания.

Гришко А.Я. Амнистия и помилование: монография. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 199 с.

В монографии рассматривается правовое регулирование институтов амнистии и помилования. Анализируются их сущность, понятие, а также состояние и проблемы правоприменительной практики. Освещается ход реализации Указа Президента России от 28 декабря 2001 года № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации».

Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия. Помилование. Судимость. М.: Университетская книга, Логос, 2009. 272 с.

В книге изложены основные вопросы, связанные с применением амнистии и помилования: сущность, понятие, состояние и их правовое регулирование. Особое внимание уделено характеристике личности амнистированных и помилованных с точки зрения социально-демографических и уголовно-правовых признаков, а также институту судимости.

Научная жизнь

**Новикову Виктору Ивановичу –
80 лет**

**Новикову Виктору Ивановичу -
80 лет**

Виктор Иванович Новиков родился в 1929 году в деревне Поповка Мглинского района Брянской области в семье учителей. Тринадцатилетним подростком вступил в Мглинский партизанский отряд в качестве связного, принимал участие в борьбе против немецко-фашистских захватчиков на Брянщине.

Окончив в 1952 году Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, В.И. Новиков работает в погрузочно-транспортном управлении треста «Октябрьуголь» сначала поездным диспетчером, затем начальником службы движения. В 1954 году его избирают секретарем парторганизации этого управления. С 1957 года В.И. Новиков - на руководящей партийной и советской работе в Скопинском районе Рязанской области.

В 1988 году В.И. Новиков уволился со службы на пенсию, продолжая работать доцентом кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Академии права и управления Минюста России.

За заслуги перед Родиной Виктор Иванович награжден орденами: Отечественной войны II степени, трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями: «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» II степени и ведомственными наградами.

**Тюгаевой Нине Алексеевне –
70 лет**

**Тюгаевой Нине Алексеевне -
70 лет**

Тюгаева Нина Алексеевна родилась 17 ноября 1939 года в с. Чекан (Татарстан). Окончила физико-математический факультет Мелекесского государственного педагогического института. С 1962 г. по 1967 г. работала в общеобразовательной школе г.Дудинка Красноярского края Таймырского национального округа учителем математики, физики, черчения, астрономии.

Н.А. Тюгаева - доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник внутренней службы в отставке. Научная школа профессора Н.А. Тюгаевой работает по направлениям: общеобразовательное обучение и профессиональная подготовка осужденных; система воспитательной работы с осужденными; повышение профессионального мастерства сотрудников УИС.

Н.А. Тюгаева опубликовала более 130 научных работ: «Исправительная (пенитенциарная) педагогика» (1993), «Образовательные программы исправления осужденных» (1997), «Индивидуальная воспитательная работа с осужденными» (2006), «Научно-педагогический кадровый потенциал вузов: подходы и концепция развития» (2007), «Исправительные программы для осужденных к лишению свободы: зарубежный и отечественный опыт» (2007) и др.